

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства»
(ПГУАС)

С.Д. Морозов

**РЕФОРМЫ И РЕФОРМАТОРЫ РОССИИ:
ОТ В.И. ЛЕНИНА ДО В.В. ПУТИНА**

Утверждено к печати Институтом Российской истории РАН

Москва
ИРИ РАН

2016

Пенза
ПГУАС

УДК 94(470): 316.3
ББК 63.3(2)527+60.7
М80

Ответственный

редактор: руководитель Центра изучения истории территории и населения России Института Российской истории РАН, доктор исторических наук, профессор В.Б. Жиромская

Рецензенты: проректор по научной работе Марийского государственного университета, доктор исторических наук, профессор С.В. Стариков;
заведующий кафедрой Отечественной истории и археологии Самарского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор А.И. Репинецкий

Морозов С.Д.

М80 Реформы и реформаторы России: От В.И. Ленина до В.В. Путина: моногр. / С.Д. Морозов. – М.: Институт Российской истории РАН; Пенза: ПГУАС, 2016. – 172 с.
ISBN 978-5-9282-1385-5

Представлены результаты исследований социально-экономического развития и реформ в России в XX в. Подробно рассматриваются этапы развития экономики и государственности, формирования новых классов, социальных слоев и групп населения. Основная задача – проанализировать экономические реформы и деятельность реформаторов России и СССР.

Монография подготовлена на кафедре «История и философия» и предназначена для научных работников, преподавателей и студентов разных специальностей.

ISBN 978-5-9282-1385-5

© Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, 2016
© Институт Российской истории РАН, 2016
© Морозов С.Д., 2016

ВВЕДЕНИЕ

Великий русский историк В.О. Ключевский писал: «Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и для чего мы живем, как и к чему должны стремиться, механическими куклами, которые не рождаются, а делаются, не умирают по законам природы, жизни, а ломаются по чьему-то детскому капризу».

История России – часть мировой истории. В книге показано, как в рамках общемировых закономерностей шло социально-экономическое развитие российского общества и государства в XX в., какое влияние на эти процессы оказывали природа и климат евразийского геополитического пространства, соотношение размеров территории и ее заселенности, многонациональный и многоконфессиональный состав населения, внешние факторы и др.

В основу изложения материала положены общие методологические принципы исторического познания (важнейшие из них – объективность, историзм), а также конкретные методы исторического исследования.

Принцип объективности помогает выявлять закономерности, определяющие процессы социально-экономического, политического и культурного развития, рассматривать осуществление советским государством реформ и деятельность партийных и советских функционеров во всей их многогранности и противоречивости, независимо от нашего отношения к излагаемым фактам и событиям, не искажая и не подгоняя их под заранее заданные схемы и концепции.

Принцип историзма предполагает изучение советских реформ с учетом конкретно-исторической обстановки соответствующей эпохи, во взаимосвязи и взаимообусловленности событий, с точки зрения того, как, в силу каких причин, где и когда возникло то или иное явление, какой путь оно прошло, какие оценки давались ему на том или ином этапе развития.

К конкретным методам исторического исследования относятся общенаучные, собственно исторические и специальные (заимствованные у других наук). Среди них – логический, синхронно-хронологический, ретроспективный, структурно-системный, математического анализа, социологический и др. Применение всех этих методов позволило глубже и достовернее реконструировать картину советского прошлого, воспроизвести процесс социально-экономического развития с его общими и особенными, индивидуальными чертами, систематизировать исторические знания.

Одним из принципиальных вопросов исторической науки является проблема периодизации истории. В настоящей книге в основу периодизации исторического развития нашего Отечества положена эволюция экономических, государственных и политических институтов, системы власти и управления, структурные изменения которых являются определяющими при рассмотрении социально-экономического и политического развития России.

Предлагаемая монография знакомит с историческим прошлым СССР в XX в. Историческая реальность сложна, многогранна и представляет собой целостный комплекс разнообразных явлений и фактов. Историю любой страны можно оценивать как череду событий, происходящих в социально-экономической сфере. Это не означает, однако, что экономическая история полностью отделена от политической, военной и культурной истории государства. В настоящей монографии история Советской России и СССР рассматривается как ряд экономических реформ и деятельность реформаторов, сменяющих друг друга. Судьба этих реформ часто была очень непростой, ни одна из них практически не доведена до логического завершения.

Известно, что история государства во многом связана с ролью конкретных личностей, поэтому значительное место в книге уделено деятельности наиболее заметных из них на фоне важнейших социально-экономических процессов. В книге затронуты также политические и военные события, которые оказали определяющее влияние на реформы в СССР.

При написании монографии были использованы данные новейшей историографии, появившейся в последние годы, документальные источники, а также труды авторов, долгие годы не публиковавшиеся в нашей стране.

1. «ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ» В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

1.1. Становление Советской власти и первые экономические мероприятия

Советская власть утвердилась на большей части бывшей Российской империи с октября 1917 по март 1918 г. Этот процесс проходил по-разному в разных регионах страны. Так, в Москве, на Дону, Кубани, Южном Урале большевикам приходилось сталкиваться с ожесточенным сопротивлением отдельных воинских частей и вооруженных отрядов населения. В Центрально-промышленном районе Советская власть была установлена в основном мирным путем, поскольку большевики имели большое влияние в промышленных городах, здесь было хорошее железнодорожное сообщение, что помогало им быстро перебрасывать необходимую помощь. К марту 1918 г. новая власть победила на Севере, в Сибири, на Дальнем Востоке, в основном в крупных центрах вдоль путей сообщения.

С большим трудом шло становление Советской власти на Украине, в Закавказье, Средней Азии, Прибалтике (в той части, которая не была оккупирована Германией), где в октябре 1917 г. к власти пришли силы, выступавшие за полное отделение от России. Власть Советов победила здесь только благодаря вооруженному вмешательству отрядов Красной гвардии.

Основные причины достаточно быстрого «триумфального шествия» новой власти по стране коренились главным образом в массовой поддержке армией и населением страны первых декретов Советской власти (октябрь – ноябрь 1917 г.), которые носили общедемократический характер и были близки жизненным интересам большинства людей. Декрет о мире призывал народы и правительства воюющих стран заключить мир без аннексий и контрибуций, в Декрете о земле провозглашалась национализация крупной земельной собственности и раздел земли между крестьянами. Это относилось и к Декларации прав народов России, и к Обращению к трудящимся мусульманам Востока, где содержалось обещание предоставить этим народам суверенитет, равенство, право на самоопределение и пр.

Установление Советской власти в центре и на местах означало разрушение всей дореволюционной структуры управления и создание нового государственного аппарата. Высшим законодательным органом страны провозглашался съезд Советов. В перерывах между съездами законодательные функции выполнял Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК). Высшим исполнительным органом стал Совет народных комиссаров (СНК), который обладал также правом законодательной инициативы. Вместо прежних министерств были образованы народные комиссариаты (наркоматы), выполнявшие функции управления

экономикой. Одновременно была ликвидирована вся прежняя система правосудия. Взамен учреждены революционные трибуналы, которые должны были судить на основе «пролетарской совести и революционного самосознания».

В первые же месяцы был установлен 8-часовой рабочий день. Был издан декрет об отделении школы от церкви, а церкви от государства, закреплялось равноправие всех религиозных конфессий. Было принято решение об уравнивании в правах мужчин и женщин в области семейных и политических отношений.

Правительство, образованное 25 октября 1917 г. по решению II съезда Советов, было временным и имело полномочия лишь до созыва Учредительного собрания, где на законном основании должен был решиться вопрос о государственной власти и будущем развитии страны. Но на выборах в Учредительное собрание (ноябрь 1917 г.) население страны в большинстве своем не поддержало большевиков. Ок. 76% избирателей проголосовало за эсеров, меньшевиков, кадетов и представителей других партий, которые не ставили своей целью построение коммунизма, а отстаивали общедемократические цели. Чтобы смягчить это поражение, Совнарком объявил партию кадетов «партией врагов народа» и тем самым аннулировал их мандаты, полученные на выборах. Были закрыты почти все оппозиционные газеты.

Депутаты Учредительного собрания 5 января 1918 г. отказались признать законность захвата власти, осуществленного большевиками в октябре 1917 г. В ответ правительство в ночь на 6 января распустило это демократически избранное собрание. В его поддержку состоялась многочисленная демонстрация рабочих Обуховского, Патронного и других заводов Петрограда, которая была расстреляна Красной гвардией.

В ноябре 1917 г. Совнарком отменил все дореволюционные сословия и чины. Для всего населения устанавливалось единое наименование – граждане Российской республики. Но в отличие от буржуазных революций на Западе, которые провозглашали равенство всех граждан перед законом, пролетарская революция установила иные принципы. В соответствии с Конституцией РСФСР (июль 1918 г.) часть населения лишалась практически всех прав и попадала в категорию «лишенцев». В их число были включены лица, живущие на нетрудовые доходы, частные торговцы, служители церкви, бывшие сотрудники полиции, члены царской фамилии, а также лица, «прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли». «Лишенцы» не имели избирательных прав, они не могли занимать многие государственные должности. Эти ограничения относились и к крестьянам, нанимавшим сезонных работников. Лишение прав распространялось на всех членов семьи, в том числе и на детей, которые уже не могли получить высшее образование, им ограничивался доступ даже в общеобразовательные школы и т.д.

После выборов в Учредительное собрание, когда крестьяне проголосовали в основном за эсеров, в Конституцию РСФСР были введены статьи, по которым сельские жители могли направить от равного количества избирателей в пять раз меньше делегатов на съезды Советов, чем рабочие. Таким образом, создавались условия для концентрации всех ветвей власти в руках одной группы (партии) людей, которая находилась вне контроля общества. Это означало, что Советская политическая система могла быть только однопартийной. На практике это выразилось в том, что уже в 1918 г. большевики вытеснили из всех государственных структур левых и правых эсеров, меньшевиков и прочих социалистов, а «Советская власть» стала синонимом «большевистской власти».

На общее положение в стране большое влияние оказал тот факт, что Россия все еще продолжала участвовать в войне. Декрет о мире призывал к ее окончанию, но союзники по Антанте не откликнулись на него. Призыв России был поддержан лишь Германией, которая также находилась на краю экономической и политической катастрофы. В декабре 1917 г. было подписано перемирие и начались мирные переговоры в Брест-Литовске. Советская сторона настаивала на заключении мира без всяких условий. Германия не приняла эти предложения и выдвинула ультиматум, в котором требовала передать ей территорию Польши, а также часть Прибалтики и Белоруссии (примерно 150 тыс. кв. км).

Переговоры тянулись более двух месяцев без особых успехов, в том числе и из-за разногласий внутри Советского правительства. Воспользовавшись этим, германские войска нарушили перемирие и в феврале 1918 г. перешли в наступление, не встречая почти никакого сопротивления, поскольку старая армия фактически была демобилизована, а новые красногвардейские отряды слабо вооружены и плохо организованы.

Под угрозой падения Петрограда Советское правительство согласилось принять германские условия, но Германия тут же стала их ужесточать: теперь она уже претендовала на большую часть Украины, Северный Кавказ и др. По условиям мирного договора к Германии должна была перейти территория в 750 тыс. кв. км, где проживали более 50 млн чел., находилась треть всех железных дорог страны и основные металлургические заводы, угольные шахты Донбасса и т.д. Плюс ко всему Россия должна была выплатить огромную контрибуцию продовольствием, сырьем, золотом.

Брестский мир был подписан 3 марта 1918 г. Он был воспринят в стране с тяжелым чувством, население расценивало его как унижение и позор. Но, тем не менее, Россия получила мирную передышку, а большевикам удалось удержать власть (отметим, что Брестский мир был аннулирован 13 ноября 1918 г., то есть через день после подписания перемирия в Компьенском лесу близ Парижа, что означало фактическое окончание Первой мировой войны).

До революции строительство нового общества представлялось большевикам как процесс создания экономики, основанной на нерыночных

отношениях командного типа. В качестве образца предлагалось использовать опыт Парижской коммуны 1871 г. Считалось, что после революции в стране не будет армии, полиции, все чиновники будут выборными и подотчетными народу, а государством смогут управлять все граждане. В переходный период строительства коммунистического общества вместо буржуазного государства будет диктатура пролетариата, которая сможет осуществлять две основные функции: подавление сопротивления буржуазии и руководство массами населения.

Предполагалось, что уже в переходный период в экономике будет отсутствовать частная собственность, произойдет полное обобществление производства, сформируются хозяйственные связи, основанные на административном распределении продукции из единого экономического центра. После революции Советское правительство начало активно внедрять эти теоретические установки в хозяйственную практику. И если внимательно проанализировать историю Советского периода, то можно с уверенностью утверждать, что большая часть этих установок действовала на протяжении нескольких десятилетий.

Почему большевикам удалось достаточно быстро воплотить в жизнь такую модель?

Во-первых, в России на протяжении веков государственная (казенная) собственность традиционно занимала ведущее положение. Патернализм в экономике был весьма сильным, что создавало соответствующие предпосылки для создания сверхцентрализованной системы управления хозяйством, присущей тоталитаризму.

Во-вторых, в массовом сознании людей преобладали наивные представления о социальной справедливости, об уравнительном распределении собственности, и прежде всего земли (что и обещали большевики). Поэтому основная часть населения всюду поддерживала первые шаги Советской власти.

В-третьих, новая власть по своей природе была основана на репрессивном аппарате, силы которого стали использоваться уже в первые месяцы после Октябрьского переворота (создание ВЧК в декабре 1917 г., разгон Учредительного собрания в январе 1918 г.).

Формирование командно-административной экономики ознаменовалось систематической борьбой большевиков против частной собственности. По стране началась «красногвардейская атака на капитал», то есть массовая экспроприация частной собственности. Как проходил этот процесс? 14 ноября 1917 г. ВЦИК принял постановление о введении рабочего контроля на всех промышленных, банковских, транспортных, торговых и других предприятиях, где применялась наемная рабочая сила. Органы контроля имели большие полномочия: наблюдать за производством, хранением, реализацией продукции, устанавливать минимальный выпуск продукции для данного предприятия, определять издержки изготавливаемых

изделий, следить за деловой перепиской, за приемом и увольнением работников, а также за финансовой деятельностью администрации, что подразумевало отмену коммерческой тайны. Это чаще всего некомпетентное вмешательство рабочих контролеров вызывало недовольство среди предпринимателей, в результате чего стали закрываться заводы и фабрики.

В декабре 1917 г. при Совнаркоме был создан Высший совет народного хозяйства (ВСНХ), которому было поручено управлять государственным сектором российской экономики в качестве единого центра, разрабатывать общие нормы регулирования экономической жизни страны, объединять деятельность центральных и местных экономических учреждений, а также органов рабочего контроля. ВСНХ получил также право конфисковывать частные предприятия, проводить принудительное синдицирование различных промышленных предприятий и т.д. Одновременно в большинстве регионов страны стали создаваться местные органы управления экономикой – советы народного хозяйства (совнархозы).

По декретам от 14 декабря 1917 г. и 24 марта 1918 г., все недвижимое имущество в городах было сначала изъято из торгового обращения, а затем передано в государственную собственность. Декрет ВЦИК от 3 февраля 1918 г. аннулировал все внутренние долги государства. В апреле 1918 г. было запрещено покупать, продавать и сдавать в аренду торговые и промышленные предприятия, в мае 1918 г. отменено право наследования. Ни одна из этих мер не была продиктована «насущной необходимостью», поскольку страна еще не находилась в состоянии гражданской войны. Все это делалось с целью лишения граждан страны их экономической и политической самостоятельности.

Наступление на частную собственность осуществлялось путем насильственного безвозмездного отчуждения (конфискации) собственности промышленной, торговой, финансовой буржуазии в пользу государства. Прежде всего, были национализированы банки, поскольку именно банковская система оказывает решающее влияние на организацию всей хозяйственной деятельности в стране. Национализация банков началась с захвата Государственного банка вооруженными отрядами еще в дни Октябрьского переворота. Но только в конце ноября 1917 г. он стал нормально функционировать, поскольку сначала его служащие не соглашались сотрудничать с новой властью.

Следующим этапом была национализация акционерных и частных банков коммерческого кредита: Русско-Азиатского, Торгово-промышленного, Сибирского и др.; в декабре 1917 г. они были заняты вооруженными красногвардейцами в Петрограде, а на следующий день и в Москве. В это же время ВЦИК утвердил Декрет о национализации банковского дела в стране, по которому устанавливалась государственная монополия на осуществление банковских операций, на реорганизацию, ликвидацию старых и создание новых кредитных учреждений.

В январе 1918 г. были аннулированы банковские акции, принадлежавшие крупным частным предпринимателям. Государственный банк был переименован в Народный банк и поставлен во главе всех других. В течение 1919 г. все банки, кроме Народного, были ликвидированы. В приказном порядке были открыты все сейфы и конфискованы ценные бумаги, золото, наличность. Только в Москве из банковских сейфов было конфисковано примерно на 300 тыс. царских руб. золота и на 150 тыс. руб. серебра, кроме того, золото в слитках и песке. Кстати, из конфискованных денег только на нужды канцелярии Совнаркома было ассигновано 10 млн руб.

После октября 1917 г. практически развалилась налоговая система, что окончательно подорвало государственный бюджет, для пополнения которого даже были пущены в оборот купоны «Свободного займа» Временного правительства. За первые полгода после революции расходы правительства составили от 20 до 25 млрд руб., а доходы – не более 5 млрд руб.

Для пополнения бюджета местным Советам разрешалось справляться собственными силами. На местах зачастую прибегали к дискриминационному налогообложению «классовых врагов» в форме «контрибуций». Так, в октябре 1918 г. на зажиточных крестьян была наложена специальная контрибуция в 10 млрд руб., а Москве и Петрограду, в свою очередь, следовало заплатить 3 и 2 млрд руб. соответственно. Такая мера нередко использовалась с целью наказания определенных слоев населения. Хотя следует признать, что требуемые суммы собрать полностью не удавалось нигде.

Следующим шагом в деле национализации было овладение железными дорогами, чья администрация и почти все инженерно-технические работники отказались сотрудничать с новой властью, покинув свои рабочие места. Это привело к полной дезорганизации движения поездов. Действия управленческого персонала поддерживали руководители Всероссийского исполкома союза железнодорожников (Викжеля), которые вели открытую борьбу с Советским правительством. Противостояние длилось почти полгода, и только к лету 1918 г. большинство железных дорог было национализировано. В первые месяцы 1918 г. была проведена также национализация речного и морского флота.

В апреле 1918 г. был издан Декрет о национализации внешней торговли. Советское правительство объявило об аннулировании огромных внутренних и внешних долгов, сделанных царским и Временным правительствами. Этот шаг имел большие политические и экономические последствия, часть из которых не урегулирована полностью до настоящего времени.

Национализация крупной промышленности оказалась сложным делом и требовала большего времени, нежели национализация банков и транспорта. Сначала в государственную собственность передавались лишь отдельные предприятия и акционерные общества в соответствии с постановлениями правительства. Но местные органы власти и рабочие организации самостоятельно проводили конфискацию предприятий у прежних владельцев,

насиленно отстраняя их от управления производством. В основном это были предприятия топливной, металлургической, химической, металлообрабатывающей промышленности, машиностроения.

Весной 1918 г. руководство страны высказывало озабоченность слишком быстрыми темпами «атаки на капитал», поскольку результаты введения рабочего управления на предприятиях оставляли желать лучшего. Но уже к лету 1918 г. экономическое положение Советской России настолько ухудшилось, что возникла угроза полной остановки производства, поэтому правительство решило ускорить национализацию промышленности.

В мае был принят Декрет о национализации сахарных заводов, вскоре после этого – нефтяной промышленности, а в июне было объявлено о массовой национализации крупных предприятий в горнодобывающей, металлообрабатывающей, электротехнической, хлопчатобумажной, лесной и других отраслях. К концу 1918 г. была обобществлена основная масса предприятий тяжелой, индустрии, завершился же этот процесс в 1920 г.

Наряду с этим в стране было намечено провести целый ряд мероприятий, таких, как: организация строжайшего учета и контроля за производимой продукцией и ее расходом, организация социалистического соревнования, использование принципа материальной заинтересованности при оплате труда, укрепление трудовой дисциплины. Все это предполагалось осуществить для достижения наивысшей, по сравнению с капитализмом, производительности. Но следует отметить, что Советская экономика за 70 с лишним лет так и не смогла добиться этого.

Большие перемены в аграрном секторе были predetermined принятым на II съезде Советов в ночь с 26 на 27 октября 1917 г. знаменитым Декретом о земле. В соответствии с этим Декретом крестьянам было отдано безвозмездно более 150 млн га земли, которая до революции принадлежала государству, помещикам и монастырям. Помимо пахотных, лесных, водных и прочих угодий, в руки крестьян передавалось все движимое и недвижимое имущество примерно на 300 млн руб. Были ликвидированы огромные ежегодные платежи помещикам и сельской буржуазии за аренду земли (примерно на сумму 700 млн руб. золотом). Был аннулирован долг Крестьянскому поземельному банку, составлявший к тому времени 3 млрд руб. В Декрете было записано: право частной собственности на землю отменяется в России навсегда. Отныне земля не является объектом купли-продажи, ее нельзя сдавать в аренду или отдавать в залог. Следовательно, права частной собственности на землю лишались и те миллионы крестьян, которые еще в годы столыпинской реформы вышли из общины и закрепили за собой свои наделы или купили их перед самой войной. Все они превращались из собственников земли в ее пользователей.

В феврале 1918 г. был принят Закон о социализации земли, который провозгласил переход земли из частной собственности в общенародную. В основу закона был положен эсеровский принцип уравнительного

распределения земли между крестьянами, а на деле – фактический передел земли в пользу бедноты. Бедняки требовали включить в передел не только помещичьи, церковные и прочие угодья, но и земли зажиточных крестьян. Эти крестьяне соглашались на передел помещичьих и прочих земель, но решительно выступали против включения в этот процесс их собственных наделов, поскольку от такого перераспределения выиграли бы только малоземельные крестьяне, получившие хорошо обработанные участки от состоятельных хозяев. На первом этапе раздела земли удалось избежать этого процесса, и у кулаков остались в основном их собственные земли.

Впрочем, вопрос о способах передела земли, о нормах землепользования был одним из самых болезненных в этот период. Он постоянно обсуждался на сельских сходах, волостных собраниях, где крестьяне с трудом приходили к согласию. В большинстве губерний Центрально-Черноземной полосы, Центрально-Промышленного, Поволжского регионов распределение земель происходило путем простого деления общего количества земли на число душ мужского и женского пола в семье.

В Декрете о земле особо оговаривалась неделимость так называемых культурных хозяйств (питомников, оранжерей, садов), созданных еще в начале века. Предполагалось передать эти хозяйства в собственность государства или общины с целью широкого распространения передовых агрокультурных знаний. Но основная масса крестьян стремилась захватить эти хозяйства, разграбить и уничтожить имущество, устраивая бессмысленные погромы.

К весне 1918 г. первый передел земельного фонда был почти полностью завершен, в результате чего повсеместно в среднем на 60% увеличилось количество земли, приходящееся на крестьянскую семью. В стране стала пропагандироваться идея создания обобществленных хозяйств. На базе некоторых помещичьих имений создавались государственные советские хозяйства (совхозы). Рабочие, приехавшие из городов, чтобы спастись от голода, проводили агитацию по созданию коммун и артелей. Так, в первой половине 1918 г. возникло 975 коммун и 604 артели. В коммунах обобществлялись не только сельскохозяйственные орудия, скот, продовольствие, хозяйственные постройки, но и предметы быта, домашняя птица и пр. Однако, как показал опыт, коммуны, артели оказались очередной утопией, были неэффективны и в большинстве своем вскоре развалились.

В период первого передела в деревне обострились противоречия между бедняками и зажиточными крестьянами. Беднота при негласной поддержке Советской власти стала стихийно подниматься на борьбу с кулачеством, что привело к усилению социальной напряженности. Зажиточные крестьяне перестали сдавать хлеб государству, вследствие чего обострилась проблема снабжения городов продовольствием. Правительство сделало попытку наладить обмен с деревней, поставляя туда промышленные товары

повседневного спроса. Но этот обмен закончился неудачей, потому что товарные запасы в городах оказались небольшими.

Поскольку большевики ставили своей целью построение экономики, основанной на нерыночных методах, они перестали искать пути взаимовыгодного сотрудничества с кулаками. Крестьянство, в свою очередь, стало сокращать объемы проданного хлеба государству. В ноябре 1917 г. было заготовлено 641 тыс. т. зерна, в декабре – 136, в январе 1918 г. – 46, в апреле – 38, а в июне – только 2 тыс. т.

В мае 1918 г. правительство объявило о введении продовольственной диктатуры, что означало переход к политике жесткого давления на зажиточное крестьянство, к насильственному изъятию хлебных запасов. В деревню были посланы многотысячные вооруженные продовольственные отряды (продотряды) из числа рабочих и солдат, занимавшиеся прямой конфискацией продовольствия. В этой работе продотряды опирались на комитеты деревенской бедноты (комбеды), созданные на основе декрета ВЦИК от 11 июня 1918 г. По неполным данным, к ноябрю 1918 г. в 33 губерниях Российской Федерации было организовано св. 122 тыс. комитетов бедноты.

Им было поручено распределять среди бедняков хлеб, сельскохозяйственные орудия, промышленные товары, оказывать содействие местной власти в изъятии излишков хлеба у кулаков. Но на практике комбеды присвоили себе гораздо больше полномочий. В частности, они активно участвовали в переделе земли между крестьянами. В результате их деятельности у кулаков было конфисковано не только продовольствие, но и почти 50 млн га земельных угодий, машины, рабочий скот, предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья (маслобойни, мельницы и др.), которые были отданы безвозмездно беднякам или в коммуны. В конце 1918 – начале 1919 гг. комбеды были слиты с волостными и сельскими Советами, поскольку правительство усмотрело в их деятельности превышение полномочий и проявление «двоевластия» в деревне.

Все эти шаги советского правительства значительно подорвали экономическую базу основных производителей продовольствия на селе, включая и середняков, а также усилили тенденцию на конфронтацию крестьян с государственной властью. Кроме того, установление продовольственной диктатуры вело к социальной розни на селе, поскольку раскол крестьянства являлся целенаправленной государственной политикой – без этого большевики не могли бы удержать власть в мелкокрестьянской стране. В результате острое социальное противостояние между отдельными группами вылилось в скором времени в Гражданскую войну.

До сих пор нет единого мнения о том, когда началась Гражданская война в России, то есть когда началась непримиримая вооруженная борьба между различными социальными слоями населения. Можно считать, что острое противостояние началось в феврале 1917 г., когда общество раскололось на

сторонников и противников революции. Насильственное свержение Временного правительства и захват власти большевиками, разгон Учредительного собрания все более обостряли обстановку в стране.

Но вся эта борьба приняла общероссийский масштаб только в середине 1918 г. Поводом для этого, с одной стороны, послужила жесткая политика правительства по отношению к частным предпринимателям в промышленности, торговле, сельском хозяйстве. С другой стороны, обострению обстановки в стране способствовали действия противников Советской власти, в частности, чехословацкий мятеж, крестьянские восстания, что привело летом 1918 г. к общенациональной Гражданской войне, обостренной военной интервенцией держав, входивших в Антанту, а также Германии, Японии и других стран.

Интервенцию можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, международные кредиторы российской экономики пытались не допустить потерь в результате национализации имущества иностранных граждан и отказа Советского правительства выплачивать иностранные долги.

Во-вторых, западные державы пытались сдержать влияние социалистической революции по всему миру.

В-третьих, определенные круги в странах Антанты стремились ослабить экономическое влияние России на международной арене, отделить от нее окраинные территории на Дальнем Востоке, в Средней Азии, Закавказье.

В стране началось формирование Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) на основе регулярной и обязательной мобилизации населения. К концу 1918 г. в ее рядах было св. 1 млн чел., а осенью 1920 г. – ок. 5,5 млн чел. В тылу расширялись полномочия ВЧК, усиливался красный террор против лиц, «прикосновенных к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам». Была восстановлена отмененная II съездом Советов смертная казнь. Распространенным явлением стали заложники из числа дворян, духовенства, буржуазии, многие из которых были расстреляны. Развертывалась сеть концлагерей; к 1921 г. там содержались ок. 80 тыс. чел.

В сентябре 1918 г. ВЦИК объявил Советскую республику «единым военным лагерем», в соответствии, с чем был создан Реввоенсовет во главе с Л.Д. Троцким для руководства армией и флотом. В ноябре под руководством В.И. Ленина был учрежден Совет рабочей и крестьянской обороны, который сконцентрировал всю полноту государственной власти в стране.

1.2. Политика «военного коммунизма»

Именно в это время стала складываться жестко централизованная социально-экономическая система, названная «военным коммунизмом», когда государство сконцентрировало в своих руках почти все трудовые, финансовые и материальные ресурсы, заставляя их работать на принципах военного подчинения. В этот период была проведена широкая национализация промышленных предприятий, включая и мелкие, «с числом рабочих более пяти, но с использованием механического двигателя». Все оборонные предприятия и железнодорожный транспорт были переведены на военное положение.

Для управления промышленностью в ВСНХ было создано более 50 главных управлений, или главков, получивших по существу абсолютные полномочия в руководстве отдельными отраслями. На предприятиях повсеместно была введена военная дисциплина и единоначалие, не допускалось никакой хозяйственной самостоятельности, а все решения принимались директорами только после согласования с главками. С введением «военного коммунизма» значительно расширился управленческий аппарат. Главки и комитеты ВСНХ превратились в чрезвычайные органы республики. Эта система управления получила название «главкизм».

Именно в эпоху «военного коммунизма» был разработан и принят в 1920 г. первый план страны: Государственный план по электрификации России (ГОЭЛРО). В нем предусматривались восстановление и реконструкция предприятий довоенной электроэнергетики, а также строительство нескольких десятков новых тепловых и гидроэлектростанций. В плане намечались также грандиозные перспективы развития транспорта и различных отраслей промышленности. Этот план воплощал в себе мечты большевиков о плановой экономике по образцу военной экономики Германии. В целом план ГОЭЛРО остался невыполненным.

Одним из направлений политики диктатуры пролетариата в период «военного коммунизма» было установление прямого продуктообмена между городом и деревней с использованием внеэкономических и военных мер. Приоритетной целью этой политики была аккумуляция продовольствия в государственных фондах для обеспечения нужд армии и рабочих, занятых на оборонных предприятиях. В январе 1919 г. Совнарком издал Декрет об обязательной сдаче крестьянами государству всех излишков хлеба и фуража. Государственные органы устанавливали планы по изъятию хлеба производящим губерниям. Те, в свою очередь, распределяли (разверстывали) задания по своим уездам, волостям, селениям, крестьянским дворам. Весь этот процесс получил название продразверстки.

Но зачастую государство изымало у крестьян не только излишки хлеба. Под видом излишков забиралось и необходимое для семьи продовольствие, семенное и фуражное зерно. В 1920 г., помимо хлеба, продразверстка

распространилась на картофель, овощи и другие сельскохозяйственные культуры. За эти поставки предусматривалась оплата по твердым ценам. Но поскольку бумажные деньги обесценивались очень быстро, то фактически продразверстка означала прямую конфискацию продовольствия.

Теоретики «военного коммунизма» – Н. Бухарин, Е. Преображенский, Ю. Ларин и другие – в 1918–1920 гг. постоянно подчеркивали, что «коммунистическое общество не будет знать денег», что деньги обречены на исчезновение. Они хотели сразу обесценить деньги, а на их место поставить обязательную систему распределения благ по карточкам. Но, как отмечали эти политики, наличие мелких производителей (крестьян) не позволяло сделать это быстро, потому что крестьяне все еще оставались вне сферы государственного контроля и им еще надо было платить за продукты.

На практике же крестьянам платили очень мало. Основная масса денег, выпускаемых казной, шла не на закупку сельскохозяйственной продукции, а на выплату заработной платы рабочим и чиновникам. По подсчетам члена Президиума ВСНХ Ю. Ларина, в 1920 г. было 10 млн работников, получавших ежемесячно в среднем по 40 тыс. руб., всего 400 млрд руб. А все затраты на продовольствие, закупленное в 1918–1920 гг. по твердым ценам, составили меньше 20 млрд руб.

Исходя из идеи о необходимости скорой отмены денег, правительство все больше склонялось к полному обесценению денег путем их неограниченной эмиссии. Их было напечатано так много, что они обесценились в десятки тысяч раз и почти полностью потеряли покупательную способность. Результатом такой политики стало превращение денег в «раскрашенные бумажки». Но в отличие от других европейских стран (Германии, Австрии, Венгрии), где денежная система также находилась в глубоком кризисе, гиперинфляция в России была осуществлена сознательно. Среди руководителей страны было распространено мнение о том, что гиперинфляция полезна для экономики, так как она быстро «съест» денежные накопления бывших эксплуататоров путем их обесценения, что позволит совсем вытеснить деньги из обращения.

Как известно, к концу 1917 г. в России находилось в обращении более 22 млрд руб. Основная масса этих денег состояла из царских рублей, известных как «николаевки» (или «романовки»), а также думских денег в купюрах по 250 и 1000 руб. В ходу было очень много бумажных денег, «керенок», выпущенных Временным правительством. По внешнему виду это были простые талоны, напечатанные на одной стороне листа, не имевшие ни серийного номера, ни других атрибутов казначейских билетов. Они выпускались номиналом в 20 и 40 руб. неразрезанными листами величиной с газету. Курс керенок был ниже, чем курс царских денег. Советское правительство вплоть до февраля 1919 г. продолжало печатать керенки, не внося в их внешний вид никаких изменений. Это объяснялось

опасением, что население, и прежде всего крестьяне, не будет принимать новые деньги из-за их низкой покупательной способности.

Денежная эмиссия первых послереволюционных лет оказалась самым главным источником пополнения государственного бюджета. В первой половине 1918 г. Народный банк выпускал ежемесячно по 2–3 млрд практически ничем не обеспеченных керенок. В январе 1919 г. в России в обращении находилось 61,3 млрд руб., две трети, которых составляли керенки Советского выпуска. В феврале 1919 г. были выпущены первые Советские деньги, которые назывались «расчетные знаки РСФСР». Они находились в обращении вместе с николаевками и керенками, но курс их был гораздо ниже, чем у прежних денег.

В мае 1919 г. Народному банку было предписано выпускать денег столько, сколько нужно для хозяйства страны. Печатный станок был включен на полную мощность. К концу года на монетном дворе работали 13616 чел. Экспедиция заготовления государственных бумаг работала в праздничные и выходные дни. Единственным ограничением этой работы была нехватка бумаги и краски, которые правительство закупало за границей. Пришлось открыть в Петрограде специальную бумажную фабрику, создать организацию по заготовке тряпья – сырья для печатания денег.

По словам Н. Осинского, во второй половине 1919 г. на печатание денег уходило от 45 до 60% бюджетных доходов. Он подчеркивал, что по этой причине нужно было бы как можно скорее отменить деньги, дабы сбалансировать бюджет. В течение 1919 г. количество бумажных денег увеличилось до 225 млрд руб., в 1920 – до 1,2 трлн. руб., а в 1921 г. – до 2,3 трлн руб.

Чтобы уменьшить спрос на денежные знаки, стали выпускать купюры по 5 и 10 тыс. руб., но одновременно стало катастрофически не хватать мелких денег, наступил так называемый разменный кризис. С крестьянами при сдаче хлеба расплачивались крупными купюрами – одной на несколько чел. Тут же оживились различные менялы, которые за размен сторублевой банкноты брали 10–15 руб. В качестве разменных денег использовались, например, почтовые и гербовые марки, на которые накладывался штемпель, определяющий денежный номинал.

В результате безудержной эмиссии уровень цен достиг невиданных масштабов. Если уровень цен 1913 г. принять за 1, то в 1918 г. он составил 102, в 1920 г. – 9620, в 1922 г. – 7 343 000, а в 1923 г. – 648 230 000. Как заявлял Е. Преображенский на X съезде партии (1921 г.), массовая инфляция служила формой косвенного налогообложения в пользу государства при изъятии у крестьян сельскохозяйственной продукции. Денежная масса исчислялась квадриллионами, стоимость коробка спичек или билета в трамвае оценивалась в миллионы Советских рублей – совзнаков, что означало гиперинфляцию. В 1921 г. покупательная способность 50-тысячной купюры приравнивалась к довоенной монете в одну копейку. Высокую ценность сохранил только золотой царский рубль, но в обращении его почти

не было, так как население его припрятывало. Однако совсем без полноценных денег обойтись было невозможно, поэтому в стране наиболее распространенными единицами измерения ценностей стали хлеб и соль.

Разруха, бездорожье, Гражданская война превратили страну в замкнутые, обособленные экономические острова с внутренними денежными эквивалентами. По бывшей Российской империи ходило множество разновидностей денег. Свои собственные деньги печатали в Туркестане, Закавказье, во многих российских городах: Армавире, Ижевске, Иркутске, Екатеринодаре, Казани, Калуге, Кашире, Оренбурге и многих других. В Архангельске, например, местные купюры с изображением моржа назывались «моржовки». Выпускались кредитные билеты, чеки, разменные знаки, боны: туркбоны, закбоны, грузбоны и т.д. Кстати, именно в Средней Азии и Закавказье была самая большая эмиссия, поскольку печатный станок находился в руках местных правительств, фактически не зависимых от центра.

В результате проведения такой денежной политики была полностью разрушена финансовая система страны. И вполне закономерно экономика перешла к натуральному обмену. В промышленности внедрялась система безденежных отношений и расчетов. Главки и местная власть выписывали ордера, по которым предприятия должны были бесплатно отпускать свою продукцию другим предприятиям и организациям.

Налоги отменялись, долги друг другу аннулировались. Снабжение сырьем, топливом, оборудованием осуществлялось также бесплатно, централизованным путем через главки. Для осуществления производственного учета на предприятиях Совнарком рекомендовал перейти к натуральным измерителям – тредам (трудовым единицам), которые означали определенное количество затраченного труда.

Фактически прекратила свое существование кредитно-банковская система. Народный банк был объединен с казначейством и подчинен ВСНХ, а по сути, превратился в центральную расчетную кассу. На банковских счетах предприятий фиксировалось движение не только денежных средств, но и материальных ценностей внутри государственного сектора экономики. Вместо банковского кредитования было введено централизованное государственное финансирование и материально-техническое снабжение.

В соответствии с продразверсткой в стране была запрещена частная торговля хлебом и другими продуктами. Все продовольствие распределялось государственными учреждениями строго по карточкам. Централизованно, по карточкам, распределялись и промышленные товары повседневного спроса. Повсеместно заработная плата рабочим и служащим на 70–90% выдавалась в виде продовольственных и промтоварных пайков или производимой продукцией. Были отменены денежные налоги с населения, а также плата за жилье, транспорт, коммунальные услуги и др.

На предприятиях все шире распространялась уравнительная система оплаты труда: если в 1917 г. заработная плата у высококвалифицированного

рабочего была в 2,3 раза выше, чем у чернорабочего, то в 1918 г. – в 1,3 раза, а к 1920 г. – всего в 1,04 раза. В годы «военного коммунизма» был введен запрет на забастовки рабочих. Свободные профсоюзы превратились по существу в государственные организации. То, что было завоевано рабочим движением в течение многих лет, отменялось.

Характерной чертой этого периода стала трудовая повинность. Еще в апреле 1917 г. В.И. Ленин заявлял, что трудовая повинность есть громадный шаг на пути к социализму, поскольку в соответствии с требованиями экономического планирования трудовые ресурсы должны находиться под контролем государства, как и все другие хозяйственные ресурсы.

Большевики были убеждены, что принудительный труд – это неотъемлемое свойство социализма, единственный способ вовлечения людей в хозяйственную жизнь. По словам Л.Д. Троцкого, принуждение к труду будет эффективным в условиях «властного распределения центром всей рабочей силы страны», что «рабочий должен стать крепостным социалистического государства».

Уже на II съезде Советов Л.Д. Троцкий объявил о введении всеобщей трудовой повинности, как об одной из ближайших задач революционной власти. В первые месяцы диктатуры пролетариата это относилось только к представителям буржуазии, которых заставляли выполнять под конвоем самую черную работу, а в случае отказа их объявляли «врагами народа». Польза от такого труда была ничтожной, она состояла в основном в возбуждении у населения классово-ненависти к бывшим эксплуататорам.

Вскоре принцип принудительного труда был распространен и на другие слои общества. Каждый взрослый чел. был обязан заниматься трудом и работать там, где ему прикажут, в целях уничтожения «паразитических слоев». Эта обязанность провозглашалась в январе 1918 г. Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа, а позже была включена и в Конституцию РСФСР 1918 г. Все трудоспособные и неработающие на этот момент женщины и мужчины от 16 до 55 лет обязаны были встать на учет в отделах распределения рабочей силы, где им давали направления на любую работу по усмотрению этих отделов.

К концу 1918 г. стало обычным делом объявлять о призыве рабочих и специалистов различных отраслей на государственную службу, как это делалось с набором в Красную армию. С этого момента они попадали под юрисдикцию военного трибунала со всеми вытекающими отсюда последствиями. Таким образом, были мобилизованы железнодорожники, медицинские работники, работники речного и морского флота, связисты, металлисты, электрики, работники топливной промышленности и т.д. Шла постепенная «милитаризация» гражданской службы, стирались различия между военной и гражданской сферами. Нарушителей дисциплины объявляли «дезертирами трудового фронта», заключали в концлагеря.

Самым последовательным сторонником такой практики был Л.Д. Троцкий, который в конце 1919 г. в своих «Тезисах» для ЦК партии доказывал, что все хозяйственные проблемы страны надо решать на основе военной дисциплины, а уклонение рабочих от их обязанностей должны рассматривать военные трибуналы.

В начале 1920 г. было решено преобразовать армейские подразделения, ненужные на фронтах, в трудовые армии, которые должны были ремонтировать железные дороги, заготавливать дрова и т.д. К марту 1921 г. четвертая часть армии была занята в строительстве и на транспорте. Но трудовые армии не оправдали надежд правительства. Производительность труда солдат была очень низкой, из трудовых армий шло массовое дезертирство. Большие трудности возникали по вопросам питания, перевозок воензированной рабочей силы. В октябре 1921 г. была отменена мобилизация в промышленности, а через месяц распущены трудовые армии.

Политика «военного коммунизма» объяснима чрезвычайными условиями войны. Однако многие руководители страны, а также публицисты, ученые того времени воспринимали ее не только как вынужденную, временную, но и как вполне закономерную систему при переходе к бесклассовому обществу, свободному от рыночных отношений. Считалось, что социалистическая экономика должна быть натуральной, безденежной, что в ней обязательно будет присутствовать централизованное распределение всех ресурсов и готовой продукции. Ведь недаром многие из чрезвычайных мер были установлены в 1920 г., когда Гражданская война и интервенция уже заканчивались.

Подобным взглядам на такую систему управления экономикой в те годы способствовала и горячая убежденность в том, что Советская Россия недолго будет находиться в одиночестве, что на Западе скоро произойдут революции, а новое общество будет построено вместе с богатыми странами и при их помощи. Но история европейских стран пошла по другому пути, революционная волна стала спадать, революции в Германии, Австрии, Венгрии были подавлены. И надежды на «мировой революционный пожар» стали убывать.

К тому же следует признать, что система «военного коммунизма» так и не стала абсолютно господствующей, что ей не удалось полностью подавить свободный рынок, который, несмотря на суровые законы военного времени, оказался очень жизнеспособным. Общеизвестно, что спекулянты-мешочники доставляли в города столько же хлеба, сколько давали все заготовки по продразверстке, только цена его была в несколько раз выше.

По всей стране беспрестанно осуществлялась торговля, происходил обмен продовольствия на промышленные товары. На крупнейшем московском рынке – Сухаревке можно было купить или выменять практически любой нужный товар: от булавки до коровы. Мебель, бриллианты, хлеб, мясо, овощи – все это продавалось на «черном» рынке. Здесь же можно было

обменять Советские деньги на валюту, хотя официально это было строго запрещено.

Мелкое хозяйство демонстрировало удивительную живучесть вопреки попыткам правительства монополизировать производство и распределение. К тому же Советская власть оказалась в двусмысленном положении: если строго запрещать частную торговлю, то это обрекало городское население на голодную смерть, так как государственное распределение не могло обеспечить его продовольствием в нужном объеме.

Частный сектор был настолько сильным, что, когда правительство объявило о переходе к новой экономической политике, это было в значительной степени лишь признанием факта существования стихийной торговли, выжившей вопреки декретам и репрессиям властей.

2. «СОВЕТСКИЙ КАПИТАЛИЗМ»: РОССИЯ В ГОДЫ НЭПА

2.1. Кризис 1921 г. Экономическое развитие страны

К концу 1920 г. Советская Россия переживала острый экономический кризис, вызванный большими потерями за годы Первой мировой и Гражданской войн, общий экономический ущерб от которых оценивался в размере более 50 млрд руб. золотом. Крупная промышленность России в это время производила продукции почти в семь раз меньше, чем в 1913 г., грузооборот железных дорог уменьшился более чем в четыре раза. Велики были и людские потери: в боях, от ран, голода, болезней, красного и белого террора погибли не менее 10 млн чел. От 1,5 млн до 2 млн чел. были вынуждены эмигрировать.

Годы войны и хозяйственной разрухи привели к значительному сокращению общей численности промышленных рабочих, которая в 1920 г. составляла 1 млн 270 тыс., или почти в 2 раза меньше, чем в 1913 г. (2 млн 400 тыс.). В городах появилось большое количество безработных. Спасаясь от голода, многие рабочие уходили в деревню или начинали заниматься кустарным производством. За годы Первой мировой и Гражданской войн Москва потеряла половину своего населения, а Петроград – две трети. По оценкам русских статистиков, ок. 5 млн чел. переехали из городов в деревни за период между 1917 и 1920 гг.

Вскоре после Гражданской войны на Россию обрушилось новое тяжелое испытание: небывалый голод 1921–1922 гг. В 1921 г. голодало не менее 20% населения. Одной из причин была жестокая засуха в Поволжье. Но главная причина заключалась в продразверстке, поскольку весной у крестьян был конфискован даже семенной фонд, а в стране отсутствовали продовольственные резервы. По официальным данным, в результате голода за эти годы погибло более 5 млн чел.

Миллионы крестьян, принявших участие в Гражданской войне на стороне большевиков, все настойчивее выражали недовольство политикой «военного коммунизма», поскольку в ней отсутствовали экономические стимулы для развития сельскохозяйственного производства. Но правительство по-прежнему настаивало на сохранении чрезвычайных мер по отношению к крестьянам, постоянно призывало их исправно выполнять требования продразверстки по поставкам хлеба в города, обещая позже вернуть им все долги.

В ответ на это по всей стране вспыхнули антиправительственные восстания, грозящие перерасти в крестьянскую войну: на Украине отряды Махно насчитывали до 50 тыс. чел., «крестьянская армия» Антонова в Тамбовско-Воронежском регионе в начале 1921 г. также достигла 50 тыс. чел. Особенно большие отряды сформировались в районах с относительно

зажиточным крестьянством – на Урале, Кубани, Дону, в Западной Сибири и Поволжье, где аграрная политика «военного коммунизма» встречала наиболее ожесточенное сопротивление. К весне 1921 г. в этих стихийных выступлениях участвовало до 200 тыс. чел.

Против крестьянских отрядов была брошена Красная армия во главе с крупнейшими военачальниками: С. Каменевым, М. Тухачевским, М. Фрунзе, С. Буденным, П. Якиром, И. Уборевичем и др. Против людей, скрывавшихся в лесах, использовалась военная техника, применялись отравляющие вещества – газы. Брались и расстреливались заложники, выселялись целые деревни, давшие приют «бандитам» и их семьям.

Но не крестьянские восстания стали главной причиной отказа от политики «военного коммунизма». Гораздо большую опасность для Советской власти представляли выступления рабочих в городах. В феврале 1921 г. после объявления о сокращении хлебного пайка для рабочих на треть в Петрограде были организованы забастовки и демонстрации работников Трубочного, Патронного, Балтийского, Путиловского и других фабрик и заводов. В ответ на это в городе было введено осадное положение. Было даже дано распоряжение не выдавать сапоги красноармейцам из опасения, что они присоединятся к бастующим. Стали проводиться массовые аресты.

Наиболее крупным был мятеж матросов и красноармейцев Кронштадта (военно-морской базы Балтийского флота), которые выступали с антибольшевистскими политическими требованиями. Мятеж был подавлен с большой жестокостью, поскольку правительство почувствовало в этот момент крайнюю непрочность своего положения.

В марте 1921 г. после подавления этих стихийных выступлений В.И. Ленин сформулировал два принципиальных «Урока Кронштадта». Первый из них: надо немедленно установить соглашение с крестьянством, чтобы спасти революцию в России. Второй: следует ужесточить борьбу с различными политическими партиями (меньшевиками, эсерами, анархистами и пр.), искоренять их политическое влияние на рабочих в промышленных центрах.

Исходя из этих «уроков», Советское правительство стало пересматривать внутреннюю экономическую политику, освобождая ее в некоторой степени от тотального государственного регулирования. С другой стороны, началось «закручивание гаек» в политической жизни, пресечение всяческих попыток демократизации общества, расширения гражданских прав и свобод.

Переход к новой экономической политике (нэпу) во многом был обусловлен тем, что правительству так и не удалось добиться выполнения изданных им суровых законов и декретов, а также пониманием неизбежности экономической катастрофы в том случае, если продолжать настаивать на их жестком исполнении. К политике же «военного коммунизма» страна

вновь перейдет уже спустя годы (через 10 лет), но под новым названием и под другими лозунгами.

Взяв курс на экономическое сотрудничество с крестьянством, X съезд РКП(б) в марте 1921 г. принял решение о замене продразверстки продналогом. Это означало коренное изменение способа заготовок продовольствия и сельскохозяйственного сырья. Тем самым было положено начало новой экономической политике.

Руководству РКП(б) стоило больших усилий убедить рядовых членов партии в необходимости перехода к новому экономическому курсу. На местах эти решения встретили сильное противодействие – нэп рассматривался как «капитуляция перед буржуазией», предательство коммунистической идеи, «отступление назад». Многие коммунисты считали, что это всего лишь временная тактическая хитрость, которая в ближайшее время будет аннулирована. В мае 1921 г. В.И. Ленин заявил, что нэп вводится не для обмана, а «всерьез и надолго», возможно, на пять-десять лет.

Вместе с Декретом ВЦИК «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» вошли в силу и другие законы, по которым устанавливались общие размеры продналога и способы его определения по отношению к каждому крестьянскому хозяйству. Продналог устанавливался как доленое отчисление от произведенной продукции. При этом учитывался объем урожая, имущественное положение той или иной семьи, число членов семьи и др. Первоначально величина продналога была на уровне 20% от чистого продукта крестьянского хозяйства, а затем он был снижен до 10% урожая.

Начиная с 1923–1924 гг. был введен единый сельскохозяйственный налог, заменивший различные натуральные налоги. Этот единый налог взимался частично продукцией, частично – деньгами. После проведения денежной реформы единый налог принял исключительно денежную форму. В среднем размер продналога был в два раза меньше, чем размер продразверстки, причем его основная тяжесть была возложена на зажиточное крестьянство.

В губерниях, выполнивших план заготовок, отменялась государственная хлебная монополия и разрешалась свободная торговля хлебом и всеми другими сельскохозяйственными продуктами. Продукцию, остававшуюся в хозяйствах сверх налога, можно было продавать государству или на рынке по свободным ценам, и это, в свою очередь, заметно стимулировало расширение производства в крестьянских хозяйствах. Было разрешено брать землю в аренду и нанимать работников, при этом, однако, устанавливались большие ограничения.

В ходе проведения данных преобразований заметно увеличилось сельскохозяйственное производство. В 1925 г. общие посевные площади страны почти достигли довоенного уровня, увеличилось производство продукции земледелия и животноводства.

В статье «О продовольственном налоге» В.И. Ленин, призывая идти на выучку к капиталистам, называл основные формы реализации новой экономической политики: кооперация, аренда, концессии, торговля. Все вместе это определялось как государственный капитализм, то есть использование частного капитала под контролем государства. Именно частный капитал помог в первые же месяцы нэпа оживить рынок и хозяйственную жизнь страны в целом.

Со стороны государства поощрялось развитие разнообразных форм простой кооперации: потребительской, снабженческой, кредитной, промышленной. Так, в сельском хозяйстве этими формами кооперации

К концу 1920-х гг. было охвачено больше половины крестьянских дворов. Известно, что в России и до революции существовало мощное кооперативное движение, но к концу 1928 г. непроизводительной кооперацией различных видов было охвачено уже 28 млн чел., или в тринадцать раз больше, чем в 1913 г.

Развивалось и производственное кооперирование в форме сельскохозяйственных коммун, артелей и товариществ по совместной обработке земли, куда входили в основном бедняки и середняки: ок. 84% всех членов кооперативов составляли однолошадные и безлошадные крестьяне. В эти кооперативы государство направляло сельскохозяйственные орудия, удобрения, племенной скот, семена, денежные средства.

Практически все более или менее нормально функционирующие хозяйства состояли пайщиками одного или нескольких кооперативов. А такие отрасли, как выращивание льна и сахарной свеклы, почти полностью функционировали на началах сбытовой и снабженческой кооперации. В районах молочного животноводства кооперацией было охвачено до 90% крестьянских хозяйств. Возродилась кооперативная перерабатывающая промышленность: масло и сыродельные, табачные, сахарные предприятия, чья продукция даже поставлялась на экспорт. Было разрешено создавать кредитные товарищества, которые брали на себя основную часть кредитного оборота кооперации.

Бурно развивающееся кооперативное движение охватило не только сельское хозяйство, но и торговлю, промышленность. В 1928 г. 60–80% товарооборота в обобществленной розничной торговле приходилось на кооперативную и лишь 20–40% – собственно на государственную. До 13% всего объема промышленной продукции давали кооперативные предприятия. В стране действовало кооперативное законодательство, получили развитие кредитные и страховые организации по обслуживанию кооперативов.

Трудные времена переживала промышленность, значительная часть предприятий была разрушена или закрыта во время Гражданской войны, заметно сократились поставки сырья, снизилась численность рабочих и их квалификация. Восстановление промышленности шло с большим трудом.

Хотя некоторые показатели к 1925 г. были значительно выше уровня 1913 г. (это относится к производству электроэнергии, продукции машиностроения, легкой и пищевой промышленности), общий объем промышленного производства все еще составлял 75,5% от уровня 1913 г. Добыча угля составила 16,5 млн т. против 29,1 млн т. в 1913 г., железной руды – соответственно 3,3 и 9,2 млн т. Грузооборот железных дорог составлял не более 80% от довоенного уровня. Требовались радикальные перемены для ликвидации многочисленных проблем в промышленности.

Развивая идею о государственном капитализме, правительство разрешило частному предпринимательству брать в аренду мелкие и средние промышленные и торговые предприятия. Фактически эти предприятия принадлежали государству, программа их работы утверждалась в учреждениях государственной власти на местах, но производственная деятельность осуществлялась частными предпринимателями. Арендовать предприятия могли как государственные организации, так и частные лица, в том числе и их бывшие владельцы. Арендованные частниками фабрики порой насчитывали 200–300 наемных работников.

Было денационализировано небольшое количество государственных предприятий. Разрешалось открывать собственные предприятия частным лицам с числом занятых не более 20 чел., позже этот «потолок» был поднят. К середине 1920-х гг. на долю частного сектора приходилось от 20 до 25% производства промышленной продукции.

Одним из признаков нэпа явилось развитие концессий, то есть предприятий, действующих на основе договора между государством и иностранными фирмами как в добывающих, так и обрабатывающих отраслях. Несмотря на большевистские лозунги, призывавшие идти на «последний и решительный бой» против мировой буржуазии, Советское правительство понимало, что нужны огромные средства для выхода из экономического кризиса и своими силами восстановить разрушенное хозяйство без иностранной помощи страна не сможет.

К тому же руководители государства рассчитывали использовать опыт концессионных предприятий, их воздействие на повышение производительности труда и организацию работ на аналогичных отечественных предприятиях. С помощью иностранных предпринимателей Советская Россия рассчитывала завязать необходимые международные связи на мировом рынке, утраченные после революции.

В апреле 1922 г. в г. Рапалло (Италия) был подписан Советско-германский договор, по которому были восстановлены дипломатические отношения между двумя странами. Вскоре начался период признания Советской республики многими странами мира. Это позволило заключить различные экономические договоры, причем многие из них не ограничивались только сферой международной торговли, но охватывали также технические и технологические связи, прежде всего с Германией, США, Англией.

После заключения Рапалльского договора более 2000 немецких инженеров и техников прибыли в Россию для участия в восстановлении промышленности. Особый интерес представляло германо-Советское военное сотрудничество. Поскольку Версальский договор 1919 г. запретил Германии иметь и производить современное вооружение (самолеты, танки), то некоторые немецкие фирмы перевели часть своих мощностей в СССР. Таким образом, Германия могла обходить Версальский договор и получать новейшее оружие, которое создавалось на Советской территории. Советская сторона, в свою очередь, получала доступ к новейшим технологиям.

Зарубежные фирмы ожесточенно конкурировали между собой, предлагая свои услуги Советскому Союзу. Они приобретали концессии, поставляли новую технику, оборудование, принимали у себя Советских инженеров-стажеров. Так, в 1925–1926 гг. стажировку на западных предприятиях прошли 320 инженеров из СССР, в 1927–1928 гг. – более 400, а в 1928–1929 гг. – более 500 чел.

Советский Союз умело использовал конкуренцию между западными фирмами. В середине 1929 г. были заключены соглашения с 27 германскими и 15 американскими фирмами, а в конце 1929 г. – уже 40 американских фирм сотрудничали с СССР (хотя официально США признали нашу страну лишь в 1933 г.).

Исходя из всего этого, следует сказать, что многочисленные утверждения Советского руководства о международной «блокаде», «экономической изоляции», враждебном отношении «капиталистических акул» к Советской стране не вполне соответствовали действительности. Имеются данные о том, что до 95% Советских промышленных предприятий получали в 1920-х гг. западную техническую помощь, которая помогла достаточно быстро восстановить многие отрасли экономики. Но как только зарубежное оборудование и технологии осваивались нашими специалистами, Советское правительство разрывало договоры о концессиях и других формах сотрудничества с иностранными партнерами.

В некоторых отраслях удельный вес концессионных предприятий и смешанных акционерных обществ, созданных с участием иностранного капитала, был весьма заметным. В середине 1920-х гг. они давали более 60% добытого свинца и серебра, почти 85% марганцевой руды, 30% золота, 22% производимой одежды и галантереи. Однако в целом роль концессий была невелика: в 1926–1927 гг. насчитывалось всего 117 действующих соглашений, они охватывали предприятия, на которых работало всего 18 тыс. чел. и выпускалось чуть больше 1% промышленной продукции.

Это объяснялось тем, что иностранные предприниматели не очень надеялись на стабильность как Советской власти в целом, так и на продолжительность нэпа, поэтому не спешили с крупными капиталовложениями. К тому же они еще не забыли об аннулировании государственных долгов и конфискации имущества иностранцев после Октябрьской революции.

Попутно заметим, что многие отечественные руководители промышленных предприятий опасались, что они не выдержат конкуренции с концессионными, поэтому постоянно требовали от государства всяческих ограничений притока иностранного капитала, что неизбежно вело к идеологии «опоры на собственные силы», к экономической замкнутости страны.

Кроме капиталов, в нашу страну направился поток рабочих эмигрантов из многих стран мира, и прежде всего из США. Более ста квалифицированных рабочих с заводов Форда в 1921–1922 гг. налаживали производство на Московском автомобильном заводе (АМО). С помощью американских профсоюзов была создана Российско-американская индустриальная корпорация (РАИК), которой были переданы шесть текстильных и швейных фабрик в Петрограде, четыре – в Москве. Иностранные рабочие помогали восстанавливать угольные шахты Донбасса, десятки инженеров работали на различных заводах страны.

С сентября 1920 по сентябрь 1921 г. в Советскую Россию прибыли более 10 тыс. американцев, в том числе 2,6 тыс. квалифицированных промышленных рабочих. В 1921 г. в Кузбассе была создана Автономная индустриальная колония (АИК «Кузбасс»). Американские колонисты добывали уголь на шахтах, работали на заводах по производству кокса. Для создания образцовых хозяйств на селе американцы привезли породистый скот, трактора, удобрения. К концу 1923 г. в АИК работало ок. 8 тыс. чел. В 1927 г. эта колония была реорганизована в государственный трест. Всего же в 1920–1925 гг. в СССР приехали 20 тыс. мигрантов из США и Канады.

Развитие торговли было одним из элементов государственного капитализма. Первоначально в марте 1921 г. предполагалось во имя подлинной «смычки города и деревни» проводить широкий товарообмен в пределах местного хозяйственного оборота. Для этого предусматривалось обязать государственные предприятия сдавать продукцию в специальный товарообменный фонд республики. Но неожиданно для руководителей страны местный товарообмен оказался тесным для развития экономики, и уже в октябре 1921 г. он превратился в свободную торговлю со всеми ее необходимыми признаками. В этот период В.И. Ленин называл торговлю основным звеном в хозяйственной политике, «за которое надо всеми силами ухватиться», чтобы построить фундамент социализма.

В свете этого был взят курс на всемерное развитие торговли, перестройку хозяйственных органов, ведающих вопросами внутренней торговли. В мае 1921 г. вопросы торгового регулирования были переданы от ВСНХ и Наркомпрода в специально созданную комиссию Комвнуторг, которая в 1924 г. была преобразована в самостоятельный Наркомат внутренней торговли.

В сферу торговли был допущен частный капитал в соответствии с полученным разрешением от государственных учреждений на производство торговых операций. Особенно заметным было присутствие частного

капитала в розничной торговле, где его удельный вес в общем обороте достигал 83%. Но в оптовой торговле основные позиции занимало государство: до 77% товарооборота принадлежало государственным торговым организациям, 8% – кооперации, 15% – частному капиталу. При этом частный капитал совершенно не допускался в сферу внешней торговли, которая осуществлялась исключительно на основе государственной монополии. Международные торговые соглашения заключались только с органами Наркомвнешторга.

Одновременно с этими переменами большие изменения происходили в системе управления экономикой. Прежде всего, это касалось ослабления чрезмерной централизации, характерной для периода «военного коммунизма». Были упразднены главки в системе ВСНХ, их функции на местах перешли к крупным районным управлениям и губернским совнархозам.

Основной формой управления производством в государственном секторе стали тресты, то есть объединения однородных или взаимосвязанных между собой предприятий. Уже к концу 1922 г. ок. 90% промышленных предприятий объединились в 421 трест, из них 40% были центрального, а 60% – местного подчинения.

В связи с этими преобразованиями ВСНХ, потерявший большинство своих полномочий и, прежде всего, право вмешиваться в оперативную деятельность предприятий и трестов, превратился в координационный центр. При этом был резко сокращен его огромный аппарат, который разросся в годы «военного коммунизма» до 250 тыс. чел., в то время как во всей государственной промышленности было занято всего 1,2 млн чел., а во всем народном хозяйстве страны было 5 млн рабочих.

Тресты наделялись широкими полномочиями, они самостоятельно решали, что производить, где реализовывать продукцию, несли материальную ответственность за организацию производства, качество выпускаемой продукции, сохранность государственного имущества. Предприятия, входящие в трест, снимались с государственного снабжения и переходили к закупкам ресурсов на рынке. Все это получило название хозяйственный расчет (хозрасчет), в соответствии с которым предприятия получали полную финансовую независимость, вплоть до выпуска долгосрочных облигационных займов. После обязательных фиксированных платежей в государственный бюджет предприятия распоряжались доходами от реализации продукции, самостоятельно используя прибыль и покрывая убытки. По закону предусматривалось, что «государственная казна за долги трестов не отвечает».

Правительство пристально следило за финансовым состоянием трестов, за их безубыточной деятельностью. В.И. Ленин даже предлагал привлекать к суду и карать всех членов правления трестов длительным сроком лишения свободы и конфискацией всего имущества, если эти руководители не смогли достичь безубыточности.

В соответствии с принципами хозрасчета тресты были обязаны направлять на формирование резервного капитала не менее 20% полученной прибыли, при этом резервный капитал должен был достигать величины, равной половине уставного фонда. Позже этот норматив был снижен: в резервный капитал надо было отчислять не менее 10% прибыли до тех пор, пока он не достигал трети первоначального капитала. Резервный капитал создавался для будущего расширения производства и возмещения убытков производственной деятельности предприятия. Члены правления треста получали специальные тантъемы (премии) и наградные в зависимости от размера прибыли, из которой получали премии и рабочие.

Одновременно с образованием трестовской системы стали возникать и синдикаты, то есть добровольные объединения нескольких трестов для оптового сбыта их продукции, закупок сырья, кредитования, регулирования торговых операций на внутреннем и внешнем рынке. В конце 1922 г. 80% трестированной промышленности было охвачено синдикатами. К 1928 г. в стране насчитывалось 23 синдиката, действовавших почти во всех отраслях промышленности и сосредоточивших в своих руках в основном оптовую торговлю. Эти годы отмечены активным развитием полноценной оптовой торговли. В стране функционировала широкая сеть товарных бирж, ярмарок, торговых фирм (домов), при помощи которых реализовывалась готовая продукция, сырье, оборудование и др.

В промышленности и других отраслях экономики была восстановлена денежная оплата труда, введена тарифная система, по которой заработная плата выплачивалась в зависимости от квалификации рабочих и от количества произведенной продукции, были сняты ограничения на увеличение оплаты труда при росте выработки, и таким образом отменялась уравниловка в оплате труда, распространенная в годы «военного коммунизма».

Были ликвидированы основные ограничения на перемену места работы, связанные со всеобщей трудовой повинностью, разрешался свободный найм рабочей силы. Были учреждены биржи труда, где проходила регистрация безработных, численность которых увеличилась с 1,2 млн чел. в 1924 г. до 1,7 млн чел. в 1929 г. Но рост занятости шел более высокими темпами: численность рабочих и служащих во всех отраслях экономики, исключая крестьян-единоличников, увеличилась с 8,5 млн чел. в 1924-1925 хозяйственном г. до 12,4 млн в 1929 г., что свидетельствовало о вовлечении в число занятых многих безработных.

2.2. Денежная и кредитно-финансовая сфера

Немаловажное значение для проведения нэпа имело создание устойчивой денежной системы и стабилизации рубля. У истоков этой сложной и огромной работы стоял нарком финансов Г. Сокольников, который еще в

1918 г. возражал против безудержной денежной эмиссии. Но в тот момент Г. Сокольников не был понят, эмиссия продолжалась, и только чудом не был воплощен в жизнь план полного аннулирования денег и закрытия наркомата финансов за ненадобностью. Позже В.И. Ленин признавал, что этот важнейший наркомат в годы Гражданской войны был практически разрушен, ликвидирован на 90%.

Теперь, в новых хозяйственных условиях, для оздоровления финансовой системы следовало, с одной стороны, снять запреты на все виды торговли. С другой стороны, надо было ликвидировать огромный бюджетный дефицит путем резкого сокращения государственных расходов и развития эффективной налоговой системы. Эти мероприятия позволяли ликвидировать колоссальный «денежный навес», образовавшийся за предыдущие годы. Наркомфин во главе с Г. Сокольниковым настаивал на том, чтобы снять с государственного обеспечения массу мелких убыточных предприятий, сократить огромный бюрократический аппарат Советских учреждений и численность бойцов Красной армии.

Г. Сокольников постоянно подчеркивал, что государство и предприятия промышленности и торговли не должны ничего давать друг другу бесплатно, а только на основе хозяйственного (финансового) расчета. Но большинство «красных хозяйственников» не соглашались с этим и требовали все больше денег, настаивали на дополнительной эмиссии. Они выступали против Г. Сокольникова, упрекая его в стремлении к «диктатуре Наркомфина».

Под руководством Г. Сокольникова заново создавались финансовые органы в центре и на местах, подбирались квалифицированные работники. Так, для подготовки денежной реформы был приглашен опытный финансист Н.Н. Кутлер, который участвовал в проведении знаменитой реформы С.Ю. Витте в 1895–1897 гг.

В течение всего 1922 г. шла острая дискуссия о том, как проводить денежную реформу, что взять за мерилу ценности при переходе на новые деньги. Предлагался «товарный рубль», который был бы связан лишь со средним курсом товаров, или с товарным индексом. Г. Сокольников же настаивал на золотом стандарте, и к концу 1922 г. было решено проводить реформу на основе золотого стандарта.

Для стабилизации рубля была проведена деноминация денежных знаков, то есть изменение их нарицательной стоимости по определенному соотношению старых и новых знаков. Сначала в 1922 г. были выпущены совзнаки. Новый рубль приравнивался к 10 тыс. прежних рублей. В 1923 г. были выпущены другие совзнаки, один рубль которых равнялся 1 млн прежних денег и 100 рублям образца 1922 г.

Одновременно с выпуском новых совзнаков в конце ноября 1922 г. была выпущена в обращение новая Советская валюта – червонец, приравненный

к 7,74 г чистого золота, или к дореволюционной золотой десятирублевой монете.

Новые «золотые банкноты» на 25% обеспечивались золотом, другими драгоценными металлами и иностранной валютой, на 75% – легкорезуемыми товарами, векселями и прочими обязательствами. В течение 1923 г. и первых месяцев 1924 г. существовало двойное (параллельное) хождение денег. На Московской бирже ежедневно фиксировался курс червонца в совзнаках, который тут же телеграфом сообщался по всей стране (как официальный).

Выпуск червонцев означал перелом в развитии финансовой системы. Госбанку было строго запрещено использовать червонцы для покрытия бюджетного дефицита. Это обеспечивало их противинфляционную устойчивость в течение последующих трех-четырех лет. Червонцы предназначались, прежде всего, для кредитования промышленности и коммерческих операций в оптовой торговле.

Ценность червонцев была довольно высокой: заработная плата квалифицированных рабочих, к примеру, составляла не более 6–7 червонцев в месяц. В качестве разменной монеты оставались совзнаки. Червонцы в отличие от дореволюционных кредитных билетов не разменивались на золото. И хотя предполагалось ввести в будущем его разменность, такое намерение не было осуществлено. Впрочем, в те годы ни одна валюта мира, кроме американского доллара, не обладала этим свойством.

И хотя на 1 января 1923 г. доля червонцев в денежной массе была ничтожна – всего 3%, во втором полугодии они почти вытеснили совзнаки из крупного хозяйственного оборота. Уже осенью крестьяне соглашались продавать зерно только за червонцы, порой даже снижая цены, лишь бы получить «золотые банкноты». Устойчивость червонца подтверждалась тем, что Госбанк обменивал все предъявляемые банкноты на иностранную валюту по твердому курсу.

Осенью 1922 г. были созданы фондовые биржи, где разрешалась купля-продажа валюты, золота, облигаций государственных займов по свободному курсу. Если курс червонца поднимался выше официального паритета, Госбанк скупал золото и иностранную валюту на бирже, выпуская дополнительное количество червонцев, и наоборот. В результате этого в течение 1923 г. курс червонца повышался по отношению к иностранным валютам. Так, если на 2 января 1924 г. курс доллара на Московской бирже составлял 2 руб. 20 коп., то к 1 апреля 1924 г. он достиг 1 руб. 95,5 коп. и на этом уровне остановился. То же самое происходило с фунтом стерлингов, франком, маркой и другими валютами. Уже в 1925 г. червонец стал конвертируемой валютой, он официально котировался на различных валютных биржах мира.

Заключительным этапом реформы была процедура выкупа совзнаков. В марте 1924 г. был определен фиксированный курс из расчета 50 тыс. руб.

совзнаками 1923 г. за 1 руб. золотом казначейскими билетами. Но так как деноминация 1923 г. приравнивала в свое время 1 руб. образца 1923 г. к 1 млн руб. знаками дореволюционного и революционного образцов до 1921 г. включительно, то это означало обесценивание бумажного рубля в 50 млрд раз. Но это была не самая рекордная цифра. Если говорить о мировой практике, то в тот период Германия превзошла ее, где новая марка обменивалась на один триллион старых. В феврале 1924 г. в СССР начался выпуск разменных монет достоинством от 1 рубля до 1 копейки. Рубли и полтинники выпускались из высокопробного серебра, а остальные – из серебряных и медных сплавов. Но поскольку население стало быстро припрятывать серебряные монеты, их чеканка была прекращена.

Одновременно с денежной была проведена налоговая реформа. Уже в конце 1923 г. основным источником доходов государственного бюджета стали отчисления от прибыли предприятий, а не налоги с населения. Логическим следствием возврата к рыночной экономике был переход от натурального к денежному налогообложению крестьянских хозяйств. И хотя процесс проходил очень медленно, основная линия просматривалась достаточно четко.

В этот период активно разрабатываются новые источники получения денежного налога. В период между августом 1921 г. и февралем 1922 г. установлены налоги на табак, спиртные напитки, пиво, спички, мед, минеральные воды и другие товары. К последнему кварталу 1922 г. Сокольников заявил, что треть всех поступлений бюджета получена за счет денежного налогообложения, меньше трети – за счет выпуска банкнот, а остальная часть – за счет натурального налога.

Постепенно возрождалась кредитная система. В 1921 г. возобновил свою работу Госбанк. Началось кредитование предприятий промышленности и торговли на коммерческой основе. До тех пор, пока не произошла стабилизация рубля, Госбанк выдавал ссуды под весьма высокие проценты: от 8 до 12% в месяц, но постепенно процентная ставка снижалась. В стране возникли специализированные банки: Торгово-промышленный банк (Промбанк) для финансирования промышленности, Электробанк для кредитования электрификации, Российский коммерческий банк (с 1924 г. – Внешторгбанк) для финансирования внешней торговли, Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства (Цекомбанк) и др. Эти банки осуществляли краткосрочное и долгосрочное кредитование, распределяли ссуды, назначали ссудный, учетный процент и процент по вкладам.

Летом 1922 г. был предпринят еще один шаг к стабилизации финансовой системы: была открыта подписка на первый государственный хлебный заем на общую сумму в 10 млн пуд. ржи в зерне. Государство выпустило беспроцентные облигации достоинством в 100 пуд., которые подлежало оплатить в период с 1 декабря 1922 г. по 31 января 1923 г. натурой или

наличными деньгами по полной рыночной цене ржи в день оплаты. Вслед за этим был выпущен 6%-й заем на 100 млн руб. золотом. Все это проводилось с целью подготовки условий для денежной реформы, поскольку облигации служили в качестве внутреннего кредита, а также средством выкупа обесцененных бумажных денег.

Была создана целая сеть акционерных банков, среди акционеров которых были Госбанк, синдикаты, кооперативы, частные лица и даже иностранные предприниматели. Эти банки кредитовали в основном отдельные отрасли промышленности. Для кредитования предприятий потребительской кооперации открывались кооперативные банки, для сельскохозяйственного кредита – сельскохозяйственные банки, для кредитования частной промышленности и торговли – общества взаимного кредита, для мобилизации денежных накоплений населения учреждались сберегательные кассы. В 1923 г. в стране существовало 17 самостоятельных банков, а в 1926 г. их число возросло до 61. Доля Госбанка в общих кредитных вложениях банковской системы снизилась за это время с 66 до 48%.

Подтверждением рыночного характера экономики может служить конкуренция, возникавшая между банками в борьбе за клиентов путем предоставления им особо выгодных условий кредитования. Зачастую одни и те же организации, предприятия, тресты кредитовались у нескольких банков одновременно. Широкое распространение получил коммерческий кредит, то есть взаимное кредитование различными предприятиями и организациями. Примерно половина краткосрочного банковского кредита осуществлялась через учет коммерческих векселей. Все это говорит о том, что в стране уже функционировал единый денежный рынок со всеми его атрибутами.

Большое внимание уделялось внешней торговле. Нарком финансов Г. Сокольников неоднократно подчеркивал, что успешное экономическое развитие страны возможно лишь в том случае, если она сможет «хозяйственно примкнуть к мировому рынку». Вопреки мнению В.И. Ленина, который твердо настаивал на государственной монополии внешней торговли, Г. Сокольников (особенно в 1922 г.) выступал за ее некоторую либерализацию, поскольку это не только позволило бы пополнить золотой запас страны, но и обеспечило бы поступления в бюджет от таможенных пошлин, а также увеличило бы емкость внутреннего рынка. Монополия внешней торговли, по мнению наркома, не давала возможности полнее использовать экспортный потенциал страны, поскольку крестьяне и кустари за свои продукты получали только обесцененные Советские денежные знаки, а не валюту.

Сокольников Г. настойчиво выступал за организацию совместных торговых обществ с участием иностранного капитала, за расширение прав трестов и предоставление им возможности выхода на мировой рынок под контролем Наркомвнешторга. Дело в том, что к осени 1922 г. стало ясно, что

внешнеторговый оборот страны заметно отстал от общих темпов хозяйственного подъема. В первом полугодии 1922 г. стоимость экспорта составляла не более 3% от уровня 1913 г., при этом стоимость импорта в десять раз превосходила стоимость экспорта. Это объяснялось тем, что на восстановление промышленности нужно было все больше закупать за рубежом сырья и оборудования. Расширять же импорт можно было только за счет роста экспорта, скажем, излишков сельскохозяйственной продукции. Но работники закупочного аппарата Наркомвнешторга были неповоротливыми и неопытными, да и денег на закупки продуктов у крестьян выделялось немного. Г. Сокольников пытался добиться разрешения на временную либерализацию ввоза и вывоза для крестьян и предприятий (трестов) по отдельным категориям товаров. В.И. Ленин резко выступил против ослабления монополии внешней торговли, опасаясь якобы роста контрабанды. На самом же деле правительство опасалось того, что производители, получив право свободного выхода на мировой рынок, почувствуют свою независимость от государства и вновь начнут бороться против этой власти. Исходя из этого, руководство страны всеми силами старалось не допустить демонаполизации внешней торговли.

И все же в стране возрождалась рыночная экономика, народное хозяйство освобождалось от оков «военного коммунизма», что способствовало достижению высоких экономических показателей. С 1921 по 1926 гг. объем промышленного производства возрос более чем в три раза и практически приблизился к уровню 1913 г. Производство сельскохозяйственной продукции выросло за эти годы в два раза и на 18% превысило уровень 1913 г. В 1927 и 1928 гг. прирост промышленного производства составил соответственно 13 и 19%. Среднегодовой темп прироста национального дохода в целом за 1921–1928 годы составил 18%. К 1928 г. национальный доход на душу населения вырос на 10% по сравнению с 1913 годом. В 1922 г. в основном произошла отмена карточной системы.

Но, несмотря на твердую позицию наркомфина, «красные директора» по-прежнему требовали продолжать практику льготного финансирования промышленности за счет крестьянства, чтобы подхлестнуть развитие социалистического звена в государственной промышленности по сравнению с мелкобуржуазным звеном крестьянского хозяйства. Для этого они настаивали на неограниченном расширении банковской эмиссии. Уже в контрольных цифрах народного хозяйства на 1925–1926 гг., разработанных Госпланом, открыто утверждалась идея о «подчинении денежного обращения возрастающей эмиссии».

Таким образом, четырехлетняя упорная борьба с инфляцией была проиграна. Под нажимом Госплана и ВСНХ с июля по декабрь 1925 г. денежная масса увеличилась по сравнению с 1924 г. на 400 млн руб., или в полтора раза, что привело к нарушению равновесия между размерами товарооборота и находившейся в обращении денежной массой. Возникла

реальная угроза инфляции, признаком чего стал уже в сентябре 1925 г. рост товарных цен и все более ощущавшийся дефицит промышленных товаров первой необходимости.

Крестьянство очень быстро отреагировало соответствующим образом на эту ситуацию, что привело к срыву плана хлебозаготовок. Это, в свою очередь, повлекло за собой невыполнение экспортно-импортной программы и сокращение доходов от продажи хлеба за границей. Для поддержания устойчивого курса червонца на внутреннем рынке Госбанк был вынужден постоянно вводить в обращение золото и инвалюту, чтобы изымать денежные излишки. Но эти меры приводили не к сокращению эмиссии, а к истощению валютных резервов.

Так, собственно, был ликвидирован единый паритетный курс червонца, поддерживаемый Госбанком, как на внешнем, так и на внутреннем рынке, в результате чего произошло раздвоение валютных курсов. Продажа инвалюты была разрешена только для тех, кто выезжал из страны, вследствие чего возросло количество операций по вывозу червонцев за границу, чтобы обменять их по официальному курсу. Для предотвращения этого процесса с июля 1926 г. было запрещено вывозить червонцы, а вскоре прекратилась и их скупка на внешнем рынке. Это означало полный отказ от котировки Советских рублей за рубежом. Червонец, являвшийся одной из мировых валют, превратился в сугубо внутреннюю валюту СССР.

Впрочем, к этому времени Г. Сокольников уже не участвовал в финансовых мероприятиях, так как еще в январе 1926 г. его освободили от обязанностей наркома финансов. Это было связано с ожесточенной борьбой в коридорах власти за выбор дальнейшего пути развития экономики страны. В 1930-х гг. Г. Сокольников был репрессирован и погиб в 1939 г.

2.3. Кризисные явления в экономике

Следует отметить, что нэп не означал полного поворота к рыночной экономике. Это была политика некоторой либерализации экономической жизни, поскольку в эти годы сохранялось жесткое государственное регулирование экономических процессов. С одной стороны, допускалось функционирование различных рыночных элементов (хозрасчета, свободной торговли, кредитно-денежных отношений), с другой – в руках государства сохранялись «командные высоты» в крупной и средней промышленности, на транспорте, в банках, внешней торговле. Считалось, что социалистический (обобществленный) сектор еще долгое время будет сосуществовать с несоциалистическими укладами (частнокапиталистическим в промышленности и торговле, мелкотоварным и патриархальным в сельском хозяйстве). При этом предполагалось, что социалистический сектор должен постепенно вытеснять остальные уклады из хозяйственной жизни страны.

Ленин В.И. называл нэп обходным, опосредованным путем к социализму, единственно возможным после провала прямого и быстрого слома всех рыночных структур в условиях «военного коммунизма». Но при этом В.И. Ленин надеялся и на прямой путь к социализму при условии, что пролетарская революция победит в развитых западных странах. Он не упускал случая подчеркнуть, что нэп – «не навсегда», что необходимо иметь наготове соответствующие юридические обоснования для расторжения различных соглашений с отечественными и иностранными предпринимателями, для постоянного государственного контроля над частным сектором. «Величайшая ошибка думать, – писал В.И. Ленин в марте 1922 г., – что нэп положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому».

Главным приоритетом в экономической жизни страны являлось восстановление и интенсивное развитие крупной промышленности, которая рассматривалась как основная опора Советской власти в крестьянской стране и как источник укрепления ее обороноспособности. Но для развития промышленности нужны были огромные средства, которые можно было извлечь только из сельского хозяйства через налоги и сознательное установление особой ценовой политики.

Тем самым центральная власть пыталась регулировать основные пропорции экономического роста. На практике это привело к глубоким диспропорциям, так называемым ножницам цен. Если с 1913 по 1922 гг. цены на промышленные товары по сравнению с ценами на продукцию сельского хозяйства выросли в 1,2 раза, то к концу 1923 г. «раствор» ножниц цен достиг уже 300%, или, другими словами, чтобы купить плуг в 1913 г. хватало 10 пуд. ржи, а в 1923 г. требовалось уже 36 пуд. ржи. Такая политика цен позволяла проводить неэквивалентный товарообмен между городом и деревней, изымать из сельского хозяйства немалые средства.

Одной из причин такой ситуации можно считать олигополистическое положение трестов и синдикатов на внутреннем рынке, которые имели возможность получать большую прибыль даже при сокращении объемов производства, удерживая монопольно высокие цены.

Осенью 1923 г. в стране разразился кризис сбыта, когда был собран хороший урожай, но крестьяне не торопились сдавать хлеб, поскольку низкие цены не компенсировали затраты на производство. Крестьяне не могли купить необходимые промышленные товары, которыми были забиты все склады и магазины. Деревня стала задерживать сдачу хлеба по продналогу, кое-где прокатились крестьянские восстания, которые были подавлены.

Государство снова стояло перед необходимостью пойти на уступки сельскохозяйственным производителям. В 1924–1925 гг. произошли некоторые изменения в ценовой политике, была разрешена аренда земли и использование наемного труда. Был осуществлен переход к денежному

налогообложению крестьянства, что дало им больше свободы в развитии своих хозяйств.

Тем не менее обстановка в деревне оставалась напряженной. Дело в том, что правительство осуществляло четкую социально ориентированную политику в аграрном секторе, поддерживая экономически беспомощные бедняцко-средняцкие хозяйства, создавая культ бедноты. Беднякам предоставлялись льготные кредиты, отменялись или снижались налоги, их снабжали семенами, рабочим скотом, сельскохозяйственным инвентарем, но, как правило, все это мало помогало таким хозяйствам. Зачастую и семенное зерно, и скот использовались ими в качестве дополнительного продовольствия.

В то же время правительство всемерно сдерживало развитие хозяйств зажиточных крестьян – кулаков, чей удельный вес составлял примерно 5% всего сельского населения. По отношению к этим хозяйствам постоянно проводились уравнивательные переделы земли, изъятие земельных излишков, что влекло за собой дробление крестьянских дворов, снижение их мощности и урожайности. Слабеющие крестьянские хозяйства не могли эффективно использовать появляющуюся новую технику. В 1926 г. 40% пахотных орудий по-прежнему составляли деревянные сохи, а треть хозяйств не имела даже лошадей, поэтому уровень урожайности был одним из самых низких в Европе. Аренда земли, на которую зажиточные крестьяне возлагали определенные надежды, была сопряжена с большими ограничениями. Фактически запрещалось образование хуторских хозяйств.

Следствием провозглашенной политики ограничения кулачества стало снижение во второй половине 1920-х гг. товарности крестьянских хозяйств, их рыночной ориентации. Почти в два раза по сравнению с довоенным уровнем сократилась доля продукции, направляемой крестьянами на продажу. В 1926–1927 гг. они потребляли до 85% своей продукции, что означало фактически возврат к натуральному хозяйству. Постепенно снижался объем сдачи зерна в государственные фонды.

3. «СОВЕТСКИЙ СОЦИАЛИЗМ»: ЭКОНОМИКА ВЛАСТИ

3.1. Формирование командно-административной системы. Коллективизация сельского хозяйства

На XV съезде партии (1927 г.) был утвержден курс на коллективизацию сельского хозяйства. При этом решительно заявлялось, что создание коллективных хозяйств должно быть сугубо добровольным делом самих крестьян. Но уже летом 1929 г. начавшаяся коллективизация приняла далеко не добровольный характер. С июля по декабрь 1929 г. было объединено ок. 3,4 млн крестьянских дворов, или 14% от их общего числа. К концу февраля 1930 г. уже насчитывалось 14 млн объединившихся крестьянских хозяйств, или 60% их общего числа.

Повсеместная коллективизация, необходимость которой обосновал И.В. Сталин в статье «Год великого перелома» (ноябрь 1929 г.), пришла на смену чрезвычайным мерам по хлебозаготовкам. В этой статье утверждалось, что широкие слои крестьянства готовы к вступлению в коллективные хозяйства, подчеркивалась также необходимость решительного наступления на кулачество. В декабре 1929 г. И.В. Сталин объявил о конце нэпа и переходе от политики ограничения кулачества к политике ликвидации кулачества как класса.

В декабре 1929 г. руководство партии и государства предложило провести сплошную коллективизацию с установлением жестких сроков. Так, в Нижнем Поволжье, на Дону и на Северном Кавказе ее следовало завершить к осени 1930 г., в Центрально-Черноземных областях и районах степной Украины – к осени 1931 г., в Левобережной Украине – к весне 1932 г., в остальных районах страны – к 1933 г.

Для проведения коллективизации из городов в деревни направили 25 тыс. рабочих-коммунистов, которым были даны большие полномочия по насильственному объединению крестьян. Тех, кто не хотел идти в общественное хозяйство, могли объявить врагами Советской власти.

Еще в 1928 г. был принят закон «Об общих началах землепользования и землеустройства», по которому новым совместным хозяйствам устанавливались определенные льготы при получении кредитов, уплате налогов и др. Им была обещана техническая помощь: к весне 1930 г. планировалось поставить на село 60 тыс. тракторов, а через год – 100 тыс. Это была огромная цифра, если учесть, что в 1928 г. в стране имелось всего 26,7 тыс. тракторов, из которых ок. 3 тыс. – отечественного производства. Но поставка техники шла очень медленно, поскольку основные мощности тракторных заводов вошли в строй только в годы второй пятилетки.

На первом этапе коллективизации еще не совсем было ясно, какую форму примут новые хозяйства. В некоторых регионах они становились

коммунами с полным обобществлением материальных условий производства и быта. В других местах принимали форму товариществ по совместной обработке земли (ТОЗ), где обобществление проходило не полностью, а с сохранением индивидуальных крестьянских наделов. Но постепенно основной формой объединения крестьян стали сельскохозяйственные артели с обобществлением основных материальных ресурсов (земли, тяглогового и крупного рогатого скота, техники) и с сохранением личного подсобного хозяйства крестьян. Позже сельскохозяйственные артели (коллективные хозяйства) повсеместно получили название колхоз, под которым они и вошли в историю СССР.

Наряду с колхозами в этот период получили развитие и Советские хозяйства – совхозы, то есть сельскохозяйственные предприятия, принадлежавшие государству. Но их количество было невелико. Если в 1925 г. в стране насчитывалось 3382 совхоза, то в 1932 г. – 4337. В их распоряжении было примерно 10% всей посевной площади страны.

В начале 1930 г. руководству страны стало очевидно, что невероятно высокие темпы коллективизации и связанные с ними потери наносят вред самой идее объединения крестьян. К тому же весенняя посевная кампания находилась под угрозой срыва. В марте 1930 г. в газете «Правда» была опубликована статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов», в которой он возложил всю вину за нарушения и искажения генеральной линии партии на местных руководителей и исполнителей.

После публикации статьи было позволено выходить из колхозов тем, кого заставили войти туда насильно. Колхозы стали разваливаться, как карточные домики, так как крестьяне массово покидали их. В Центрально-Черноземных областях, например, где к марту 1930 г. было охвачено коллективизацией 82% хозяйств, к маю осталось лишь 18% крестьянских дворов, входящих в колхозы.

Но осенью, после уборки урожая, кампания по обобществлению крестьянских хозяйств началась с новой силой. В сентябре 1931 г. было снова объединено ок. 60%, в 1934 г. – 75%, а к лету 1936 г. – 90% хозяйств.

Одновременно с объединением крестьянских дворов в колхозы шел процесс раскулачивания, в ходе которого у зажиточных крестьян изымали имущество, землю, а их самих с семьями, детьми и стариками высылали в отдаленные необжитые районы, направляли на лесозаготовки и в концлагеря, лишая всех политических и гражданских прав. С конца 1929 до середины 1930 г. было раскулачено св. 320 тыс. кулацких хозяйств, а их имущество стоимостью более 115 млн руб. передано в неделимые фонды колхозов, что составило более 34% всей стоимости колхозного имущества.

Раскулачивание привело к тому, что деревня лишилась наиболее крепких, предприимчивых хозяев, которые могли держаться твердо и независимо. Кроме того, судьба раскулаченных и выселяемых на Север и в

Сибирь крестьян должна была служить примером того, как Советская власть расправляется с теми, кто не идет в колхозы.

Раскулачиванию подлежали не только кулаки. Основную долю среди них составляли крепкие середняцкие хозяйства, которые и отдаленно не подходили под категорию кулаков. Следует отметить, что четкого определения «кулак» не было. Кулаками считали и тех, кто нанимает батраков, и тех, у кого в хозяйстве есть две лошади или две коровы, или просто крепкий большой дом. Поскольку не было точных критериев, то для разных регионов устанавливалась своя норма раскулачивания. И если норма коллективизации была везде единой – 100%, то норма раскулачивания – разной, в среднем 5–7% от общего количества крестьянских дворов.

Если же для выполнения разнарядки по раскулачиванию не хватало кулацких хозяйств, сюда присоединяли так называемых подкулачников, то есть крестьян из числа середняков и даже бедняков, которых подвергали репрессиям вместе с кулаками как «сочувствующих». В отдельных районах на каждого выселенного кулака приходилось по три-четыре высланных «подкулачника».

Имеются свидетельства того, что крестьяне Украины, Кубани, Дона, Средней Азии, Сибири с оружием в руках выступали против коллективизации. На Северном Кавказе и в ряде районов Украины против крестьян были направлены регулярные части Красной армии. Крестьяне, пока хватало сил, отказывались идти в колхозы, старались не поддаваться агитации и угрозам. Они не желали передавать свое имущество в общественную собственность, предпочитая оказывать пассивное сопротивление всеобщей коллективизации, сжигать постройки, уничтожать скот, поскольку переданный в колхоз скот все равно чаще всего погибал из-за отсутствия подготовленных помещений, кормов и ухода.

О размерах катастрофического сокращения поголовья свидетельствуют такие цифры: если в 1928 г. в стране было 33,5 млн голов лошадей, то в 1932 г. их осталось 19,6 млн; коров – соответственно 70,5 и 40,7; свиней – 26,0 и 11,6; овец и коз – 146,0 и 52,1 млн голов. В общей сложности за 1929–1934 годы погибло почти 150 млн голов скота, а их ценность намного превышает ценность выстроенных в это время огромных заводов и фабрик. На протяжении последующих десятилетий страна так и не смогла полностью преодолеть последствия этого бедствия, испытывая постоянную нехватку продовольствия. Это огромное сокращение поголовья происходило, несмотря на то, что в начале 1930 г. были приняты специальные постановления правительства, запрещавшие убой скота под угрозой штрафов, конфискации имущества и уголовного наказания.

Истребление скота, полная дезорганизация работы в колхозах, репрессии по отношению к кулакам, резкий рост объема вывезенного из деревни продовольствия привели в 1932–1933 гг. к страшному голоду, по своим масштабам далеко оставившему за собой голод 1921–1922 гг. Но если в 1921 г.

Советское правительство обращалось к западным странам за помощью, то теперь власти старательно замалчивали факт продовольственной катастрофы, о которой долгое время запрещалось сообщать в печати под страхом наказания.

Особенно тяжелой была весна 1933 г. на Украине, хотя в 1932 г. было собрано хлеба не меньше, чем в предыдущем году. На Украине, которая всегда славилась своими урожаями, вымирали от голода целые семьи и села. Крестьяне направлялись в город, надеясь там получить продукты питания. Они шли пешком, так как купить билет на поезд можно было только по справкам, заменявшим паспорта, но эти справки имели немногие крестьяне. В городах обстановка была тоже очень напряженной, продовольствия не хватало даже по карточкам. Люди стояли в очередях за хлебом по несколько суток, умирая прямо на улицах, не получив ничего.

Политическое руководство страны не стремилось спасти голодающих от смерти не потому, что в стране не было хлеба, а потому, что оно пыталось таким образом ослабить крестьянство как независимую политическую силу, заставить крестьян согласиться с коллективизацией.

Демографические итоги коллективизации были катастрофическими. Если во время Гражданской войны в ходе «расказачивания» (1918–1919 гг.) было уничтожено ок. 1 млн казаков на юге России, и это было огромной бедой для страны, то гибель в мирное время населения с ведома собственного правительства можно рассматривать как трагедию. Число жертв периода коллективизации точно подсчитать не представляется возможным, поскольку данные о рождаемости, смертности, общей численности населения после 1932 г. в СССР перестали публиковать.

В эти же годы деревня пережила и огромные социальные потери, когда фактически произошел разгром векового хозяйственного уклада. Коллективизация привела к раскрестьяниванию деревни, в результате чего аграрный сектор лишился миллионов самостоятельных работников, «старательных» крестьян, превратившихся в колхозников, которые, потеряв собственность, нажитую предыдущими поколениями, утратили интерес к эффективному труду на земле.

Следует еще раз подчеркнуть, что основной целью коллективизации было решение зерновой проблемы, поскольку изымать сельскохозяйственную продукцию у колхозов было гораздо удобнее, чем у миллионов разрозненных крестьянских хозяйств. Но форма изъятия продукции у колхозов в пользу государства была найдена не сразу. Первоначально только что созданные колхозы включили в систему контрактации, то есть в систему договоров об обязательной поставке сельскохозяйственной продукции государству в обмен на товары промышленного производства. В 1933 г. она была заменена системой обязательной сдачи продукции (так называемая первая заповедь колхозника) по твердым нормам с каждого гектара посевных площадей и твердым государственным ценам. Таким

образом, колхозы постепенно потеряли свой исходный кооперативный характер и превратились в государственные предприятия, включенные в государственные планы по производству и сдаче сельскохозяйственной продукции. Более того, те немногочисленные крестьяне, которые не входили в колхозы, также были обязаны сдавать государству свою продукцию: мясо, молоко, шерсть, зерно, картофель и др.

Следует особо подчеркнуть, что четверть века (с 1929 по 1953 гг.) закупочные цены на основную сельскохозяйственную продукцию оставались почти неизменными, в то время как розничные цены постоянно росли. Если взять индекс цен в государственной и кооперативной торговле 1928 г. за 1, то в 1932 г. он составил 2,6, а в 1940 г. – 6,4. Это объясняется тем, что практически весь объем заготовок продовольствия на селе производило Всесоюзное объединение «Заготзерно». В 1935 г., например, этот монопольный скупщик закупал у колхозов и совхозов пшеницу в основных зерносеющих районах страны по 80 коп. за центнер (в ценах 1961–1991 гг.), а продавал ее по 10,4 руб., из которых 1,5 руб. шло на покрытие расходов самого «Заготзерна», а 8,9 руб. изымалось в государственный бюджет в качестве налога с оборота, и таким образом происходило финансирование индустриализации за счет сельского хозяйства.

В это же время происходило постоянное отставание темпов роста закупочных цен от розничных цен на продовольственные товары. Если общий индекс государственных розничных цен с конца 1920-х до начала 1950-х гг. вырос более чем в 10 раз, то заготовительные цены на картофель в эти же годы выросли в 1,5 раза, на крупный рогатый скот – в 2,1 раза, свиней – в 1,7 раза, молоко – в 4 раза.

И хотя расходы на оплату труда, на закупку техники, семян, удобрений были весьма небольшими, колхозы, как правило, имели очень невысокие доходы. Большинство колхозов были убыточными, а их убытки погашались за счет государственных кредитов, которые обычно не возвращались, а списывались. Совхозам, как известно, являвшимся государственными предприятиями, просто предоставлялись дотации из государственного бюджета. Так, в 1940 г. себестоимость центнера зерна в совхозах составляла примерно 3 руб., а заготовительная цена в среднем равнялась 86 коп. И подобная практика была распространенным явлением долгие годы.

С 1930 г. в колхозах началось широкое распространение трудодней, которые служили условной единицей соизмерения затрат труда отдельных членов колхоза и определения их доли в конечных результатах деятельности хозяйства. Нормы выработки и расценки за выполнение определенных работ утверждались в каждом отдельном хозяйстве. Трудодень соответствовал единице простого неквалифицированного труда, затраченного человеком в течение рабочего дня, и на его основе соизмерялись затраты сложного труда (например, за работу колхозного сторожа начислялся один трудодень, а доярки – два трудодня). Еженедельно в трудовую книжку

колхозника записывалось количество выработанных им трудодней. В конце года после обязательных поставок продукции и расчетов с государством весь оставшийся фонд оплаты труда делился на общее количество трудодней всех членов колхоза (определялся «вес» одного трудодня), а потом происходило начисление продукции на трудодни отдельных колхозников. Распределение происходило главным образом в натуральной форме, поскольку в 1930 г. правительство и Колхозцентр запретили использовать денежную форму оплаты труда в колхозах.

Как показывала практика многих лет, за работу в общественном хозяйстве колхозники получали по трудодням буквально копейки, а порой и вовсе ничего, так как оказывалось, что после расчетов с государством и банком у хозяйств не оставалось средств для оплаты трудодней. Так, в относительно благополучном 1939 г. из 240 тыс. колхозов страны в 15,7 тыс. хозяйствах люди не получили на трудодни вообще ничего.

Был установлен минимум трудодней, который необходимо было выполнить колхозникам, работая в общественном хозяйстве. К нарушителям трудовой дисциплины применялись меры строгого наказания вплоть до уголовного. Позже одной из распространенных форм наказания стало изъятие у этих колхозников приусадебных участков, что фактически означало для них нищету и голод, ведь других источников продовольствия у крестьян не был.

Особо сложные времена для колхозников наступили с введением в 1932 г. паспортной системы в СССР. Паспорта могли получить только жители городов, рабочих поселков, новостроек. Колхозники паспортов не получали. Чтобы сменить место жительства (уехать в город, на стройку), крестьяне должны были получить справку из сельсовета, но это было ограничено многими обстоятельствами. Таким образом, долгие годы (до середины 1960-х гг.) колхозники были принудительно прикреплены к земле, работали, как на барщине, получая при этом за свой труд скудную плату.

В июне 1929 г. в стране были созданы государственные машинно-тракторные станции (МТС), где сосредоточивалась сельскохозяйственная техника для обработки полей и уборки урожая, поскольку техники не хватало для того, чтобы обеспечить ею каждый колхоз, да и квалифицированные кадры механизаторов еще не были подготовлены в нужном количестве. Каждая МТС обслуживала несколько колхозов в округе. За свою работу МТС брали плату натурой – примерно 20% урожая у тех хозяйств, чьи поля они обрабатывали. В 1932 г. в стране было 2446 таких станций, которые имели 74 тыс. тракторов. Они обрабатывали около половины всех посевных площадей колхозов

На практике МТС осуществляли еще и политический контроль за хозяйствами, для чего при МТС были созданы политотделы под руководством ГПУ, которые выявляли разного рода «вредителей». Так, в 1933 г. были арестованы по обвинению во вредительстве 34,4% всех

колхозных кладовщиков, 25% бухгалтеров, потому что Сталин в одном из выступлений указал, что врагами Советской власти в деревне после кулаков являются счетоводы, кладовщики, завхозы.

Каковы же были итоги первых лет коллективного ведения сельского хозяйства? Предполагалось, в частности, что валовой сбор зерна сразу же после объединения крестьян увеличится примерно вдвое, но в действительности он снизился в 1928–1934 гг. почти на 8%. Средняя урожайность зерна в 1932 г. составила 5,7 ц с гектара против 8,2 ц в 1913 г. Но зато заметно выросли объемы государственных заготовок зерна.

Насильственная коллективизация привела к снижению эффективности сельскохозяйственного производства, поскольку принудительный труд оказался менее производительным, нежели он был в частных хозяйствах. Снижение уровня эффективности аграрного сектора можно проследить и на примере экспорта хлеба. Так, за годы первой пятилетки было вывезено всего 12 млн т зерна, то есть в среднем по 2–3 млн т ежегодно, тогда как в 1913 г. Россия экспортировала более 9 млн т при производстве 86 млн т.

Увеличение государственных закупок в 1928–1935 гг. можно было обеспечить без чрезвычайного напряжения и потерь, связанных с коллективизацией, так как темпы ежегодного прироста во второй половине 1920-х гг. составляли стабильно не менее 2%. Если бы страна продолжала развиваться такими же умеренными темпами и дальше, то к 1940 г. среднегодовой сбор зерна составил бы примерно 95 млн т. При этом крестьянство не только не стало бы жить хуже, чем в 1920-х гг., но и смогло бы дать средства на индустриализацию и прокормить городское население. Это произошло бы только в том случае, если бы в деревне сохранились крепкие крестьянские хозяйства, охваченные кооперацией.

На II съезде колхозников-ударников в 1935 г. был принят «Устав сельскохозяйственной артели», в соответствии с которым колхозники получали право иметь небольшие приусадебные участки, держать корову, свиней, овец, птицу. Излишки продукции с приусадебного участка можно было реализовывать на городских рынках, на которых горожане покупали значительную часть продовольствия.

Об уровне эффективности сельскохозяйственного производства в конце 1930-х гг. можно судить по такому показателю, как доля единоличных и подсобных хозяйств в производстве основных видов продукции. И хотя на долю этих хозяйств приходилось лишь 13% посевных площадей страны, в них производилось 65% общего объема картофеля, 48% овощей, основная масса фруктов и ягод, 12% зерна. Кроме того, эти хозяйства, имевшие 57% крупного рогатого скота (в том числе 75% коров), 58% свиней, 42% овец и 75% коз, произвели 72% всего мяса в стране, 77% молока, 94% яиц. И это при том, что в этих хозяйствах не было никакой техники по сравнению с колхозами. Таким образом, коллективные хозяйства играли ведущую роль лишь в производстве зерна, сахарной свеклы, подсолнечника и других

технических культур, а основная часть продовольствия, как и до коллективизации, поступала от единоличных хозяйств и приусадебных участков крестьян.

3.2. Первые пятилетние планы

Сразу после Октябрьской революции руководители страны стали воплощать в жизнь идею о высокоиндустриальном обществе с плановой экономикой. В 1921 г. в нашей стране был создан совершенно новый государственный орган – Государственный плановый комитет (Госплан), который должен был выработать единый генеральный государственный план развития народного хозяйства. К 1925 г. Госплан начал ежегодно публиковать контрольные цифры, фактически являющиеся годовым планом страны.

В 1926 г. к Госплану начали переходить основные регулирующие функции в народном хозяйстве, которые ранее принадлежали наркомату финансов. Особенно заметно это проявлялось в том, что жесткая денежно-кредитная политика потеряла свою самостоятельную силу, а на первые роли вышел процесс разработки перспективных планов. Тем более что к этому времени во всех партийных документах понятие «социализм», «светлое будущее» и «перспективное планирование» начали выступать как синонимы.

Именно в это время появляется тезис о сочетании годового, пятилетнего и генерального планов (так называемая цепочка Кржижановского). Будучи председателем Госплана, Г. Кржижановский утверждал, что «годовой план – это больше всего план эксплуатационно-генеральный план, охватывающий 10–15-летний период, прежде всего, имеет строительную концепцию, план пятилетний представляет и часть эксплуатационного плана, и часть плана строительства».

Генеральный (перспективный) план объявлялся главным, приоритетным, и все силы направлялись на его разработку, выдвигались новые научные подходы, включая идеи экономико-математического моделирования. Но на практике все это было сопряжено с большими трудностями. Не хватало специалистов, средств и времени, руководители страны постоянно требовали быстрых решений. Если плановые разработки не предоставлялись в срок или в них недостаточно отражалась «генеральная линия партии», специалисты оказывались жертвами репрессий.

Истины ради следует сказать, что генеральный план было сложно разрабатывать не только по этим причинам. Очень скоро выяснилось, что он просто не нужен, поскольку не мог принести практической пользы командной системе. Ведь вся экономическая жизнь страны строилась по логике «железного» плана-расписания, в центре которого находился годовой (и даже кварталный) план. В начале 1930-х гг. конкретные работы над

генеральным планом прекратились. Чаще всего о нем вспоминали лишь в целях пропаганды преимуществ социализма, его устремленности в будущее.

Такая же судьба ожидала и пятилетний план, несмотря на то, что все силы специалистов были брошены на составление этих планов и слово «пятилетка» стала символом строящегося социализма. Как показала практика, пятилетний план так и не стал основным звеном в системе планирования, поскольку объективная логика развития народного хозяйства оказывалась в противоречии с установками партии в каждый конкретный период.

Экономика страны продолжала развиваться по объективно существующим циклам и колебаниям. А это не соответствовало стремлению руководителей страны заложить в пятилетние планы принцип постоянного и неуклонного роста производства, якобы присущего только социалистической экономике, что приводило к неизбежному волюнтаризму при решении хозяйственных задач. И несмотря на то, что колебания в экономике все же происходили, Советская статистика не должна была показывать имеющиеся факты падения производства в тех или иных сферах, а наука о планировании должна была соответствовать задачам «генеральной линии партии».

Итак, в марте 1926 г. Советом Труда и Оборона было принято решение о разработке перспективных планов по отдельным отраслям, как правило, на пятилетний период, а в 1927 г. экономисты приступили к разработке первого пятилетнего плана, в котором намечалось развитие всех регионов страны и максимальное использование всех ресурсов в целях, прежде всего индустриализации экономики. Первоначально выполнение этого плана должно было начаться осенью 1928 г., но к этому времени он еще не был готов.

Разработкой детального плана занимались две группы специалистов, первая из которых представляла Госплан. Эта группа предлагала составить план с учетом развития различных секторов экономики, их взаимоувязки и равновесия. Вторая группа экономистов, представлявшая ВСНХ, основное внимание уделяла развитию тяжелой промышленности, а остальные отрасли должны были развиваться в зависимости от этого решающего, по их мнению, сектора экономики. В конце концов, верх взяла вторая группа, поддержанная высшим руководством страны. Ставилась задача: за 10 лет преодолеть путь, на который другие страны потратили 50–100 лет, догнать и перегнать эти страны в техническом отношении, иначе, по выражению И.В. Сталина, «нас сомнут». Целенаправленную политику на установление небывало высоких темпов роста тяжелой промышленности (1928–1940) гг. в ущерб другим секторам экономики принято называть политикой Большого скачка.

В декабре 1927 г. на XV съезде партии были приняты директивы по составлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. В

целом эти директивы можно было выполнить: первоначально в них были заложены среднегодовые темпы прироста промышленной продукции 16%. Но в апреле 1929 г. на XVII партийной конференции был утвержден отправной, или исходный, вариант пятилетнего плана, где ежегодные темпы прироста составляли уже 18%. Затем и эти цифры были пересмотрены, а отправной вариант стал называться минимальным, оппортунистическим, враждебным. Вскоре был составлен оптимальный вариант, в котором уже стояли цифры 20–22%. Но едва были приняты эти оптимальные цифры, Сталин поднял их на более высокий уровень (так называемый исправленный вариант). И если еще совсем недавно, в 1926 г., он критиковал Троцкого за его идею о «сверхиндустриальном» развитии, то в начале 1930 г. цифры Л.Д. Троцкого уже казались И.В. Сталину «плюгавыми».

Те экономисты, которые сомневались в реалистичности выполнения нового, исправленного варианта, «вычищались» из экономических и статистических институтов, из плановых органов как «вредители», стремящиеся затормозить индустриальное развитие СССР. Ко всем рассуждениям о необходимости сбалансированного развития народного хозяйства стали относиться с подозрением. На смену изгнанным экономистам пришли новые, согласные подтвердить расчетами требуемые от них явно невыполнимые цифры.

То же самое было запланировано и по другим отраслям экономики. Но руководству страны и этого было мало. Был выдвинут лозунг: «Темпы решают все!» В декабре 1929 г. на съезде ударников было предложено выполнить пятилетку за четыре года. В феврале 1931 г. И.В. Сталин говорил уже о возможности и необходимости выполнения плана в основных отраслях за три года. Цифры опьяняли всех – и руководителей, и рядовых граждан страны, все жили в мире фантазий. Цифры уже ничего не означали, они становились лишь символами близкого «всеобщего счастья».

На выполнение этих фантастических планов привлекалось все больше рабочих. Темпы прироста занятых в промышленности и на стройках были очень высоки. Так, если в 1928 г. количество рабочих составляло 4,6 млн чел., то в 1932 г. их насчитывалось 10 млн чел., а к 1940 г. – 12,6 млн чел., то есть за годы первых пятилеток численность рабочих увеличилась почти в 3 раза.

В 1931 г. была закрыта биржа труда и было торжественно провозглашено отсутствие в СССР безработицы раз и навсегда. Основная часть занятых в промышленности пополнялась за счет миллионов крестьян, зачастую неграмотных, не умевших обращаться с инструментами, не имевших понятия о производственной дисциплине. Повсеместно не соблюдались требования техники безопасности. Люди получали отравления в помещениях без вентиляции, серьезные увечья на стройках, погибали от электрического тока и т.д.

Бурный рост городского населения вел к катастрофическому ухудшению жилищных условий. Повсеместно сколачивались деревянные бараки с

нарами, на многих стройках люди жили в палатках, глиняных мазанках, землянках. В старых промышленных городах семейные люди жили в перенаселенных общежитиях с коридорной системой (в так называемых казармах, построенных еще до революции), в подвалах больших домов.

Летом 1931 г. была объявлена война существовавшей еще со времен «военного коммунизма» уравниловке в заработной плате. Переход к неравенству становился определенной политической акцией, неравенство в оплате провозглашалось теперь нормальным социалистическим явлением. Была установлена новая тарифная система с ее обязательными атрибутами: тарифной сеткой, ставками, разрядами, нормами выработки для рабочих, окладами для инженерно-технических работников. Заметно выросла разница в оплате труда. Квалифицированные рабочие стали получать в четыре-восемь раз больше, чем неквалифицированные рабочие. Еще большая разница устанавливалась между рабочими и аппаратом управления, администрацией предприятий, которые получали в восемь-тринадцать раз больше, чем рабочие, не считая привилегий при распределении дефицитных товаров и услуг.

Помимо материального поощрения, была разработана и внедрена достаточно сложная система нематериальных стимулов – присуждение почетных званий (Герой Социалистического Труда, заслуженный строитель и т.п.), орденов и медалей. Кстати, их вручение всегда сопровождалось значительными материальными поощрениями: премиями, дополнительными льготами в приобретении различных товаров, особыми продовольственными пайками, получением благоустроенных квартир, продвижением по службе. Были учреждены специальные магазины и столовые для различных категорий «знатных людей», орденосцев. В эти же годы устанавливается иерархия среди артистов, вводится звание народный артист СССР с соответствующими привилегиями.

К тем, кто выражал недовольство, применялась целая система наказаний. Их могли не только уволить с работы, но и лишить продовольственных карточек, выселить с заводской жилплощади и даже арестовать. Рабочим объясняли, что все трудности – временные, что очень скоро наступит счастливая жизнь. Но этому мешают, вредители, которые пробираются во все сферы народного хозяйства.

Начиная с 1930 г. в стране было проведено несколько громких процессов против тех, кто якобы умышленно мешал строительству нового общества. В августе 1930 г. состоялся суд над группой ученых-бактериологов. Они обвинялись в организации массового падежа лошадей в деревнях. В сентябре 1930 г. была расстреляна группа из 48 руководителей пищевой промышленности, которая, по мнению обвинителей, организовала в стране продовольственные трудности. В ноябре–декабре 1930 г. проходил суд над Промышленной партией, которой предъявлялось обвинение в злостном

вредительстве в различных промышленных центрах. Вскоре было объявлено о ликвидации общесоюзных «вредительских центров», куда кроме Промышленной партии входили Союзное бюро ЦК меньшевиков и Трудовая крестьянская партия. При подготовке к судебным процессам в стране были арестованы известные ученые-аграрники, экономисты, управленцы из числа старых специалистов, в том числе Н.Д. Кондратьев, А.В. Чайнов, В.Г. Громан, В.А. Ларичев, Л.К. Рамзин, Н.Н. Суханов, Л.Н. Юровский. Начинались судебные процессы, для проведения которых явно не хватало свидетелей и вещественных доказательств. Все это было грандиозной судебной фальсификацией, а признания подсудимых вырывались под моральным и физическим давлением. Позже почти все обвиняемые погибли в тюрьмах и лагерях, и лишь в 1950 – 1960 гг. они были реабилитированы.

Из-за тяжелых условий труда на промышленных предприятиях и стройках возросла миграция рабочих по стране в поисках лучших условий жизни. На новом месте устроиться на работу было нетрудно, поскольку повсеместно требовались рабочие руки. В связи с этим государство провело ряд мероприятий, которые были направлены на прекращение постоянного передвижения людей. Как отмечалось выше, в конце 1932 г. в стране была введена система внутренних паспортов и прописки. Еще совсем недавно паспорта осуждались, их называли важнейшим орудием полицейского надзора в странах капитала, теперь их стали называть важнейшим достижением на пути к социализму. Паспорта и прописка ограничивали свободу передвижения людей, помогали осуществлять контроль за ними.

Было объявлено о запрете на увольнение рабочих по собственному желанию. Наркомтруд получил право переводить квалифицированных рабочих и специалистов на работу в любое место страны и любую отрасль экономики, не спрашивая на то согласие самого работника. Таким образом, государство стало полностью контролировать место работы и место жительства Советских граждан. В эти же годы был принят ряд законов, направленных на укрепление трудовой дисциплины. Прежде всего, директора предприятий получили большие полномочия по управлению всеми сторонами производственной деятельности. Они могли единолично уволить рабочих, не согласовывая это, как раньше, с профсоюзными комитетами. За прогулы, то есть самовольный невыход на работу, рабочего могли уволить или отдать под суд (по закону 1932 г. прогулом считалось отсутствие на работе в течение дня без уважительной причины). Правда, и сами директора находились под постоянным контролем: если предприятие не выполняло план или выпускало некачественную продукцию, директор мог попасть под суд.

В августе 1932 г. был принят самый жестокий закон того времени «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной социалистической собственности» (в народе его называли «закон о колосках»). В соответствии с этим законом в качестве

судебной репрессии применялась высшая мера наказания – расстрел с конфискацией всего имущества. При смягчающих обстоятельствах расстрел мог заменяться лишением свободы сроком не менее 10 лет также с конфискацией имущества. Действие закона распространялось на обширный круг преступлений, в том числе хищение, спекуляцию, мошенничество и пр. Этот закон также очень сурово карал людей за совершение весьма незначительных преступлений: за кражу буханки хлеба, пары обуви или белья, за подобранные в поле после уборки колоски или картошку.

В качестве еще одного примера государственного регулирования всех сторон жизни граждан страны можно привести установление с августа 1929 г. «непрерывки». Семидневная неделя упразднялась, вместо нее устанавливалась пятидневка – четыре дня рабочих, а пятый – выходной, который приходился на любой день недели. Известный писатель Л. Кассиль восторженно писал, что это было сделано для уничтожения сонного провала воскресного дня, чтобы страна находилась в постоянном бодрствовании. Эта система породила массу неудобств, но отменена была лишь в 1940 г., когда трудящимся снова предоставили право отдыхать в воскресенье.

В 1932–1933 гг. при подведении итогов первого пятилетнего плана началось откровенное жонглирование цифрами. Зачастую итоги пятилетки оценивались в несопоставимых показателях. Там, где налицо было явное невыполнение плана, сравнение проводилось с 1913 г. и т.д. Утверждалось, что план «по основным показателям» выполнен. В 1933 г. было объявлено, что первая пятилетка выполнена досрочно: за 4 года и 3 месяца. В действительности это было совсем не так. Даже по официальным данным, национальный доход за 1929–1933 гг. вырос только на 59% вместо 103% по плану, продукция промышленности – на 102% вместо 130%, а продукция сельского хозяйства сократилась на 14% вместо запланированного роста на 55%.

Почти в 2 раза меньше, чем планировалось, было произведено электроэнергии, стали, проката, чугуна, нефти, бумаги, хлопчатобумажных тканей и др. А такой продукции, как минеральные удобрения, тракторы, автомобили, комбайны, шерстяные ткани, сахар было выработано в 3–8 раз меньше, чем предусматривалось в плане. Было проложено 5,5 тыс. км железнодорожных путей, хотя по плану следовало построить 16 тыс. км.

Несоответствие многих показателей публикуемым данным большинство населения ощущало на себе. Так, по плану предусматривалось повышение покупательной силы рубля на 15–20%, но высокая инфляция была очевидна для всех. План обещал повысить реальную заработную плату на 69%, ликвидировать к концу пятилетки товарный дефицит, а также увеличить вдвое нормы потребления по важнейшим потребительским товарам. В действительности существовала карточная система, огромные изнурительные очереди за продовольствием и т.д.

3.3. Индустриализация в СССР

Бесспорно, общеизвестным фактом является то, что в годы первых пятилеток тяжелая промышленность развивалась очень высокими темпами, что за короткий исторический срок (всего за 10 лет) СССР превратился из крестьянской страны в мощную индустриальную державу. По официальным данным, за 1928–1940 гг. добыча угля увеличилась в 5 раз, нефти – почти в 3 раза, производство электроэнергии – почти в 10 раз, производство разного рода машин, станков, оборудования – в десятки и сотни раз. Если в 1913 г. царская Россия занимала прочное 5 место в мире по общему уровню экономического развития, то к концу 1930-х гг. Советский Союз вышел на 2 место после США по объему национального дохода, а по многим показателям обогнал Францию, Великобританию, Германию и даже США.

Были построены десятки новых городов в разных районах страны. Впервые в нашей стране начался массовый выпуск самолетов, грузовых и легковых автомобилей, тракторов, комбайнов, синтетического каучука, различного вида вооружения и военной техники. За 1929–1941 гг. вступило в строй ок. 9 тыс. крупных предприятий, то есть по 600–7 00 ежегодно. Темпы роста тяжелой промышленности были в два–три раза выше тех, что были в дореволюционной России в 1900–1913 гг.

В 1927–1932 гг. был создан крупный гидротехнический узел в Запорожье на Днепре (ДнепрогЭС), вокруг которого позже были построены новые заводы. Строились новые металлургические комбинаты в Магнитогорске (1929–1934 гг.) и Новокузнецке (Кузбасс, 1932 г.); в Екатеринбурге (Свердловске) – Уралмашзавод (1928–1933 гг.); огромные тракторные заводы в Харькове (ХТЗ, 1931), Челябинске (ЧТЗ, 1933 г.), Сталинграде, ныне Волгограде (СТЗ, 1930 г.); автозавод в Горьком, ныне Нижнем Новгороде (ГАЗ, 1932 г.). В Москве были построены крупные предприятия: «Фрезер», «Калибр», 1 шарикоподшипниковый (все – 1932 г.), 1 часовой завод (1930 г.), автосборочный завод им. КИМ (позже – «Москвич», АЗЛК, 1930 г.). На окраине тогдашней Москвы в 1927 г. был полностью реконструирован построенный еще в 1916 г. автомобильный завод «АМО», позже – «Завод им. Сталина» – ЗИС, а в 1960-х гг. названный в честь директора, И.А. Лихачева – «Завод им. Лихачева» – ЗИЛ. В мае 1935 г. была открыта первая очередь Московского метрополитена (от станции «Сокольники» до станции «Парк Культуры»). Среди общесоюзных новостроек того времени следует назвать Туркестано-Сибирскую железную дорогу (Турксиб, 1927–1931 гг.), соединившую Западную Сибирь и Среднюю Азию через Семипалатинск на Алма-Ату.

Но следствием завершения первых пятилеток стала также и заметная разбалансированность структуры народного хозяйства. Практически не развивались такие отрасли, как текстильная, обувная, химическая и др. Мало внимания уделялось развитию железных дорог, жилищному строительству,

сфере услуг. В строительстве и сельском хозяйстве по-прежнему преобладал ручной труд. В 1930-х гг. было почти полностью разрушено кустарное производство, которое традиционно снабжало население одеждой, обувью, мебелью, простыми сельскохозяйственными орудиями и пр. Государственные же предприятия легкой промышленности не могли компенсировать эти потери.

В годы первых пятилеток произошло резкое перераспределение национального дохода в пользу фонда накопления, что привело к изменению основных структурных пропорций в экономике. Если в 1924–1928 гг. удельный вес валовых капитальных вложений в общем объеме национального дохода составлял 27%, то в годы первой пятилетки он поднялся до 38% и до начала Великой Отечественной войны оставался на уровне 30–35%.

Никогда ранее в истории страны не было таких огромных вложений в тяжелую промышленность за столь короткий срок, и это лишний раз подтверждает желание руководителей страны Большим скачком догнать передовые страны в промышленном развитии. По официальным данным, на развитие тяжелой промышленности в первую пятилетку предусматривалось направить 78% всех капитальных вложений. Но фактические затраты с 1 октября 1928 г. по 1 января 1933 г. превысили эти запланированные показатели примерно на 45%. Каковы же были источники таких огромных средств? Этот вопрос тем более уместен, что основная масса промышленных предприятий в 1930-х гг. была нерентабельной.

Основным источником средств для строительства предприятий тяжелой индустрии были доходы от легкой промышленности и сельского хозяйства, которые перераспределялись на нужды индустриализации, прежде всего через централизованную систему ценообразования (выше уже рассматривался этот механизм). Постоянно использовалась денежная эмиссия. Так, увеличение денежной массы, находившейся в обращении в 1930 г., происходило в 2 раза быстрее, чем стоимость всей продукции отраслей, производящих потребительские товары.

Крупнейшим источником средств стала продажа водки. Еще недавно правительство страны заявляло, что в Советском Союзе (в отличие от царской России) не будет иметь распространения практика получения дохода от продажи алкоголя, но в 1930 г. уже прозвучал призыв «отбросить ложный стыд» и открыто пойти на максимальное увеличение производства и продажи водки.

Но, пожалуй, самым удивительным и непостижимым для всего мира стал еще один источник ресурсов ускоренной индустриализации страны – духовная энергия трудящихся. Здесь надо сделать одно пояснение. Дело в том, что при составлении планов на вторую пятилетку в какой-то степени был учтен тот негативный опыт, который сформировался в условиях сверхнапряженных темпов первой пятилетки. От руководителей предприятий больше не требовалось увеличения выпуска продукции «любой ценой».

Не оправдал себя и популярный лозунг: «Техника решает все!», выдвинутый в начале 1930-х гг., поскольку техника по-прежнему не могла заменить тяжелый труд. Вчерашние крестьяне – нынешние рабочие – с большим трудом осваивали машины и оборудование, которые постоянно ломались и выходили из строя, да к тому же техники было еще очень мало. Наивные представления о скором наступлении эпохи роботов, конвейеров, автоматов остались лишь в фантастической литературе. Нужно было искать новые источники экономического роста.

И в годы второй пятилетки особенно громко зазвучал лозунг: «Кадры решают все!» По всей стране заговорили о новаторах производства. Это был еще один, неведомый ранее источник сил на пути в будущее. Миллионы трудящихся (прежде всего молодежь), поверившие в коммунистические идеалы, были вовлечены в социалистическое соревнование. Они шли сознательно на трудовые подвиги, создавая в стране обстановку массового энтузиазма. И если в первой пятилетке (с 1929 г.) это движение называлось ударничеством, то в середине 1930-х гг. оно получило название стахановского по фамилии шахтера из Донбасса Алексея Стаханова, который 30 августа 1935 г. добыл за смену 102 т угля вместо 7 т по норме. Правда, для этого пришлось остановить все другие работы на целой шахте и всех работников использовать на вспомогательных операциях.

Конечно, это был не стихийный, а организованный процесс. В декабре 1935 г. ЦК партии одобрил «инициативу трудящихся», и вскоре весь Советский Союз был охвачен пропагандистской кампанией по распространению стахановского движения. Почин А. Стаханова по перевыполнению норм выработки был подхвачен в других отраслях. Вся страна сразу узнала имена кузнеца Александра Бусыгина, паровозного машиниста Петра Кривоноса, колхозницы Марии Демченко, ткачих Евдокии и Марии Виноградовых и др.

На основе этих рекордных достижений передовиков производства повсеместно были резко повышены нормы выработки в целом на 15–20%. Некоторые экономисты пытались выступить в защиту научных норм труда, но их обвинили в «псевдосоциализме», в непонимании сущности трудового героизма масс. В ряде мест рабочие протестовали против очевидной фальсификации «рекордов», но их выступления были сразу же пресечены.

Одним из источников средств для индустриализации было усиленное, по сути конфискационное, налогообложение частных предпринимателей, которые еще работали на принципах хозрасчета. В итоге огромные налоги и прямое администрирование привели в 1933 г. к полному свертыванию частного сектора в промышленности и торговле.

Индустриализация Советской экономики происходила также и за счет всеобщего ограничения потребления и снижения жизненного уровня всех слоев общества, то есть всего того, что пропагандировалось как «потребительский аскетизм». Здесь сыграли свою роль постоянный рост

розничных цен, карточная система 1929–1935 гг., массовое использование почти бесплатного труда заключенных, обязательная подписка на займы индустриализации. Так, в 1927 г. среди населения был размещен государственный заем на 1 млрд руб., а в середине 1930-х гг. – уже на 17 млрд руб.

Потребности индустриализации во многом покрывались также и за счет доходов от внешней торговли, которая функционировала в условиях государственной монополии. В годы первой пятилетки в огромных объемах вывозилось продовольственное сырье: зерно, сахар, животные жиры и другие продукты питания, а собственное население находилось на грани голода. По демпинговым ценам на экспорт отправлялся лес, причем его приходилось рубить гораздо больше, чем успевало ежегодно подрасти. Вывозились нефть, золото, цветные металлы, пушнина, распродавались сокровища отечественных музеев.

Долгое время существовало мнение, что самое большое количество валюты давал экспорт зерна, но в действительности это было не совсем так. Самую большую выручку от продажи хлеба удалось получить лишь в 1930 г. – 883 млн руб., но зато от продажи нефтепродуктов и лесоматериалов выручка составила 1 млрд 430 млн руб., от пушнины и льна – почти 500 млн руб. В последующие годы, несмотря на голод в стране, экспорт зерна продолжался. За 1932–1933 гг. он дал стране в сумме 389 млн руб., а продажа нефтепродуктов – почти 700 млн руб., лесоматериалов – столько же.

Рост объема экспортных поставок на мировой рынок позволил Советскому Союзу заметно увеличить и импортные закупки. В 1931 г. на долю СССР приходилась 1/3 всего импорта машин и оборудования в мире. До 85% всего установленного в этот период оборудования на предприятиях СССР было закуплено за рубежом. Вместе с тем почти прекратился ввоз совершенно необходимых товаров: шерсти, кожи, хлопка, риса и т.д.

Уместно отметить, что экономическое развитие страны в годы первых пятилеток было бы невозможно без заметной иностранной помощи. Инженеры, конструкторы, техники, рабочие из США, Германии, Англии, Италии, Франции проектировали и сооружали предприятия. Фирма известного американского гидростроителя Купера строила ДнепрогЭС, английская компания Метрополитен-Викерс снабжала оборудованием основные Советские электростанции. Зарубежным оборудованием были оснащены новые предприятия в Магнитогорске, Кузнецке, Уралмашзавод в Свердловске, 1 шарикоподшипниковый завод в Москве, автозавод в Нижнем Новгороде, завод грузовых машин в Ярославле и др. Можно сказать, что первый пятилетний план начал выполняться лишь после того, как были подписаны контракты на строительство и техническую помощь с западными странами. При этом иностранные специалисты время от времени объявлялись вредителями, попадали под арест или высылались из СССР.

Индустриализация Советской экономики в 1920–1930-х гг. потребовала колоссального напряжения и мобилизации всех ресурсов страны.

Существуют доказательства того, что переход к командной экономике сочетался с резким снижением темпов экономического роста: ежегодные темпы прироста национального дохода за 1928–1940 гг. снизились с 18 до 3–4%. Примерно такая же динамика характерна для производства промышленной и сельскохозяйственной продукции. Расчеты, основанные на данных о выпуске важнейших видов продукции в натуральном выражении, показывают, что в период 1922–1928 гг. темпы прироста были более чем в 3 раза выше, чем в годы первой пятилетки, и почти в 3 раза выше, чем в годы второй пятилетки.

Очевидно, что замедление темпов экономического роста явилось результатом разрыва с нэпом. Иначе говоря, если бы экономика продолжала развиваться на принципах хозрасчета, страна имела бы без надрыва и напряжения не меньше продукции во всех отраслях, включая и те, что работали на нужды обороны, поскольку сельскохозяйственный, промышленный, инвестиционный потенциал рыночной экономики в 1920-х гг. достаточно эффективно использовался при помощи налогового регулирования. Но командные рычаги в короткий исторический срок подавили и разрушили этот потенциал, в результате чего темпы экономического роста стали резко снижаться.

Таким образом, создание крупной промышленности рекордно высокими темпами произошло не благодаря административной системе, а вопреки ей, в условиях снижения жизненного уровня населения и общих темпов развития всего народного хозяйства в целом. Административная система уже в годы первых пятилеток продемонстрировала заметное снижение эффективности использования трудовых и материальных ресурсов. Высокие показатели выпуска ВВП достигались за счет невероятно высокого и неоправданного роста затрат. Снизились реальные доходы трудящихся, ухудшилось качество жизни. В течение всего нескольких лет СССР превратился в страну с сокращающимся населением.

По переписи конца 1926 г. население страны составляло 147 млн чел. (в тогдашних границах). Считалось, что в конце 1920-х – начале 1930-х гг. население увеличивалось ежегодно примерно на 3 млн чел., поэтому по расчетам на начало 1933 г. получалось 166 млн чел. Но на XVII съезде партии (1934 г.) была объявлена цифра – 168 млн чел. К 1937 г., когда была назначена очередная перепись населения, предполагалось, что в стране проживает 170 млн чел., но по итогам переписи оказалось лишь 164 млн чел. Получалось, что население не только не прирастало, но и сокращалось в абсолютном выражении.

Итоги переписи были объявлены недействительными, ее руководителей репрессировали из-за якобы грубейших ошибок в подсчете. В 1939 г. провели еще одну перепись, которая дала цифру 170,6 млн чел., что означало очень небольшой ежегодный естественный прирост.

В 1939–1940 гг. к СССР были присоединены Западная Украина и Западная Белоруссия, Бессарабия и Прибалтика, поэтому в 1940 г. было объявлено, что в стране проживает 194 млн чел. По официальным данным, в 1950 г. в стране было 178,5 млн чел. Тогда же было объявлено, что в годы войны погибло 20 млн чел. Выходит, что весь естественный прирост за 1940–1950 гг. без учета прямых потерь во время войны едва превысил 4 млн чел. Даже с учетом повышенной смертности в военные и первые послевоенные годы такого небольшого естественного прироста не могло быть.

Ответ заключается в том, что в 1930-х гг. официальные данные по численности населения систематически завышались и не соответствовали действительности. Фактически население СССР (в границах сентября 1939 г.) не увеличилось за 1930–1950 гг., в то время как оно должно было возрасти за этот период примерно на 60 млн чел. Трудно сказать, в какой мере это объясняется снижением рождаемости, а в какой – другими причинами: голодом, репрессиями, тяготами индустриализации, войнами. Но факт остается фактом: достижения первых пятилеток достались небывалой ценой, которую заплатило население страны.

3.4. «Страна победившего социализма»: Социально-экономическая сущность

В декабре 1936 г. на VIII съезде Советов была принята Конституция СССР, которую тут же назвали Конституцией победившего социализма. В соответствии с новой Конституцией политической основой страны провозглашались Советы депутатов трудящихся, а экономической основой – социалистическая собственность на средства производства. Все материальное богатство фактически находилось в руках государства, хотя формально провозглашалось наличие двух форм собственности: государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной.

В итоге первых пятилеток в стране произошли большие социально-экономические изменения. Вся власть безраздельно перешла в руки партийно-государственного аппарата, который осуществлял жесткий централизованный контроль за распределением ресурсов и готовой продукции, за кредитно-финансовыми институтами, механизмом ценообразования и прочими экономическими характеристиками. Аппарату не нужно было ломать голову над проблемами рыночного равновесия, гибких цен и прочими неперемненными атрибутами рыночной экономики. Цены теперь устанавливались сверху в директивном порядке, а рыночные отношения надолго были заменены сложной и громоздкой системой приказов и распоряжений.

Все крестьяне в основном были объединены в колхозы, из которых государство могло изымать любое количество продукции. По имеющимся

данным, только накануне войны аграрный сектор страны достиг, наконец, показателей своего до колхозного развития. Но ничто не менялось в отношении власти к крестьянству. Деревня по-прежнему воспринималась как поставщик дешевого продовольствия и массовой рабочей силы. К концу 1930-х гг. единоличные крестьянские хозяйства были практически изжиты с помощью налогов и административных мер, а перед самой войной были ликвидированы почти 816 тыс. крестьянских хуторов. Такая политика государства демонстрировала желание во имя идеологических принципов перескочить через ступени экономической зрелости сельской экономики, игнорируя при этом экономические интересы самих крестьян.

С каждым годом все более ожесточался повседневный контроль за рабочими и служащими. В 1938 г. появились трудовые книжки, которые хранились в отделе кадров того предприятия или организации, где работал данный человек. В этой книжке записывались как благодарности за хорошую работу, так и все нарушения трудовой дисциплины. Без отметки в трудовой книжке о причинах увольнения с предыдущего места работы работника не могли принять на новое место.

В 1939 г. прогулом стало считаться опоздание на работу всего на 20 минут без уважительной причины, а с 1940 г. это уже признавалось уголовным преступлением. Рабочий мог быть осужден за это на 6 мес. условно, то есть он продолжал работать на своем месте, но у него вычитали до 25% заработка в пользу государства.

Еще в 1928 г. появился тезис о том, что по мере продвижения вперед классовая борьба будет усиливаться. А поскольку в ходе социалистического строительства экономические трудности возрастали, то вся вина за них возлагалась на «врагов народа», количество которых постоянно увеличивалось. В 1930 г. стала создаваться система лагерей ОГПУ, начало которым положили Соловецкий и комплекс Усть-Сысольских лагерей особого назначения, где уже содержалось ок. 100 тыс. чел. Тогда же было создано Главное управление лагерей (ГУЛАГ).

К концу 1930-х гг. Советская экономика стала все более приобретать «лагерный» облик. В результате массовых репрессий значительная часть населения страны оказалась за колючей проволокой. Труд заключенных стал включаться в пятилетние планы. Внутри ГУЛАГа были созданы специальные отраслевые управления: Главлеслаг, Главпромстрой, ГУЛГМП (Главное управление лагерей горно-металлургической промышленности), ГУЛЖДС (Главное управление лагерей железнодорожного строительства). В годы первых пятилеток система ГУЛАГа по объему выпускаемой продукции занимала первое место среди всех наркоматов.

В системе НКВД производился цемент, строились пароходы, катера, баржи, автотракторные прицепы, дорожная техника, сельскохозяйственные орудия, выпускалась мебель, трикотаж, обувь и многое другое. Лагеря и

колонии давали ок. половины добываемого в стране золота, треть платины, значительную часть древесины.

Заключенные производили примерно 20% общего объема строительных работ страны. Именно силами заключенных были построены города (Магадан, Ангарск, Норильск, Тайшет), каналы (Беломорско-Балтийский, Москва – Волга), железные дороги (Тайшет – Лена, БАМ – Тында, Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань, Известковая – Ургал) и др. Так, ок. 500 тыс. заключенных в течение 20 месяцев практически голыми руками проббили в карельских скалах Беломорканал, который, в конце концов, оказался ненужным.

Располагая неограниченными возможностями привлечения рабочей силы, ОГПУ (НКВД) производило бесконечные аресты людей всех специальностей. В результате массовых арестов возникли уникальные Советские институты – «шарашки», в которых работали по своей специальности инженеры, ученые, исследователи, конструкторы под неусыпной охраной, без права выходить за ворота этих заведений. Особенно активно массовые аресты проводились на железных дорогах, где в число арестованных попадали рабочие всех специальностей: стрелочники, смазчики, кочегары, машинисты, которым предъявлялись обвинения во вредительстве, умышленных поломках оборудования, в невыполнении плана и пр.

Согласно официальным данным, социальную структуру Советского общества в 1940 г. составляли следующие группы: рабочие – 33,7%, колхозники и кооперированные кустари – 47,2%, служащие и интеллигенция – 16,5%. Сохранялся небольшой слой крестьян-единоличников и некооперированных кустарей – 2,6%.

Исходя из современных представлений, можно выделить еще один социальный слой – номенклатуру, которая состояла из работников, занимавших наиболее важные государственные и партийные должности разного уровня (от райкома до ЦК партии) и от которой зависело решение (от имени народа, отчужденного от власти и собственности) всех политических и экономических дел в стране.

Практически все население, начиная со школьной скамьи, было вовлечено в идеологизированную систему: партия, профсоюзы, комсомол, пионерские дружины, творческие союзы. Все эти организации, в свою очередь, находились под жестким управлением партии, служили «приводными ремнями» от партийно-государственного руководства к массам. Под жесткий контроль попали все стороны духовной жизни людей: школьное и высшее образование, наука, литература, искусство, религия.

На рубеже 1920–1930 гг. началось массивное наступление на церковь, усилилась антирелигиозная пропаганда. Выпускались книги типа «Библия для верующих и неверующих» Е. Ярославского, где в оскорбительной форме высмеивались религиозные чувства верующих людей. Повсеместно были разрушены сотни церквей, в том числе и

исторические памятники, такие, как Храм Христа Спасителя в Москве. С церквей снимали колокола, чтобы использовать металл для нужд промышленности, а также, чтобы колокольный звон «не мешал трудящимся». В уцелевших церковных зданиях размещались музеи, клубы, кинотеатры, различные учреждения, предприятия, склады.

В 1932 г. была объявлена антирелигиозная пятилетка, согласно которой к 1 мая 1937 г. в СССР следовало упразднить молитвенные дома и сооружения всех конфессий, а «само понятие Бога должно было быть изгнано как пережиток средневековья, как орудие угнетения рабочих масс».

Итак, в конце 1930-х гг. в СССР образовалась специфическая социально-экономическая система, которую чаще всего называют государственным социализмом. Ее характерными чертами были полное огосударствление производства и ликвидация частной собственности, что соответствовало принципам социализма. Это «обобществление» проводилось государством фактически в интересах партийно-государственной номенклатуры.

Помимо этого, к основным характеристикам «государственного социализма» можно отнести существование в стране лишь одной партии, монополию государства на средства массовой информации, единую официальную государственную идеологию, имевшую власть над законностью и личностью, контроль за обществом со стороны органов госбезопасности, осуществлявших массовые репрессии. Все это позволяет говорить о том, что «государственный социализм» в СССР приобрел ярко выраженный тоталитарный характер.

4. ЭКОНОМИКА СССР: ИСПЫТАНИЕ ВОЙНОЙ. ПОСЛЕВОЕННОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

4.1. Экономика СССР накануне войны

Отношение западных стран к СССР в 1920–1930 гг. оставалось достаточно противоречивым. С одной стороны, память о неудачной для них военной интервенции, мировой экономической кризис 1929–1933 гг. сдерживали создание новой антисоветской коалиции. Но с другой стороны, огромные природные ресурсы и емкий внутренний рынок Советского Союза притягивали к себе внимание многих западных стран, хотя настороженность и даже враждебность долгие годы сохранялись в этих отношениях.

Советский Союз, со своей стороны, придерживался также двойственной политики по отношению к западным странам. Прежде всего, СССР был заинтересован в налаживании с ними деловых связей, но в то же время открыто провозглашал принцип пролетарского интернационализма и поддерживал через структуру Коминтерна (золотом, валютой, оружием) те силы, которые стремились к дестабилизации внутренней обстановки в своих странах и установлению там прокоммунистических режимов.

Коминтерн требовал от европейских коммунистических партий вести беспощадную борьбу против социал-демократии, обвиняемой им в пособничестве фашизму. В результате произошел глубокий раскол в рабочем движении, и в условиях экономического кризиса в Германии к власти пришли фашисты. В Европе возник очаг военной напряженности, поскольку Германия сразу же заявила о своих территориальных претензиях к соседним странам и претензиях на мировое господство.

К концу 1930-х гг. Советский Союз пошел на определенные экономические и политические соглашения с германским правительством, имея при этом тайный умысел: направить его агрессивные устремления на другие европейские страны, прежде всего на Францию и Великобританию, которые, в свою очередь, стремились направить военную машину Германии на восток.

Чтобы умиротворить агрессора, западные страны согласились на мюнхенский сговор между Германией, Италией, Англией и Францией, направленный на территориальное расчленение Чехословакии и насильственное присоединение (аншлюс) Австрии к Германии (1938 г.). В августе 1939 г. СССР подписал с Германией секретный пакт о ненападении (пакт Молотова – Риббентропа), в соответствии с которым были разделены сферы влияния в Восточной Европе. После этого 1 сентября Германия напала на Польшу и началась Вторая мировая война. СССР считал эту войну сугубо империалистической, в которой его классовые противники взаимно

истощают свои силы, поэтому предпочитал не вмешиваться в военные действия.

Тем не менее Советский Союз получил возможность передвинуть на запад собственные границы в соответствии с Советско-германским соглашением. В 1939 г. СССР присоединил к себе территории западной Украины и Западной Белоруссии, которые ранее входили в состав Российской империи, но были утеряны в 1921 г. в результате Советско-Польской войны.

В 1940 г. прибалтийским государствам – Латвии, Литве и Эстонии – было навязано «добровольное» вхождение в Советский Союз. В том же г. СССР потребовал от Румынии вернуть Бессарабию, которая входила в состав России с начала XIX в. до 1918 г., а также аннексировал Северную Буковину, никогда ранее не принадлежавшую России. Такие же планы имелись и в отношении Финляндии. В ноябре 1939 г. Советским Союзом был спровоцирован военный конфликт с Финляндией, в результате которого Красная Армия понесла ощутимые потери. План советизации этой страны сорвался, и СССР был вынужден пойти на подписание мирного договора в марте 1940 г.

На всех новых территориях, где проживало ок. 23 млн чел., были начаты преобразования, которые уже были проведены в СССР в 1920–1930 гг.: национализация крупных промышленных предприятий, раскулачивание, коллективизация. Они сопровождались крупномасштабными репрессиями: было депортировано св. 1 млн Поляков из западных областей Украины и Белоруссии, ок. 200 тыс. жителей Прибалтийских республик, 200 тыс. чел. из Бессарабии и Буковины. В этих регионах репрессии продолжались и после войны.

Советский Союз стремился как можно дольше сохранять нейтралитет и поддерживать уверенность Германии в том, что СССР не нарушит пакт о ненападении. Этому должен был служить Советско-германский договор о дружбе и границе (сентябрь 1939 г.), в соответствии с которым Советский Союз подписал ряд соглашений об огромных поставках продовольствия и сырья в Германию.

С сентября 1939 до июня 1941 г. из СССР в Германию было отправлено не менее 2,2 млн т зерна, кукурузы и бобовых культур, 1 млн т нефти, 101 тыс. т хлопка-сырца, более 1 млн т лесоматериалов, а также большое количество стратегически важного сырья: 140 тыс. т марганцевой руды, 26 тыс. т хромовой руды, 14 тыс. т меди, 3 тыс. т никеля, 500 т молибдена, 500 т вольфрама, 2736 кг платины и др.

Наряду с поставками товаров Советский Союз предоставил возможность Германии осуществлять транзитные перевозки через Советскую территорию с использованием железных дорог, морских и речных путей, портов. Это позволило разрушить торговую и транспортную блокаду, которую установили для Германии Англия и ее союзники.

Из Германии, в свою очередь, поступала готовая продукция: станки, оборудование, образцы боевых самолетов с полными комплектами вооружения, образцы артиллерийской техники. Но в отличие от СССР германские поставки не были столь точными, сроки часто срывались, а с начала 1941 г. попросту саботировались, хотя именно на этот период намечались наиболее крупные из них. Так, Советским Союзом в Германии был закуплен тяжелый крейсер «Лютцов», но весной 1940 г. в Ленинград немецкий буксир доставил только корпус корабля без механизмов и вооружения. Завершение его строительства немецкими инженерами и механиками намечалось только в 1943 г.

При заключении экономических соглашений в 1939–1940 гг. предусматривалось, что СССР выполнит свои обязательства за 18 месяцев – к середине 1941 г., а Германия – за 27 месяцев, к концу 1941 – началу 1942 г., хотя в то время было уже совершенно ясно, что германская сторона не будет выполнять эти соглашения.

По торгово-кредитному соглашению от 19 августа 1939 г. Германия должна была предоставить СССР кредит в размере 200 млн марок сроком на 7 лет для закупки немецких товаров в течение двух лет. Но поскольку импорт Германии из СССР составил 536 млн марок, а ее экспорт в СССР – всего 318,7 млн марок, то в действительности товарный кредит на эту же сумму фактически получила Германия. Если еще учесть и недостроенный крейсер «Лютцов», и различное некомплектное оборудование, то можно утверждать, что германские поставки покрыли Советские только на 57–67%. Особенно большую роль в экономике Германии сыграли Советские поставки в период ее интенсивной подготовки к войне с СССР, причем они шли туда с исключительной точностью и пунктуальностью. Так, последние эшелоны с нефтью, зерном и другими грузами проследовали на запад всего за несколько часов до нападения Германии на СССР.

К осени 1940 г. Германия оккупировала почти всю Западную Европу, кроме Англии, которая продолжала героически сопротивляться. Тогда Германия решила начать войну против СССР, чтобы потом сломить сопротивление и Англии. В то время как германские лидеры уверяли Советских руководителей, что они твердо придерживаются пакта о ненападении, Германия тайно разрабатывала план войны (план «Барбаросса»), начало которой было намечено на июнь 1941 г. Советские лидеры продолжали твердо верить германским заявлениям о ненападении и считали, что Советскому Союзу надолго гарантировано неучастие в войне, хотя война уже стояла на пороге страны.

Каково же было состояние Советской экономики накануне войны? Доля СССР в мировом промышленном производстве в конце 1930 – начале 1940 гг. составляла 10%. СССР занимал первое место в мире по добыче марганцевой руды, производству синтетического каучука, первое место в Европе и

второе место в мире по добыче нефти, по валовой продукции машиностроения и тракторостроения. Одно из первых мест в мире и в Европе занимал Советский Союз по выработке алюминия, электроэнергии, выплавке чугуна и стали, добыче угля и производству цемента.

В результате ускоренной индустриализации в стране было создано мощное угольно-металлургическое производство на Урале и в Кузбассе, начал осваиваться новый нефтедобывающий район между Волгой и Уралом («Второе Баку»), были проложены новые железнодорожные магистрали. Появились совершенно новые для страны отрасли – автомобильная, авиационная, подшипниковая и многие другие, без которых было бы трудно оснащать Красную армию военной техникой. Создавались мощные мобилизационные запасы и государственные ресурсы. В 1940 г. была организована государственная система «Трудовые резервы» по профессиональной подготовке молодежи, куда входили школы фабрично-заводского обучения, ремесленные и железнодорожные училища. Эта система была рассчитана на обучение до 1 млн молодых рабочих в год.

Однако общие показатели еще не дают полного представления о состоянии экономики накануне войны. Даже по официальным данным, начиная с 1937 г. и до первой половины 1940 г. черная металлургия систематически не выполняла план. За этот период снизилось производство в автомобильной, электротехнической промышленности, сократилось производство тракторов, дорожной техники и другой продукции.

Причинами этого были не только заведомо невыполнимые задания на третью пятилетку, но и продолжающиеся репрессии среди директоров промышленных предприятий, инженерно-технических работников. Атмосфера неуверенности и подозрительности приводила к тому, что руководители предприятий опасались внедрять в производство новые технические и технологические разработки, результаты которых проявлялись не сразу, дабы не быть обвиненными во вредительстве. На предприятиях процветала штурмовщина, когда план месяца выполнялся в последние 10–12 дней, поскольку в первые две декады месяца не хватало сырья и полуфабрикатов для нормальной работы. И виновными тут были не столько конкретные люди, сколько сама командная система.

Начавшаяся война в Европе заставляла Советское руководство уделять больше внимания проблемам вооруженных сил. В 1940 г. ассигнования на военные нужды составили 32,6% расходной части государственного бюджета. С 1 сентября 1939 г. по 22 июня 1941 г. численность Красной армии увеличилась более чем в 2,8 раза и достигла 5374 тыс. чел. Перед самой войной завершился переход к единой, кадровой системе комплектования войск, и это был большой шаг вперед, поскольку после Гражданской войны в стране существовали еще и территориальные воинские формирования, в которых рядовые военнослужащие получали подготовку во время краткосрочных сборов.

Большие проблемы имелись в техническом оснащении армии. До середины 1930-х гг. на вооружении было много дореволюционного оружия (винтовок, гаубиц), а также оружия иностранного производства (тяжелых пулеметов «Максим» и «Кольт», танков фирмы «Рено» и пр.). Начавшееся в годы первых пятилеток переоснащение армии шло очень медленно. Советская промышленность запаздывала с введением в серийное производство новых видов самолетов, танков, артиллерии.

Тем не менее техническая оснащенность Красной армии постепенно повышалась. За три с половиной предвоенных года в СССР было выпущено ок. 23 тыс. боевых самолетов, в том числе 9690 бомбардировщиков и почти 13 тыс. истребителей. 2739 боевых машин были новой конструкции. К середине 1941 г. у западных границ было сосредоточено больше половины всей Советской авиации, причем здесь размещались наиболее боеспособные соединения и части. Авиационные силы Советского Союза превосходили силы противника более чем в два раза.

Еще заметнее была разница в танковых силах. К июню 1941 г. в Красной армии насчитывалось св. 22 тыс. танков, из которых почти 2 тыс. – танки новых образцов Т34 и КВ, причем основная часть их была сосредоточена в западных военных округах. Германия же для нападения на СССР смогла выставить 3582 танка и штурмовых орудия. У Советских танков были более мощные пушки, они могли развивать более высокую скорость. Значительные преимущества имела и Советская артиллерия. Германские войска имели заметное преимущество лишь в автоматическом оружии и оснащении автомашинами.

К середине 1941 г. в западных военных округах находилось более половины всех сил и средств Красной Армии. При надлежащей организации и подготовке они могли бы отразить вражеское наступление, но этого не произошло. И дело здесь не столько во внезапном нападении, на что обычно ссылаются, тем более что о внезапности нападения можно говорить лишь условно.

Огромный ущерб боевой готовности Красной армии нанесли репрессии среди офицеров среднего и высшего командного состава. Всего за 1,5 года (с мая 1937 по сентябрь 1938 г.) было репрессировано и по большей части физически уничтожено св. 40 тыс. командиров Красной Армии. До июня 1941 г. эта цифра как минимум удвоилась. Расстрелы командиров продолжались даже в октябре 1941 г., когда бои шли на ближних подступах к Москве.

Руководство армии состояло либо из военачальников, чьи представления о ведении боевых действий застыли на уровне Первой мировой и Гражданской войн, либо из малоопытных командиров, выдвинутых на освободившиеся должности в ходе бесконечных «чисток». В руководстве вооруженных сил почти не осталось людей, которые могли бы настаивать

на применении передовых военных идей, на техническом перевооружении Красной Армии.

Результатом этого стали серьезные ошибки в разработке Советской военной доктрины, в оценке характера начального этапа войны. Советские военные руководители были уверены, что главный удар в будущей войне Германия нанесет по Украине и далее по Кавказу. Политическое руководство страны упорно не реагировало на многочисленные источники информации об агрессивных планах Германии в отношении СССР и даже не приняло во внимание предупреждения наших разведчиков о точной дате нападения Германии. Боясь нарушить пакт о ненападении, Советское руководство не дало команды в нужный момент привести войска в состояние боевой готовности. Последствия этого оказались трагическими для Красной Армии и для всей страны.

Советские войска были застигнуты врасплох. 22 июня 1941 г. в первые часы и дни противник нанес мощные удары по западным военным соединениям, уничтожив огромное количество живой силы и техники. До декабря 1941 г. СССР потерял убитыми, без вести пропавшими и пленными 7 млн чел., ок. 22 тыс. танков, до 25 тыс. самолетов. По плану «Барбаросса» Германия предполагала стремительно захватить важные центры страны и до наступления зимы выйти на линию Архангельск – Волга – Астрахань. Но потерпев первое поражение под Москвой, немецкая армия была вынуждена перейти к обороне на всем Восточном фронте. В числе наиболее значительных сражений Великой Отечественной войны следует назвать битву под Москвой (1941-1942 гг.), Сталинградскую битву (1942-1943 гг.), Курскую битву (1943 г.), которые во многом определили ход войны и окончательную победу над Германией.

4.2. Советская экономика в годы войны

Великая победа Советского Союза над фашистской Германией оказалась возможной благодаря тому, что СССР превзошел ее не только в военном, но в экономическом и морально-психологическом противостоянии. Германия, оккупировав к 1941 г. большую часть европейских стран, поставила их экономический потенциал под свой контроль. Ее совокупная промышленная мощь в 1,5 раза превышала Советскую.

Если учесть, что к концу 1941 г. Германия заняла территорию, на которой до войны проживало ок. 40% населения Советского Союза, находилось 47% посевных площадей, производилось более 30% всей промышленной продукции, св. 40% электроэнергии, добывалось 63% угля, выплавлялось 68% чугуна и 58% стали, производилось 84% сахара, то станет ясно, что к этому времени Германия стала превосходить СССР по общему объему промышленного производства в 3-4 раза.

Первые полгода войны были самыми трудными для Советской экономики. Промышленное производство сократилось более чем в два раза, прокат черных металлов – в 3 раза, цветных металлов – в 430 раз, производство шарикоподшипников – в 21 раз и т.д. Резко сократилось производство самолетов, танков, боеприпасов, поскольку в это время основные мощности перебрасывались на восток страны.

В это тяжелое время достаточно оперативно и энергично проявила себя сверхцентрализованная директивная система управления. Под чрезвычайно жестким руководством Государственного комитета обороны (ГКО), созданного 30 июня 1941 г., была проведена эвакуация заводов, фабрик и осуществлен перевод гражданского сектора экономики на военные рельсы. Из прифронтовой зоны было вывезено в Поволжье, на Урал, в Сибирь, Среднюю Азию, Казахстан 2593 предприятия, которые сначала размещались под открытым небом, в школах, театрах и других непригодных помещениях. Но далеко не все удалось вывезти, многие заводы и фабрики, склады с продовольствием, скот, транспортные средства попали в руки врага.

Предприятия, вывезенные на восток, сравнительно быстро начали выпускать продукцию для фронта. В условиях суровой зимы 1941–1942 гг. выросли новые заводы, многие из которых уже через четыре-шесть месяцев работали на полную мощность, а к середине 1942 г. удалось полностью запустить эвакуированное оборудование и обеспечить рост производства в отраслях тяжелой промышленности. К 1945 г. уже около половины металла выпускалось на уральских заводах, тогда как в 1940 г. – всего 20%.

В целом, несмотря на большое неравенство экономического потенциала СССР и Германии к началу войны, Советская экономика в этот период оказалась более эффективной. За все военные годы в СССР было выпущено почти вдвое больше военной техники и вооружений. Каждая тонна металла, цемента, угля, каждый киловатт электроэнергии, каждая единица оборудования использовались у нас лучше, чем в германской экономике. В расчете на тысячу тонн выплавленной стали Советская промышленность выпускала в пять раз больше танков и оружия, чем немецкая промышленность.

Безусловно, основная заслуга в этом принадлежит рабочим, крестьянам, всем гражданам страны, которые проявляли повсюду трудовой героизм. С первых же дней войны резко сократились людские ресурсы. Осенью 1942 г. они приблизились к критической черте. К этому времени была оккупирована территория, на которой до войны проживало почти 80 млн чел., или 42% всего населения страны, и только примерно 17 млн чел. смогли эвакуироваться или уйти в армию. Значительная часть мужского населения ушла на фронт.

На их место добровольно встали женщины, подростки, пожилые люди, которым пришлось работать в тяжелых условиях кочегарами, кузнецами, в

угольных шахтах, в металлургическом производстве и т.д. Удельный вес женщин среди работающих в промышленности вырос с 38% в 1940 г. до 53% в 1942 г., а молодежи в возрасте до 18 лет – с 6 до 15%. Рабочий день фактически продолжался 10–14 час., люди работали чаще всего без выходных. Все отпуска на время войны были отменены.

С февраля 1942 г. стала проводиться плановая мобилизация на промышленные предприятия и стройки среди трудоспособного городского населения, включая 14-летних подростков, которых наскоро обучали какой-либо профессии и ставили к станкам наравне со взрослыми. Позже эта система распространилась и на сельское население.

Наряду с людскими потерями во время боевых действий (убитыми, ранеными, попавшими в плен) в годы войны продолжала действовать чудовищная система ГУЛАГа, где пребывало огромное количество людей, объявленных «врагами народа». Общее количество заключенных к началу войны достигло 2,3 млн чел. За 1941–1944 гг. в ГУЛАГ прибыло 2,55 млн чел., а убыло 3,4 млн чел., в том числе в армию – 900 тыс. (в первые два года войны). Труд заключенных применялся в промышленности, строительстве, в шахтах, рудниках, на лесозаготовках. За 1941–1944 гг. в системе НКВД было добыто 315 т. золота, 6,5 тыс. т. никеля, 8,9 млн т. угля и т.д. Немалое количество ученых, инженеров, конструкторов трудилось в «шарашках», обеспечивая высокое качество и надежность Советской боевой техники. Такие выдающиеся конструкторы, как А. Туполев, С. Королев и др., прошли через эти организации.

Поскольку основные материальные ресурсы шли на военные нужды, экономическое положение Советских людей было очень тяжелым. Карточная система снабжения, введенная в самом начале войны, обеспечивала городское население продуктами питания лишь в минимальной степени. Существовало несколько категорий при распределении продуктов. Наиболее высокие нормы были установлены для рабочих, занятых в добывающей и химической промышленности, металлургии, на военных заводах. Они снабжались по первой категории: от 800 г до 1–1,2 кг хлеба в день. В других отраслях производства рабочие были отнесены ко второй категории и получали по 500 г хлеба. Служащие получали по 400–450 г, иждивенцы и дети до 12 лет – по 300–400 г. По обычной норме в месяц выдавали на одного чел. 1,8 кг мяса или рыбы, 400 г жиров, 1,3 кг крупы или макарон, 400 г сахара или кондитерских изделий. Существовали также повышенные и сверхповышенные нормы.

Но карточное распределение постоянно давало сбои, люди стояли в больших очередях, чтобы отоварить карточки, и зачастую ничего на них не могли получить. На рынках же цены были очень высокими, и большинство населения не могло покупать там продукты. Практически вся заработная плата городских жителей уходила на покупку продовольствия. Нередко

горожанам приходилось отправляться в деревню, чтобы обменять там одежду, обувь и другие вещи на продукты.

Предприятиям и учреждениям выделялись колхозные земли, чтобы выращивать на них овощи и картофель для организации дополнительного питания своих сотрудников. Рабочие и служащие могли получить участки под огороды, и урожай с этих огородов становился основным источником питания для сотен тыс. семей в годы войны. Что же касается одежды, обуви, тканей, то эти товары в магазинах купить было просто невозможно. Как правило, на предприятиях и в учреждениях выдавали ордера на покупку этих вещей, что бывало крайне редко.

Значительно осложнилась жилищная проблема, особенно там, куда была направлена основная масса эвакуированных людей – в Средней Азии, Казахстане, на Урале, в Сибири. Люди ютились в невероятно тесных помещениях, зачастую не приспособленных для проживания. Было сложно купить дрова или уголь для отопления жилья.

Невероятные трудности испытывало в военные годы сельское хозяйство. Для нужд армии были мобилизованы трактора, автомашины, лошади. Деревня осталась практически без тягловой силы. Почти все трудоспособное мужское население было на фронте, в госпиталях, в плену. В деревнях оставались дети, старики, женщины, инвалиды. Но стране нужно было продовольствие, поэтому крестьяне работали на пределе своих возможностей. Пахали на коровах, а порой и сами люди впрягались в плуг, большинство работ выполнялось вручную.

Почти весь урожай колхозы и совхозы должны были сдавать государству в счет обязательных поставок. Их уровень нередко определялся не на основе реальных данных об урожае, а примерно на 20–25% выше этих данных. За невыполнение планов руководителям хозяйств грозило строгое наказание, вплоть до тюремного, как за саботаж. После выполнения плана поставок государству в хозяйствах часто не оставалось зерна для посевов. За годы войны катастрофически упала производительность сельского хозяйства. Сбор зерновых в 1942 и 1943 гг. составил всего 30 млн т., по сравнению с 95,5 млн т. в 1940 г. поголовье крупного рогатого скота сократилось вдвое, свиней – в 3,6 раза.

Поскольку на сельское население не выдавались карточки, деревенские жители выживали только за счет приусадебных участков. Выращенные на них продукты использовались для собственного потребления, а также для продажи на рынках или обмена у городских жителей на потребительские товары.

Однако, несмотря на огромные жертвы и лишения, Советский народ выступил против захватчиков сплоченно и монолитно, проявляя беспрецедентное мужество и героизм на фронтах, в тылу, за линией фронта. Во всех областях, оккупированных врагом, создавались партизанские отряды,

проводившие диверсионную и подпольную работу, не давая поставить на службу фашистам экономический потенциал, оказавшийся в их руках.

В тылу многие тысячи Советских людей разных национальностей постоянно откликались на призывы о помощи воинам. По всей стране проходили сборы пожертвований в пользу фонда обороны Родины и фонда Красной армии. Люди добровольно сдавали вещи, семейные ценности, облигации государственных займов, теплую одежду, отчисляли в эти фонды часть своей заработной платы. По стране собирались средства на строительство танковых колонн и самолетов. За счет населения были построены и переданы в армию более 2,5 тыс. боевых самолетов, несколько тыс. танков, артиллерийских орудий, более 20 подводных лодок и военных катеров и многое другое.

Население страны проявляло постоянную заботу о здоровье бойцов Красной армии. Повсеместно люди дежурили в госпиталях, на железнодорожных вокзалах, в речных портах, куда поступали раненые. Школьники организовывали выступления в госпиталях с концертами. Более 5,5 млн чел. регулярно сдавали свою кровь, необходимую для лечения раненых.

Все это подтверждало тесное единство фронта и тыла, которое опиралось на глубокое чувство патриотизма и государственного самосохранения, осознанное народами страны в годы смертельной опасности, нависшей над Отчиной. Огромную роль в укреплении народного патриотизма сыграли деятели отечественной культуры: ученые, журналисты, писатели, поэты, художники, композиторы, актеры, кинематографисты. Свое место в борьбе против захватчиков заняла Русская православная церковь и другие религиозные конфессии.

Безусловно, одной из причин монолитности СССР в грозные военные годы была его тоталитарная сущность, ежедневное жесткое государственное и партийное регулирование жизни отдельных людей и целых народов, террор против реальных и мнимых противников режима. Так, в самом начале войны усилилась репрессивная политика государства по отношению к отдельным национальностям, и были предприняты зловещие акции по наказанию целых народов. Еще в августе 1941 г. была ликвидирована автономная республика немцев Поволжья, предки которых поселились там еще при Екатерине II, св. 1 млн немцев были обвинены в сотрудничестве с Германией и выселены в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию.

В 1943–1944 гг. под тем же предлогом жертвами репрессий стали еще более 1 млн чел.: 37,4 тыс. балкарцев, 68,3 тыс. карачаевцев, 93,2 тыс. калмыков, 183 тыс. крымских татар, 496,5 тыс. чеченцев и ингушей, а также тысячи греков, болгар, армян, крымских немцев, турок, курдов, хемшинов и людей других национальностей. Депортированных отправляли под конвоем в товарных вагонах в Сибирь, на Дальний Восток, в Среднюю Азию, где многие из них погибли от голода, холода, болезней.

Говоря о факторах, сыгравших заметную роль в победе, нельзя обойти молчанием и внешний фактор. Сразу же после начала войны правительства Великобритании и США выступили с поддержкой Советского Союза в его борьбе с фашизмом. 12 июля 1941 г. в Москве было подписано Советско-английское соглашение о совместных действиях против Германии и ее союзников, что послужило началом формирования антигитлеровской коалиции. В августе 1941 г. было заключено военно-экономическое соглашение с США, а в октябре 1941 г. – тройственное соглашение о снабжении Советской Армии оружием, военной техникой и стратегическими материалами. Это соглашение немедленно вступило в силу, и уже в битве под Москвой участвовали в боях танки, самолеты, прибывшие из-за океана.

С октября 1941 до середины 1942 г. в Советский Союз было отправлено из Англии 16 конвоев военных кораблей через Северное море в Мурманск. Они везли самолеты, танки, автомашины, бензин и пр. К сожалению, из-за огромных потерь конвои пришлось отменить, и основные грузы стали поступать через Дальний Восток.

Усилению военной мощи Советского Союза способствовали поставки из США, осуществленные в соответствии с законом о ленд-лизе (официально он назывался «Акт содействия обороне США»), по которому происходила передача займы или в аренду вооружения, боеприпасов, продовольствия и др. Помощь по ленд-лизу составила заметную часть Советского военного потенциала: самолетов – ок. 10%, танков и самоходно-артиллерийских установок – 12%, орудий – ок. 2%. Особенно значительным было количество полученных автомобилей («джипов», «студебеккеров») – 401,4 тыс. единиц, что в пять с лишним раз больше, чем было изготовлено в СССР. В Советский Союз поступило почти 2,6 млн т нефтепродуктов, 422 тыс. полевых телефонов, св. 15 млн пар обуви (в основном солдатских сапог), почти 70 млн кв. м шерстяных тканей, 4,3 млн т продовольствия. Общая стоимость поставок по ленд-лизу составила с учетом транспортных поставок и услуг ок. 11 млрд долл.

Всего за время войны СССР получил от союзников 18,7 тыс. самолетов (в том числе от США – 7908), 10,8 тыс. танков, 9,6 тыс. артиллерийских орудий, 44,6 тыс. металлорежущих станков, 517,5 тыс. т цветных металлов, 1860 паровозов, 11,3 тыс. железнодорожных платформ, большое количество консервов, медикаментов, одежды и т.д.

Весьма сложным во взаимоотношениях «Большой тройки» (СССР, США и Англии) был вопрос об открытии второго фронта в Западной Европе против Германии, который смог бы отвлечь значительные немецкие силы с восточного фронта и приблизить окончание войны. Первоначально союзники обещали это сделать в 1942 г., но реально открытие второго фронта произошло лишь в июне 1944 г., когда стало ясно, что СССР может самостоятельно завершить разгром Германии.

На конференциях «Большой тройки» в Ялте (февраль 1945 г.) и Потсдаме (июль – август 1945 г.) были приняты важные решения о послевоенном устройстве мира. Были определены новые западные и восточные границы Польши, принято решение о передаче Советскому Союзу Восточной Пруссии с ее центром Кенигсбергом. Были также одобрены принципы полной демилитаризации Германии и раздел ее (и Берлина) на временные оккупационные зоны. Западные союзники признали фактическое включение стран Центральной и Восточной Европы (кроме Австрии), освобожденных Красной Армией, в сферу интересов СССР. После капитуляции Японии 2 сентября 1945 г. Советский Союз вернул себе Южный Сахалин и Курильские острова, утраченные Россией в 1905 г.

Победа СССР во Второй мировой войне неоспорима. Именно Восточный фронт был решающим во всей войне: здесь Вермахт потерял более 73% личного состава, до 75% танков и артиллерийских орудий, более 75% авиации. Однако цена, которую заплатили народы СССР в этой жестокой схватке с фашистскими агрессорами, была чрезмерно велика.

На фронтах, в плену, на оккупированных землях погибли почти 27 млн людей, из них ок. 11,3 млн чел. – на поле боя; ок. 18,4 млн воинов были ранены или заболели при исполнении служебных обязанностей, стали инвалидами. Ок. 6 млн советских солдат и офицеров оказались в плену, из них св. 4 млн погибли.

У большинства людей, находившихся в тылу, за годы войны также было подорвано здоровье из-за тяжелых физических и моральных перегрузок, недоедания, низкого качества медицинского обслуживания, плохих жилищных условий и т.д.

Все это явилось следствием не только целенаправленной политики фашистов на уничтожение Советского государства и народа, но и пренебрежением Советских политических и военных деятелей к жизни людей. В истории Великой Отечественной войны было много примеров, когда солдат посылали в наступления, которые были совершенно неподготовленными, что приводило к огромным неоправданным потерям. Уместно также вспомнить положение, в котором оказался Ленинград. Оборона этого города была крайне непродуманной, в результате чего во время блокады погибли миллионы людей.

С каждым годом все меньше остается среди нас здравствующих фронтовиков и работников тыла – тех, кто вынес на себе все тяготы военного времени и кто заслуживает благодарности последующих поколений.

4.3. Послевоенное развитие народного хозяйства

Прямой ущерб, нанесенный войной экономике СССР, составил почти треть всего национального богатства страны. Были разрушены полностью или частично 1710 городов и городских поселков (60% их общего числа), св. 70 тыс. сел и деревень, ок. 32 тыс. промышленных предприятий, 65 тыс. км железных дорог, 25 млн чел. лишились крова. Было разорено 100 тыс. колхозов и совхозов, зарезано или угнано в Германию 7 млн лошадей, 17 млн голов крупного рогатого скота, 20 млн свиней, 27 млн голов овец и коз.

С 1943 г. по мере изгнания оккупантов в СССР началось восстановление экономики, разрушенной войной. Помимо этих работ, предстояло провести конверсию промышленности, поскольку к 1945 г. более половины объема промышленного производства приходилось на военную продукцию. Но конверсия носила частичный характер, так как одновременно с сокращением удельного веса выпускаемой боевой техники, боеприпасов и пр. происходила модернизация военно-промышленного комплекса, разработка новых видов вооружения. В сентябре 1949 г. в печати появилось сообщение о том, что в СССР успешно прошло испытание первой атомной бомбы, а в августе 1953 г. – водородной.

В эти же годы проходила массовая демобилизация. Личный состав вооруженных сил сократился с 11,4 млн чел. в мае 1945 г. до 2,9 млн чел. в 1948 г. Правда, вскоре численность армии снова выросла: в начале 1950-х гг. она достигла почти 6 млн чел. В 1952 г. прямые военные расходы составляли 25% государственного бюджета, то есть всего в 2 раза меньше, чем в военном 1944 г.

Как и в годы первых пятилеток, основное внимание уделялось развитию тяжелого машиностроения, металлургии, топливно-энергетического комплекса. В целом за годы четвертой пятилетки (1946–1950 гг.) было восстановлено и построено заново более 6 тыс. крупных промышленных предприятий. Легкая и пищевая промышленность финансировались, как и прежде, по остаточному принципу, и их продукция не удовлетворяла даже минимальные потребности населения. К концу четвертой пятилетки производство потребительских товаров так и не достигло довоенного уровня.

Послевоенный экономический рост в СССР имел несколько источников. Прежде всего, директивная экономика все еще сохраняла тот мобилизационный характер, который был присущ ей в годы первых пятилеток и в годы войны. Миллионы людей организованно направлялись на восстановление Днепрогэса, металлургических заводов Криворожья, шахт Донбасса, а также на строительство новых заводов, гидроэлектростанций и т.д.

Советский Союз получил с Германии репарации на сумму 4,3 млрд долл. В счет репараций из Германии и других побежденных стран в Советский Союз вывозилось промышленное оборудование, включая даже целые заводские комплексы. Однако толком распорядиться этим богатством

Советская экономика так и не смогла из-за общей бесхозяйственности, а ценное оборудование, станки и пр. постепенно превращались в металлолом.

В СССР трудились 1,5 млн немецких и 0,5 млн японских военнопленных. Кроме того, в системе ГУЛАГа в этот период содержались примерно 8–9 млн заключенных, чей труд практически не оплачивался.

К числу источников экономического роста можно отнести продолжавшуюся политику перераспределения средств из социальной сферы в пользу тяжелой промышленности. Ежегодно население страны должно было подписываться на государственные займы в среднем на 1–1,5 месячную заработную плату. Всего за 1946–1956 гг. было размещено 11 займов.

По-прежнему основное бремя по формированию средств для тяжелой промышленности несло сельское хозяйство, которое вышло из войны крайне ослабленным. В 1945 г. производство сельскохозяйственной продукции сократилось по сравнению с 1940 г. почти на 50%. Жестокая засуха 1946 г. в очередной раз значительно подорвала экономические силы колхозов и совхозов. Она охватила основные сельскохозяйственные районы страны: Молдавию, Нижнее Поволжье, Центрально-Черноземные области, Крым. Особенно тяжелая ситуация сложилась на Украине, где, как и в 1933 г., государство принудительно изымало у крестьян продовольственные запасы.

Как и в предвоенные годы, продолжался неэквивалентный товарообмен между городом и деревней при помощи ценовой политики. Государственные закупочные цены на основные виды продукции менялись очень медленно и не отражали изменения производственных затрат. Так, закупочные цены на молоко возмещали лишь пятую часть затрат на его производство, на зерно – десятую часть, на мясо – двадцатую. Все убытки покрывались дотациями или за счет государственных кредитов, которые, как правило, не возвращались, а списывались.

Крестьяне, не получая почти ничего на трудодни, жили за счет личного подсобного хозяйства. На приусадебных участках, занимавших всего несколько процентов посевных площадей страны, выращивались овощи, картофель, содержался домашний скот, птица. Но начиная с 1946 г., государство стало урезать приусадебные участки и облагать хозяйства большими денежными налогами. Кроме того, каждый крестьянский двор должен был сдавать и натуральный налог мясом, молоком, яйцами, шерстью и другой продукцией. Порой надо было сдавать те продукты, которые в данном хозяйстве вообще не производились, поэтому крестьяне вынуждены были приобретать эту продукцию по рыночным ценам и сдавать государству бесплатно.

Подобная практика по отношению к сельским жителям продолжала ужесточаться. В 1948 г. было настоятельно «рекомендовано» колхозникам «продать» государству имеющийся мелкий домашний скот, хотя колхозный устав позволял его держать. В ответ на эту «рекомендацию» крестьяне

начали тайно резать скот, в результате чего за полгода было забито более 2 млн свиней, коз, овец и пр.

Колхозникам становилось все труднее продавать продукцию на рынке, поскольку резко повысились сборы и налоги с дохода от продаж. Помимо этого, на рынке можно было продавать продукцию только при наличии специальной справки о том, что соответствующее хозяйство выполнило свои обязательства перед государством. Если же документа не было, продукция конфисковывалась, а сами крестьяне подвергались штрафам, им грозило даже тюремное наказание как спекулянтам. В 1947 г. была подтверждена обязательная выработка минимума трудодней для колхозников. В случае его невыполнения по отношению к ним могло быть применено уголовное наказание. Как и в годы первых пятилеток, послевоенная деревня выживала на грани голодной смерти.

Руководство страны старалось не замечать глубокого кризиса в аграрном секторе экономики, и даже осторожные рекомендации по смягчению командного давления на деревню неизменно отвергались. Известно, что член Политбюро А.А. Андреев, отвечавший в ЦК за сельское хозяйство, выступал за широкое распространение небольших звеньев в качестве основной трудовой единицы вместо крупных бригад. В этом его поддерживал Председатель Госплана Н.А. Вознесенский. Предполагалось, что звенья перейдут на самоокупаемость, получив право самостоятельно реализовывать свою продукцию, и это в какой-то мере возвращало бы деревню к временам нэпа. Но инициатива А.А. Андреева была осуждена и признана неправильной, так как мелкие звенья якобы препятствовали широкой механизации сельского хозяйства.

Вновь усилился контроль над хозяйствами со стороны МТС и их политотделов. МТС опять получили право распределять плановые задания между колхозами. Вышестоящие организации через систему МТС диктовали хозяйствам сроки посева, уборки и других агротехнических работ. А председатели колхозов, которые нарушали эти сроки, исходя, например, из погодных условий, могли получить строгое наказание. МТС также производили обязательные заготовки сельскохозяйственной продукции, взымали с колхозов натуральную плату за выполнение механизированных работ и т.д. Более того, в начале 1950-х гг. было проведено укрупнение колхозов под тем же предлогом усиления процесса механизации сельскохозяйственного производства. В действительности укрупнение колхозов упрощало государственный контроль за хозяйствами через МТС. Количество колхозов в стране сократилось с 237 тыс. в 1950 г. до 93 тыс. в 1953 г.

Несмотря на эти мероприятия, сельское хозяйство развивалось очень медленно. Даже в относительно благоприятном 1952 г. валовой сбор зерна не достиг уровня 1940 г., а урожайность в 1949–1953 гг. составила всего 7,7 ц/га (в 1913 г. – 8,2 ц/га). В 1953 г. поголовье крупного рогатого скота было меньше, чем в 1916 г., а население за эти годы выросло на 30–40 млн чел.,

то есть продовольственная проблема оставалась очень острой. Население крупных городов снабжалось с перебоями.

В 1952 г. И.В. Сталин опубликовал работу «Экономические проблемы социализма в СССР», в которой продолжал настаивать на преимущественном развитии тяжелой промышленности и ускорении процесса преобразования колхозно-кооперативной собственности в общенародную (государственную). Особенно подчеркивалось, что колхозы, номинально еще остававшиеся собственниками произведенной продукции, являются временной, переходной структурой.

В целях повышения эффективности сельского хозяйства в 1948 г. был принят грандиозный «Сталинский план преобразования природы», в соответствии с которым предусматривалось создание в южных и юго-восточных районах европейской части СССР полезащитных лесных полос для задержания влаги на полях и уменьшения пагубного воздействия суховея на сельскохозяйственные угодья. По этому плану предусматривалось также строительство оросительной системы в Средней Азии – Большого Каракумского канала, по которому вода из Амударьи должна была поступать на орошение полей в Туркмении.

В соответствии с этим планом началось также сооружение «Великих строек коммунизма»: строительство огромных ГЭС на Волге, Днепре и других реках (Горьковской, Каховской, Куйбышевской, Саратовской, Сталинградской). Все эти станции были введены в действие в 1950–1960 гг. В 1952 г. был построен Волго-Донской канал, соединивший в единую систему 5 морей: Белое, Балтийское, Каспийское, Азовское и Черное.

До конца 1947 г. в СССР сохранялась карточная система на продукты питания и промышленные товары для населения. Ее отмена планировалась на конец 1946 г., но из-за засухи и неурожая этого не произошло. Отмену удалось провести только в конце 1947 г. Кстати, Советский Союз был одной из первых европейских стран, отменивших карточное распределение.

Но прежде чем отменить карточки, правительство установило единые цены на продукты питания взамен существовавших ранее карточных (пайковых) и коммерческих цен. Вследствие этого стоимость основных продовольственных продуктов для городского населения выросла. Так, цена 1 кг черного хлеба по карточкам была 1 руб., а стала 3 руб. 40 коп., цена 1 кг мяса выросла с 14 до 30 руб., сахара – с 5,5 до 15 руб., сливочного масла – с 28 до 66 руб., молока – с 2,5 до 8 руб. При этом минимальная заработная плата составляла 300 руб., средняя заработная плата в 1946 г. равнялась 475 руб., в 1947 г. – 550 руб. в мес. Правда, для низкой среднеоплачиваемых категорий рабочих и служащих одновременно с едиными ценами устанавливались «хлебные надбавки» в среднем ок. 110 руб. в мес., но эти надбавки не решали общую проблему доходов.

В это же время была проведена и денежная реформа. Ее необходимость определялась полной разбалансированностью денежной системы в годы

войны, поскольку резкий рост военных расходов требовал постоянного выпуска в обращение огромного количества денег, не обеспеченных потребительскими товарами (известно, что в годы войны денежная масса увеличилась в четыре раза, по сравнению с 1940 г.). Вследствие значительного сокращения розничного товарооборота на руках у населения оказалось денег больше, чем требовалось для нормального функционирования народного хозяйства, а потому покупательная способность денег упала. Кроме того, в стране было много фальшивых денег, выпущенных фашистами во время войны.

В декабре 1947 г. было издано постановление правительства «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары». Старые деньги в течение недели обменивались на новые из расчета 10:1. Для тех, кто держал деньги на счетах в сберегательных кассах, обмен был более льготным. Так, вклады до 3 тыс. руб. оставались без изменения и не подлежали переоценке. Вклады на сумму от 3 до 10 тыс. руб. обменивались из расчета 3:2, а вклады сверх 10 тыс. руб. – 2:1.

Одновременно проводилось объединение всех ранее выпущенных государственных займов в единый новый двухпроцентный заем, а старые облигации обменивались на новые в соотношении 3:1, облигации свободно реализуемого займа 1930 г. – в соотношении 5:1. С помощью таких методов произошло изъятие лишней денежной массы, а сама реформа приобрела в основном конфискационный характер. В ходе реформы пострадали главным образом сельские жители, которые, как правило, хранили свои накопления дома, да спекулянты, нажившиеся во время войны и не успевшие реализовать большие наличные суммы денег. С 1 января 1950 г. правительство признало необходимым повысить официальный курс рубля по отношению к иностранным валютам и определило его в соответствии с золотым содержанием рубля (0,222168 г чистого золота), хотя в те годы этот факт не имел никакого экономического значения, так как установленный официальный курс рубля ни в каких расчетах не использовался.

Если же оглянуться назад, то все годы первых пятилеток, военные и послевоенные годы были для страны временем экстремального, чрезвычайного развития. В этот период насущные потребности населения откладывались на потом. Почти 25 лет экономика работала с величайшим напряжением на пределе своих возможностей. Все достигнутые успехи были оплачены сверхчеловеческой ценой.

По данным официальной статистики, средняя номинальная заработная плата рабочих выросла за 1928–1954 гг. более чем в 11 раз. Согласно другим источникам, в этот же период стоимость жизни в Советском Союзе увеличилась в 9–10 раз, поскольку розничные цены поднимались постоянно. Но если общий индекс розничных цен в государственной и кооперативной торговле в 1928 г. взять за 1, то в 1932 г. он составил 2,6, в 1940 г. – 6,4, в 1947 г. – 20,1, в 1950 г. – 11,9. Реальная заработная плата за этот период,

исключая налоги и подписку на заем, но включая прибавку к заработной плате в виде бесплатного медицинского обслуживания, образования и иных социальных услуг, изменилась следующим образом: если принять уровень заработной платы 1928 г. за 1, то в 1937 г. она равнялась 0,86, в 1940 г. – 0,78, в 1944 г. – 0,64, в 1948 г. – 0,59, в 1952 г. – 0,94, в 1954 г. – 1,19.

Между тем, в памяти людей укоренилось мнение о том, что при И.В. Сталине ежегодно снижали цены, а после него – цены только росли. Но секрет понижения цен следует искать в том огромном их скачке, который произошел после начала коллективизации. Так, розничные цены на печеный ржаной хлеб выросли за 1928–1952 гг. почти в 19 раз, на говядину – в 17, на свинину – в 20,5, на сахар – в 15, на подсолнечное масло – в 34, на яйца – в 19,3, на картофель – в 11 раз. Поэтому ежегодное снижение цен (на несколько процентов) на основные продовольственные товары (да еще с большим пропагандистским эффектом) осуществить было несложно.

К тому же данное снижение цен происходило за счет фактического ограбления колхозников, поскольку, как указывалось выше, темпы роста закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию были гораздо ниже, чем рост розничных цен. И наконец, большинство сельского населения почти не ощущало этого понижения цен, так как государственное снабжение в сельской местности было очень плохим, в магазины годами не завозили основные продукты питания.

По-прежнему чрезвычайно остро стоял жилищный вопрос. Многие рабочие с семьями в городах жили в общежитиях, в коммунальных квартирах, бараках и подвалах. В эти годы строительство жилья велось в очень ограниченных размерах. Зато огромные средства вкладывались в строительство помпезных высотных дворцов в Москве, призванных символизировать сталинскую эпоху. Основные же ассигнования из государственного бюджета расходовались на военно-промышленный комплекс, тяжелую промышленность, энергетическую систему. Советское правительство щедро раздавало подарки дружественным зарубежным странам в виде зданий университетов, госпиталей, культурных центров, а также в виде прямой военной помощи.

Дальнейшее развитие экономики СССР упиралось в ее чрезмерную централизацию. Все экономические вопросы, большие и малые, решались только в центре, а местные хозяйственные органы были строго ограничены в решении любых дел. Основные материальные и денежные ресурсы, необходимые для выполнения плановых заданий, распределялись через большое количество бюрократических инстанций. Ведомственная разобщенность, бесхозяйственность и неразбериха приводили к постоянным простоям на производстве, штурмовщине, огромным материальным издержкам, абсурдным транспортным перевозкам из края в край необъятной страны.

Выросла целая армия специальных уполномоченных, или «толкачей», которые занимались добыванием сырья, дефицитных материалов,

оборудования на заводах, в министерствах и ведомствах. Все отчеты руководителей предприятий, министров, партийных организаций разных уровней обрастали приписками о выполнении и перевыполнении планов, поэтому официальные статистические данные следовало воспринимать очень осторожно из-за их явной недостоверности. В качестве примера можно привести доклад Г.М. Маленкова на XIX съезде партии (1952 г.), в котором было сказано, что зерновая проблема в СССР решена и что собран урожай ок. 8 млрд пуд. И всего через два года было объявлено, что все данные о развитии сельского хозяйства являются, мягко говоря, недостоверными.

После войны несколько раз проводились различные административные реформы, но они не вносили коренных изменений в сущность планово-административной системы. В марте 1946 г. наркоматы превратились в министерства, а наркомы – в министров, и это означало, что они уже больше не являются народными комиссарами. Во многих министерствах была введена обязательная форма для служащих. Если до этого форму носили военные, работники милиции и госбезопасности, то теперь ее следовало надевать водникам, дипломатам, связистам, работникам суда, прокуратуры и др. Были установлены гражданские звания – ранги, классы, отдаленно напоминавшие «Табель о рангах» Петра I.

Ужесточение экономической системы накладывало свой отпечаток и на всю общественную жизнь страны. После войны (в 1946 г.) начались публичные гонения на писателей, композиторов, театральных деятелей и кинорежиссеров. Целью этих кампаний было заставить творческую интеллигенцию работать строго в духе «партийности» и «социалистического реализма». Аналогичную цель преследовали разгромные «дискуссии» по философии, биологии, языкознанию, политической экономии, начавшиеся с 1947 г. Всячески поощрялась борьба с «космополитизмом» и «низкопоклонством перед Западом», усиливалось разжигание шовинизма и антисемитизма. С 1948 г. возобновились массовые репрессии, жертвами которых стали от 5,5 до 6,5 млн чел.

Послевоенная история страны была бы неполной без анализа внешнеэкономических и внешнеполитических позиций СССР. Вскоре после окончания Второй мировой войны антигитлеровская коалиция распалась. Бывшие союзники Советского Союза опасались расширения коммунистической идеологии, поэтому ими предпринимались всяческие усилия для оттеснения социалистической системы к довоенным границам. СССР, в свою очередь, стремился закрепить свое влияние в освобожденных Красной армией странах Центральной и Восточной Европы. Это противостояние привело к осложнению международной обстановки, к состоянию холодной войны.

США направили западноевропейским странам огромную материальную помощь в размере 12,4 млрд долл. (так называемый план Маршалла). Эти

средства использовались не только для послевоенного восстановления экономики, но и для укрепления военно-политического влияния США в этом регионе. В 1949 г. был создан военный блок НАТО, размещена сеть военных баз США, военные штабы разрабатывали планы новой мировой войны против СССР с использованием атомного оружия.

В эти же годы Советский Союз со своей стороны осуществлял поддержку коммунистических и просоветских режимов в «странах народной демократии»: Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Румынии, Чехословакии, Югославии, а также в Северном Вьетнаме, Северной Корее, Китае. Всем этим странам оказывалась интенсивная материальная, финансовая и военная помощь, истинные масштабы которой всегда держались в секрете от Советского народа. Известно, что только в качестве льготных долгосрочных кредитов в 1945–1952 гг. им было предоставлено 15 млрд руб. (3 млрд долл.). Такие огромные по тем временам средства предоставлялись странам в ответ на проведение там социально-экономических преобразований по Советскому образцу. В результате этих международных событий мир на долгие годы был разделен на две враждебные системы, что имело самые негативные (прежде всего экономические) последствия для внутренней жизни СССР.

Дело в том, что на рубеже 1940–1950 гг. промышленно развитые страны приступили к внедрению в производство достижений современной научно-технической революции, и это привело их к новому, постиндустриальному этапу развития. Советская директивная экономика в силу ее сверхцентрализованности, отсутствия инициативы и предприимчивости в различных хозяйственных структурах оказалась неспособной к широкому внедрению научно-технических разработок в производство (кроме военно-промышленного комплекса) и стала стремительно отставать от стран с рыночной экономикой. К тому же эти страны стали заметно опережать Советский Союз по уровню жизни населения, по обеспечению различных демократических прав и свобод.

СССР, отгороженный от всего мира «железным занавесом», стремился не допустить «тлетворного влияния» Запада на Советский народ, используя ресурсы репрессивного аппарата. Все культурные, общественные, спортивные, личные связи с зарубежными странами находились под пристальным наблюдением соответствующих организаций. С 1945 по 1950 гг. на 35% сократился внешнеторговый оборот с западными странами, что заметно сказывалось на Советской экономике, лишенной новой техники и передовых технологий. Вот почему в середине 1950-х гг. Советский Союз оказался перед необходимостью глубоких социально-экономических и политических перемен.

5. «ОТТЕПЕЛЬ»: ПОПЫТКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ КОМАНДНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ

5.1. Страна накануне реформ

Первая попытка реформирования командно-административной системы в 1950–1960 гг. тесно связана с окончанием в марте 1953 г. сталинского периода в истории СССР, когда управление страной сосредоточилось в руках трех политиков: Председателя Совета Министров Г.М. Маленкова, министра внутренних дел Л.П. Берии и первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева. Между ними разгорелась борьба за единоличную власть, в ходе которой каждый из них рассчитывал на поддержку партийно-государственной номенклатуры. Этот новый слой Советского общества (секретари ЦК республиканских компартий, обкомов, крайкомов и др.) готов был поддержать одного из этих руководителей страны при условии предоставления ему большей самостоятельности в решении местных вопросов и, главное, гарантий личной безопасности, прекращения политических чисток и репрессий.

При соблюдении этих условий номенклатура была готова согласиться на реформы в определенных пределах, дальше которых она не могла и не хотела идти. В ходе реформ предстояло реорганизовать или упразднить систему ГУЛАГа, стимулировать развитие аграрного сектора экономики, провести преобразования в социальной сфере, снизить напряжение постоянной мобилизованности при решении хозяйственных проблем и в поисках внутренних и внешних врагов.

Вследствие сложной борьбы на политическом олимпе к власти пришел поддержанный номенклатурой Н.С. Хрущев (1894–1971 гг.), стремительно оттеснивший своих соперников. В 1953 г. был арестован и расстрелян Л.П. Берия по абсурдному обвинению в «сотрудничестве с империалистическими разведками» и «заговоре с целью восстановления господства буржуазии». В январе 1955 г. подал в вынужденную отставку Г.М. Маленков. В 1957 г. была изгнана из высшего руководства «антипартийная группа» в составе Г.М. Маленкова, Л.М. Кагановича, В.М. Молотова и др. Н.С. Хрущев, будучи первым секретарем ЦК КПСС, в 1958 г. стал еще и Председателем Совета Министров СССР.

Поскольку Советский Союз понес огромные людские потери во время войны, Советское руководство еще в 1948 г. распорядилось более «экономно» использовать заключенных в системе ГУЛАГа, то есть не допускать их массовую гибель от недоедания, непосильной работы, отсутствия медицинской помощи. Была установлена небольшая заработная плата для «ударников», увеличены нормы пайков. Но эти меры не дали ожидаемых результатов. Более того, на рубеже 1940–1950 гг. по всей стране – от Коми до Казахстана и Колымы – прокатилась волна восстаний узников ГУЛАГа,

которые были жестоко подавлены. Перед правительством возникла дилемма: либо идти по пути улучшения условий содержания заключенных, либо закрыть все лагеря.

Увеличение же государственных расходов делало эту систему нерентабельной, к тому же она могла функционировать только при постоянном пополнении людьми, попавшими в жернова репрессий. Но поскольку новое руководство страны боялось возобновления новых репрессий, оно пошло по второму пути. В 1953–1954 гг. из тюрем, ссылок, лагерей стали возвращаться люди. К 1956 г. система ГУЛАГа была упразднена и начался процесс реабилитации осужденных по политическим мотивам. На XX съезде КПСС (февраль 1956 г.) была дана критическая оценка всем этим событиям и подведена черта под целой эпохой.

Несмотря на недоговоренности и издержки, это был первый шаг к гражданскому миру в обществе, к кардинальным реформам во всех сферах, и прежде всего в экономике. Реабилитация невинно осужденных явилась не только политическим, но и чисто экономическим фактором роста, поскольку миллионы специалистов вышли из лагерей, получили утраченные гражданские права, смогли применить свои знания и опыт в народном хозяйстве.

5.2. Реформирование советской экономической системы

Политические изменения в СССР требовалось подкрепить изменениями и в экономике. Выступая в августе 1953 г. на сессии Верховного Совета СССР, Г.М. Маленков четко сформулировал основные направления экономической политики: резкий подъем производства товаров народного потребления, крупные инвестиции в отрасли легкой промышленности. Такой коренной поворот, казалось бы, навсегда должен был изменить принципиальные ориентиры развития Советской экономики, устоявшиеся в предыдущие десятилетия. Одной из самых главных задач было решение продовольственной проблемы и вывод сельского хозяйства из глубокого и затяжного кризиса. А поскольку все резервы народного энтузиазма были уже исчерпаны, надо было использовать материальные стимулы.

Проходивший вслед за сессией Верховного Совета Пленум ЦК КПСС в сентябре 1953 г. принял постановление о неотложных мерах по подъему сельского хозяйства. Еще нельзя было открыто признаться в полной неэффективности полукрепостной колхозной системы, в том, что в течение многих лет колхозники едва сводили концы с концами, особенно в нечерноземных и северо-западных областях России. Здесь колхозники полагались в основном не на призрачные доходы по трудовым дням, а на свои небольшие приусадебные участки. Поэтому было решено ослабить

государственное давление на работников сельского хозяйства, найти пути повышения рентабельности колхозного производства.

Одним из первых мероприятий нового руководства страны было снижение сельскохозяйственного налога (на 1954 г. – в 2,5 раза по сравнению с 1952 г.), списание недоимок по налогам за прошлые годы, увеличение размеров личных подсобных хозяйств колхозников и приусадебных участков рабочих и служащих в городах и поселках. Были снижены нормы обязательных поставок государству продукции животноводства, увеличены закупочные цены на продукцию колхозов и совхозов, расширены возможности развития колхозных рынков.

Заготовительные и закупочные цены на основные сельскохозяйственные продукты к концу 1950-х гг. выросли в три раза. С середины 1950-х гг. сельское хозяйство впервые за долгие годы стало рентабельным. Заметно увеличились государственные ассигнования на развитие аграрного сектора: в 1954–1955 гг. они составили 34,4 млрд руб., что на 38% больше, чем за всю четвертую пятилетку. Доля расходов государственного бюджета на сельское хозяйство увеличилась с 7,6% в 1950 г. до 18% в 1955 г. А всего за 1953–1954 гг. капиталовложения в сельское хозяйство увеличились в четыре раза.

Увеличился поток тракторов, комбайнов, автомашин, отправляемых на село. Из различных учреждений и научных институтов в колхозы и совхозы было направлено 120 тыс. специалистов-аграрников для оказания реальной помощи сельскому хозяйству. Была отменена практика проведения сельскохозяйственных работ по указанию «сверху» из центра. Теперь решение о том, где, когда и что сеять, принимали в районах, но все же не сами хозяйства.

Разрешенное государством право увеличивать личные подсобные хозяйства, держать в них домашний скот и птицу значительно улучшило материальное положение не только крестьян, но и жителей городов, крупных промышленных центров, где заметно повысился уровень продовольственного снабжения. Несмотря на то, что личные подсобные хозяйства были совсем небольшими, их продуктивность была довольно высокой. Количество коров в личном владении составляло в 1959–1965 гг. 42–55% общего поголовья в стране, свиней – 31–37%, овец – 20–22%.

На сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК партии Н.С. Хрущев выступил с предложением о поднятии целинных и залежных земель, но оно не получило должной поддержки у других руководителей партии и государства. И лишь на Пленуме ЦК в феврале – марте 1954 г. эта программа была принята, и в том же г. началось массовое освоение целины.

Первыми туда были отправлены заключенные из многочисленных лагерей, а вслед за ними прибыли по комсомольским путевкам отряды молодежи. На целинных землях стали создавать совхозы. К середине 1956 г. распаханно и засеяно 33 млн га новых земель в Заволжье, Оренбургской

области, в Северном Казахстане, Западной Сибири, на Алтае и в других районах страны. А всего в сельскохозяйственный оборот было вовлечено почти 42 млн га пашни. Это позволило в значительной степени решить продовольственную проблему. Так, если в 1954 г. в Советском Союзе всего было собрано 85,5 млн т зерна, из них 27,1 млн т – на целинных землях, то в 1960 г. – соответственно 125,5 и 58,7 млн т.

Однако это новое грандиозное начинание в первые же годы столкнулось с обычной бесхозяйственностью, беспечностью. Не были построены зернохранилища или простые укрытия для зерна, и огромное количество собранного хлеба лежало на токах под открытым небом, мокло под дождем, развеивалось ветром. Не было железных дорог, не хватало автомашин, чтобы вывозить хлеб на элеваторы. Трудовой героизм молодежи оказывался никому не нужным. Каждый год в восточные целинные области приходилось перебрасывать технику и людей для уборки урожая из центральных и южных районов, где урожай созревал и убирался раньше. Все это требовало значительных расходов, и стоимость зерна на целине в 1954–1964 гг. была на 20% выше, чем в основных зерносеющих районах.

На освоение новых земель были направлены огромные государственные ресурсы, которые забирались у традиционных зерновых районов, оказавшихся из-за этого в тяжелом положении. Страна во многом стала зависеть от урожаев на целине, большие массивы которой (особенно в Казахстане) находились в зоне рискованного земледелия. Особенно пострадали целинные земли от песчаных бурь в 1963 и 1965 гг. Да и средняя урожайность здесь была ниже, чем, скажем, на Украине или Северном Кавказе.

Большие изменения происходили не только в аграрном секторе, но и в других отраслях экономики. Так, заметное внимание стало уделяться промышленности, особенно ее техническому уровню. В 1955 г. на Пленуме ЦК была осуждена как ошибочная «теория» об отсутствии морального износа техники при социализме, которая имела широкое распространение в науке. Применение на практике этой теории привело к тому, что отечественная промышленность оказалась далека от достижений научно-технической революции, развернувшейся во всем мире. Было подчеркнуто, что самое главное в настоящее время для промышленности – это «всемерное повышение технического уровня производства на базе электрификации, комплексной механизации и автоматизации». Недаром в одном из выступлений академика П.Л. Капицы прозвучало сравнение Советской промышленности с ихтиозавром, животным с огромным туловищем и маленькой головой, то есть имелось в виду, что роль науки в отечественной промышленности весьма незначительна.

В середине 1950-х гг. стало очевидным, что без признания приоритетного развития новых направлений в науке Советскому Союзу будет трудно выдержать не просто экономическое, но прежде всего военное

противостояние с Западом. Именно на рубеже 1950–1960 гг. появился знаменитый лозунг: «Наука должна стать непосредственной производительной силой социалистической экономики».

Были брошены огромные финансовые, материальные и людские ресурсы на развитие отдельных направлений фундаментальных наук и естествознания (физики, химии, биологии, кибернетики, космических исследований), на подготовку высококвалифицированных научных кадров, в результате чего был достигнут значительный рывок Советской науки и техники. В 1954 г. была введена в эксплуатацию первая в мире атомная электростанция в г. Обнинске Калужской области, в 1959 г. построен первый атомный ледокол «Ленин», 4 октября 1957 г. на околоземную орбиту выведен первый спутник Земли, 12 апреля 1961 г. – первый космический корабль с Ю.А. Гагариным на борту.

В эти же годы бурно развивалась энергетическая база страны. Был построен ряд гидроэлектростанций на Волге, Днепре, Ангаре и других реках, много теплоэлектростанций местного значения. В результате производство электроэнергии выросло с 150,6 млрд кВт·ч в 1954 г. до 507,7 млрд кВт·ч в 1965 г. Одновременно с этим мощный импульс был дан развитию добычи нефти и газа, прежде всего в Сибири. Добыча нефти увеличилась с 52,7 млн т в 1954 г. до 347,3 млн т в 1965 г. Рост энергетической базы позволил перевести железнодорожный транспорт с паровозов на тепло и электровозы. Заметное развитие получили химическая промышленность, металлургия, добыча угля и т.д.

Однако развитие промышленности шло за счет экстенсивных факторов. Как и прежде, строились тысячи новых предприятий, но мало уделялось внимания повышению эффективности имеющихся мощностей. Постепенно усиливались структурные диспропорции: если в 1940 г. на долю тяжелой индустрии приходилось 61,2% всей выпускаемой промышленной продукции, то в 1960 г. этот показатель увеличился до 72,5%, что, в свою очередь, привело к снижению объемов производимой продукции народного потребления.

Изучая данный период экономической истории, приходится констатировать, что Советское руководство, приступая к столь масштабным реформам, не имело комплексной перспективной программы дальнейшего развития страны. Этим объясняются многочисленные, лишённые здравого смысла повороты экономической политики, зависевшие от нетерпения руководителей (Н.С. Хрущева, в первую очередь), их желания немедленно исправить все недостатки. Это приводило к поспешности и в определении сроков достижения намеченных целей и в выборе методов их осуществления, что зачастую обесценивало положительный эффект от нововведений.

В качестве примера можно привести выдвинутое Н.С. Хрущевым в 1957 г. предложение догнать США по производству мяса, масла, молока в течение трех-четырех лет. Специалистам была ясна нереальность этого желания,

поскольку в 1956 г. США производили 16 млн т мяса, а СССР – 7,5 млн т, и для сокращения такого разрыва не было никаких реальных условий: достаточного количества кормов для животноводства, помещений для скота, средств механизации и т.д. Но возражать руководителям страны было рискованно. Лозунг же «догнать и перегнать Америку по производству продукции животноводства» вскоре повис в воздухе. В первый год Советско-американского соревнования производство мяса в СССР увеличилось всего лишь на 301 тыс. т, а в 1960 г. – еще на 1007 тыс. т.

Желание Н.С. Хрущева побыстрее догнать Америку вело к авантюризму в центре и на местах. Повсюду создавалась видимость небывалых успехов, широко практиковались приписки, рождались «рекорды» и «почины», продолжавшие традиции стахановского движения. В каждой области, крае, республике появились «маяки»: образцовые хозяйства (колхозы, бригады, звенья) и отдельные работники (доярки, комбайнеры), на которых следовало равняться остальным. При этом все понимали, что для таких «маяков» созданы особые условия, что их достижения не что иное, как показуха.

Наиболее показательным примером может служить почин Рязанского обкома КПСС, который обязался увеличить в 1959 г. производство мяса в четыре-пять раз, хотя всем было ясно, что реально область продать государству столько мяса не сможет. Тем не менее, все силы были брошены на заготовку мяса, которое принудительно скупалось у населения, причем не за деньги, а за долговые расписки. Мясо должны были сдавать промышленные предприятия, городские учреждения и организации, далекие от сельского хозяйства. Школьники области должны были выращивать кроликов, чтобы их потом сдавать государству. В колхозах и совхозах области забивали даже молочный скот. Заготовители выезжали в соседние области для закупок мяса и т.д.

К очередному Пленуму ЦК в декабре 1959 г. первый секретарь обкома партии А.Н. Ларионов отрапортовал, что Рязанская область продала государству 100 тыс. т мяса вместо 50 тыс. т по плану и что в 1960 г. область продаст 180–200 тыс. А.Н. Ларионов тут же получил звание Героя Социалистического Труда, а опыт рязанцев был рекомендован для повсеместного распространения. Но в конце 1960 г. обман был раскрыт, А.Н. Ларионова разоблачили, и он застрелился у себя в кабинете. Вскоре это нелепое «соревнование» Советского Союза с США по производству продукции животноводства закончилось. В 1964 г. производство мяса в СССР достигло всего лишь 8,3 млн т.

Такой же непродуманной была затея Н.С. Хрущева с принудительным внедрением посевов кукурузы на зерно по всей стране, невзирая на климатические условия различных районов. Вдохновленный увиденным во время поездок в США, Н.С. Хрущев стал одержим идеей организовать повсеместное выращивание кукурузы на зерно и для корма скота, не учитывая того, что эта зерновая культура требует жаркого климата,

которого нет в основных зерносеющих районах СССР, расположенных гораздо севернее, чем в США. Н.С. Хрущев без конца ездил по стране и лично контролировал выполнение этой программы.

В самый пик кукурузной кампании (1962 г.) этой культурой было засеяно не менее 37 млн га., а вызреть она могла лишь на 7 млн га. Во многих областях (на северо-западе, в Сибири) посевы кукурузы гибли из-за дождей и холода, не успевая вызреть во время короткого лета. Тем не менее руководящие партийно-государственные органы повсюду требовали расширения посевных площадей, занятых «царицей полей», за счет сокращения традиционных культур. Зачастую под кукурузу распахивались заливные луга, сенокосы, уменьшая и без того скудную кормовую базу страны. Производство кукурузы на корма почти везде обходилось гораздо дороже, чем обычная заготовка привычных трав. Попытка воплотить данную идею в жизнь закончилась в 1964–1965 гг., и с тех пор посевы этой культуры остались лишь в традиционных южных районах страны. Точно так же закончилась кампания по ликвидации травопольных севооборотов и исключению из оборота чистых паров.

Все эти нововведения не привели к улучшению зерновой ситуации в стране, средняя урожайность почти не росла. После некоторого роста (с 7,9 ц/га в 1950 г. до 11,1 ц/га в 1958 г.) урожайность стала даже снижаться: в 1960 г. – 10,9, в 1962 – 10,9, в 1963 – 8,3 ц/га., и только в 1964 г. она достигла уровня 1958 г. (11,4 ц/га). Везде искали виноватых за такие низкие результаты, менялись министры сельского хозяйства, научно-исследовательские агробиологические институты переводились из крупных центров в сельскую местность («с городского асфальта на просторы полей»), но это тоже не приводило к быстрым успехам.

В 1958 г. было принято решение ликвидировать МТС, а технику продать колхозам. Но так как в это же время резко поднялись оптовые цены на технику, МТС стали распродавать ее по возросшим ценам. Однако у колхозов не было средств для приобретения этой техники. Долги колхозов банкам за сельскохозяйственную технику составили в 1961 г. более 2 млрд руб.

Многие механизаторы, работавшие в МТС, не хотели вступать в те колхозы, чьи поля они обрабатывали, и стремились найти работу в других местах. Сельское хозяйство сразу потеряло половину квалифицированных рабочих кадров. Эксплуатация техники в колхозах ухудшилась из-за низкого уровня обслуживания. На селе стали создаваться специальные организации «Сельхозтехника» для проверки технического состояния и ремонта машин, но это не привело к заметному улучшению положения. Государство пыталось помочь колхозам путем снижения цен на автомашины, тракторы, инвентарь, запасные части, бензин. Но по причине отсутствия средств у хозяйств резко сократился устойчивый внутренний спрос на продукцию сельскохозяйственного машиностроения, который

раньше существовал со стороны МТС. Заводы оказались переполненными продукцией и были вынуждены сокращать производство.

Поскольку поспешные шараханья чаще всего не давали быстрых положительных результатов, то государственные руководители частенько возвращались к прежним, привычным для них методам управления. При этом никто не хотел признаться, что все провалы Советской экономики зависят не от конкретных исполнителей, а заложены внутри самой командной системы.

Всего через несколько лет после начала реформы стали буксовать, откатываться назад. Уже к 1959 г. были изъяты многие объявленные ранее льготы. Горожанам снова запрещалось иметь в своих хозяйствах скот, который следовало продать в колхозы и совхозы. Были введены ограничения на продажу и заготовку кормов для личных подсобных хозяйств, началась кампания против «спекулянтов» на колхозных рынках. В 1962 г. поголовье коров в индивидуальном владении колхозников и рабочих совхозов составило 10 млн голов, тогда как в 1958 г. их было 22 млн голов.

В 1963 г. из-за неблагоприятных погодных условий был собран очень низкий урожай – всего 107,5 млн т. (в 1962 г. – 140,1 млн т.). От засухи пострадали основные житницы: Северный Кавказ, Южная Украина и др. Государство не сумело накопить необходимых продовольственных ресурсов, во многих районах страны обострилась проблема с хлебом, в городах снова стали выстраиваться очереди, продажа хлеба на одного человека была ограничена. Впервые в истории Советского Союза начались массовые закупки хлеба за границей за счет наличного золотого запаса, чтобы не допустить повторения страшного голода прошлых лет. Объем импортируемого хлеба превысил 13 млн т. Это было воспринято среди населения как унижение великой страны перед мировым сообществом.

Становилось ясно, что экстенсивное освоение новых посевных площадей в восточных районах не обеспечивает ежегодные гарантированные урожаи. Земля нуждалась в новой технике, удобрениях, отдыхе, обновлении. В 1963 г. была поспешно принята новая, совершенно нереальная программа химизации земледелия, в соответствии с которой предусматривалось довести производство минеральных удобрений к 1970 г. до 80 млн т, а к 1980 г. – до 150–170 млн т, при том, что в 1963 г. в Советском Союзе их производилось менее 20 млн т. В действительности в 1970 г. удалось произвести 53,4 млн т, а в 1977 г. – всего 96,8 млн т, поскольку мощности в химической промышленности просто не были готовы к запланированным объемам производства.

Продолжался процесс укрупнения и слияния колхозов. Если к 1955 г. их количество составляло 91 тыс., то к 1965 г. оно сократилось до 29 тыс. Исходя из тезиса о временном, преходящем характере колхозно-кооперативной собственности, во второй половине 1950-х гг. руководство страны начало проводить политику массового преобразования колхозов в совхозы,

превращения колхозников, крестьян в сельскохозяйственных рабочих. Число совхозов увеличилось с 4857 (1953 г.) до 10 078 (1964 г.). В эти же годы широкое распространение получил болезненный процесс ликвидации так называемых неперспективных сел и деревень. Жителей из тыс. сельских поселений насильно заставляли покидать обжитые многими поколениями места и переселяться на центральные усадьбы совхозов и колхозов.

Одновременно стал изживаться достаточно своеобразный сектор экономики, оставшийся еще со времен нэпа, – промысловая кооперация, на долю которой в 1955 г. приходилось 8% всей промышленной продукции. Промартели выпускали разнообразные изделия повседневного быта, выполняли различные услуги. В 1956 г. в государственную собственность были переведены наиболее крупные промартели, а в 1960 г. промысловая кооперация полностью прекратила свое существование.

В начале 1962 г. была осуществлена перестройка системы управления сельским хозяйством. На районном уровне учреждены колхозно-совхозные управления, а в областях, краях и республиках – колхозно-совхозные комитеты. При них снова начали функционировать парторги ЦК, обкомов и райкомов. Областные комитеты партии были разделены по производственному принципу на промышленные и сельскохозяйственные.

Итоги всех этих «мероприятий» были весьма неутешительными. По плану на 1959–1965 гг. объем валовой сельскохозяйственной продукции должен был возрасти на 70%, а фактический прирост за эти годы составил лишь 10%. Средняя урожайность зерновых культур в 1960–1964 гг. возросла всего на 0,8% в год. Темпы прироста поголовья крупного рогатого скота снизились в два раза по сравнению с предыдущими пятью годами. Удой молока на одну корову снизились в среднем на 370 кг в год.

Справедливости ради следует сказать, что ученые-экономисты и практические работники пытались разрабатывать новые подходы к экономическому развитию страны, особенно в области долгосрочного планирования и прогнозирования, определения стратегических макроэкономических целей. Но эти разработки не были рассчитаны на быструю отдачу, поэтому им не уделялось достаточного внимания. Руководству страны нужны были реальные результаты в настоящее время, а посему все силы направлялись на бесконечные корректировки текущих планов.

Например, так и не был составлен детальный план на пятую пятилетку (1951–1955 гг.), а в качестве отправного документа, направлявшего работу всей экономики в течение пяти лет, стали Директивы XIX съезда партии. Это были всего лишь контуры пятилетки, но конкретного плана не существовало.

Такая же ситуация сложилась и с шестым пятилетним планом (1956–1960 гг.). В феврале 1956 г. на XX съезде КПСС были одобрены основные показатели шестой пятилетки, но уже в декабре этого же года выяснилось, что план не соответствует реальным условиям. Наспех составили

переходный план на один-два года, а затем появился на свет семилетний план развития народного хозяйства (1959–1965 гг.).

Традиционно слабым было так называемое низовое планирование, то есть составление планов на уровне предприятий. Эти планы, как правило, доходили до предприятий (цехов, участков) уже после того, как начинался новый производственный цикл (годовой, квартальный). Из-за чего производство испытывало сбои, его лихорадило. Низовые плановые задания часто корректировались, поэтому план превращался в чисто номинальный документ, имеющий непосредственное отношение лишь к процессу начисления заработной платы и премиальных выплат, которые зависели от процента выполнения и перевыполнения плана.

Поскольку, как отмечалось выше, планы постоянно корректировались, то выполнялись (или, точнее, не выполнялись) совсем не те планы, которые принимались в начале планового периода (года, пятилетки). Госплан «торговался» с министерствами, министерства – с предприятиями насчет того, какой план они могли бы выполнить при имеющихся ресурсах. Но поставки ресурсов под такой план все равно срывались, и снова начинались «торги» по цифрам плана, по величине поставок и т.д.

Все это подтверждает вывод о том, что Советская экономика зависела в большей степени не от грамотных экономических разработок, а от политических решений, постоянно меняющихся в прямо противоположных направлениях и заводящих чаще всего в тупик.

В стране осуществлялись бесплодные попытки улучшить структуру государственного аппарата, наделить его новыми правами или, наоборот, ограничить их полномочия, разделить существующие плановые органы и создать новые и т.п. Таких «реформ» в 1950–1960-х гг. было немало, но ни одна из них не принесла реального улучшения в работу командной системы.

В качестве примера не очень продуманной реформы можно привести попытку перестроить управление по территориальному признаку (1957 г.). В ходе этой реформы были упразднены многие отраслевые союзные министерства, а взамен появились территориальные советы народного хозяйства (совнархозы). Не были затронуты данной перестройкой лишь министерства, ведавшие военным производством, министерство обороны, иностранных и внутренних дел и некоторые другие. Таким образом, была сделана попытка децентрализации управления, обеспечения контроля за хозяйственными органами снизу, создания условий для комплексного развития экономики в пределах данного совнархоза, сокращения и удешевления государственного аппарата и др.

Эта реформа проходила в обстановке большой спешки. 30 марта 1957 г. были опубликованы тезисы о предстоящей реорганизации, а уже 7 мая на сессии Верховного Совета СССР принят Закон «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством». К 1 июля предписывалось закончить перестройку управленческих структур,

несмотря на то, что уже была середина года и вся экономика работала по-старому.

Всего в стране было создано 105 экономических административных районов, в том числе 70 в РСФСР, 11 – на Украине, 9 – в Казахстане, 4 – в Узбекистане, а в остальных республиках – по одному совнархозу. В функциях Госплана СССР осталось лишь общее планирование и координация территориально-отраслевых планов, распределение между союзными республиками важнейших фондов.

Первые результаты реформы управления были вполне успешными. Так, уже в 1958 г., то есть через год после ее начала, прирост национального дохода составил 12,4% (по сравнению с 7% в 1957 г.). Возросли масштабы производственной специализации и межотраслевого кооперирования, ускорился процесс создания и внедрения новой техники в производство. Но, по мнению специалистов, полученный эффект – следствие не только самой перестройки. Дело также в том, что на какой-то период предприятия оказались бесхозными (когда министерства фактически уже не функционировали, а совнархозы еще не сформировались), и именно в этот период они стали работать заметно продуктивнее, не ощущая никакого руководства «сверху». Но как только сложилась новая система управления, прежние негативные явления в экономике стали усиливаться. Более того, появились новые моменты: местничество, более жесткое администрирование, постоянно растущая «своя», местная бюрократия. Местничество проявлялось в том, что совнархозы стремились выполнять, прежде всего, плановые задания по выпуску той продукции, которая требовалась для собственного потребления, и в то же время всячески отказывались от заданий по производству продукции для других совнархозов.

Все реорганизации, в конечном счете, не приводили к заметным успехам. Более того, если в 1951–1955 гг. промышленное производство увеличилось на 85%, сельскохозяйственное – на 20,5%, а в 1956–1960 гг. соответственно на 64,3 и 30% (причем рост сельскохозяйственной продукции шел в основном за счет освоения новых земель), то в 1961–1965 гг. эти цифры стали снижаться и составили 51 и 11%.

Итак, центробежные силы заметно ослабили экономический потенциал страны, многие совнархозы оказались неспособными к решению крупных производственных задач. Уже в 1959 г. началось укрупнение совнархозов: более слабые стали присоединяться к более мощным (по аналогии с укрупнением колхозов). Центростремительная тенденция оказалась более сильной. Достаточно скоро восстановилась прежняя иерархическая структура в экономике страны.

В результате всех «экспериментов» экономическое положение внутри страны на рубеже 1950–1960 гг. оставалось достаточно напряженным. Стала более заметной инфляция, хотя официально считалось, что при социализме инфляции не может быть. Правительство сделало попытку поправить

положение дел за счет трудящихся. Первым шагом в этом направлении была денежная реформа. С 1 января 1961 г. в обращение вводились новые купюры. Обмен старых денег производился в пропорции 10:1, в той же пропорции менялись цены и заработная плата. Фактически была проведена деноминация, то есть укрупнение денежной единицы страны. Но покупательная способность новых денег при этом продолжала снижаться.

Следующим шагом можно считать решение правительства о всеобщем снижении тарифных расценок в промышленности примерно на 30%. Это было вызвано тем, что динамика роста производительности труда по стране оказалась ниже запланированной. ЦК партии решил организовать кампанию за сокращение производственных издержек, что означало скрытое понижение заработной платы рабочих. В это же время было опубликовано постановление правительства о повышении (с 1 июня 1962 г.) цен на мясо и мясные изделия на 30%, на масло – на 25%.

Эти решения вызвали недовольство и привели к стихийным выступлениям рабочих. Самое крупное из них было в Новочеркасске, где власти вывели против рабочих танки и применили оружие. Десятки человек погибли, девять человек были приговорены к смертной казни, множество людей осуждено к различным срокам заключения. Уместно отметить, что это событие в Новочеркасске всячески замалчивалось, и подробности расстрела были опубликованы в газетах уже в конце 1980-х гг.

Как подчеркивалось в начале главы, одной из задач, начавшихся в середине 1950-х гг. реформ был отказ от применения мобилизационных мер при решении хозяйственных проблем. Через несколько лет стало ясно, что эта задача является неразрешимой для Советской экономики, поскольку экономические стимулы развития были несовместимы с командной системой. По-прежнему нужно было организовывать массы людей для выполнения различных проектов.

В качестве примеров можно привести призывы к молодежи участвовать в освоении целины, в возведении грандиозных «строек коммунизма» в Сибири и на Дальнем Востоке. Молодежь откликалась на эти призывы, ехала в необжитые края, проявляя энтузиазм и трудовой героизм. В апреле 1958 г. коллектив железнодорожной станции Москва-Сортировочная выступил с инициативой о проведении ежегодных всесоюзных коммунистических субботников. Эти субботники должны были стать образцами коммунистического (бесплатного) труда, а заработанные во время субботников деньги предлагалось переводить в различные фонды. В 1958 г. прядильщица из Вышнего Волочка В.И. Гаганова выступила инициатором движения за массовый переход передовиков производства на отстающие участки, чтобы поднять их до уровня передовых. При этом, работая на таких участках, они теряли в заработной плате.

Эти и другие примеры различных общественных инициатив вскоре были взяты на вооружение официальной пропагандой и стали основой для

новых мобилизационных потоков. После некоторого взлета движение за коммунистический труд свернуло в русло обычного формализма, доходя порой до абсурда. Так, сотрудников научных институтов, учителей, служащих различных учреждений, студентов посылали на выполнение бесплатной непроизводительной работы: подметать улицы, работать на стройках и овощных базах, выезжать на уборку урожая, где их использовали как дармовую рабочую силу. Врачей обязывали вести после работы прием пациентов по месту жительства на общественных началах и т.п. Отказ от такой работы считался антиобщественным поступком и осуждался в коллективах.

В Москве стало традицией посылать во время рабочего дня тысячи людей на встречу различных почетных гостей, приезжавших в столицу СССР. По указанию райкомов партии люди выстраивались вдоль магистралей, ведущих от аэропортов к центру, создавая видимость всеобщего ликования при встрече Г. Насера, И. Тито, Д. Неру и др.

5.3. Преобразования в социальной сфере

И все же экономическая история Советского Союза была бы неполной без изучения больших изменений, которые происходили на рубеже 1950–1960-х гг. в социальной сфере и которые коснулись в первую очередь городского населения. В апреле 1956 г. был отменен антирабочий закон 1940 г. о суровых наказаниях за опоздания на работу и прогулы, о запретах на перемену места работы. В сентябре того же г. был установлен минимум заработной платы, ниже которого на предприятиях нельзя было оплачивать работу.

Но, пожалуй, главным среди других был закон о пенсионном обеспечении, введенный в июле 1956 г., который затронул интересы миллионов людей. Размер пенсий зависел от стажа работы и возраста. Мужчины могли уйти на пенсию в возрасте 60 лет при 25-летнем стаже работы, женщины – в 55 лет при 20-летнем стаже (это было гораздо ниже возрастного ценза, установленного в большинстве западных стран). Сумма ежемесячной пенсии колебалась от 300 до 1200 руб. (или от 30 до 120 руб. в масштабе цен 1961 г.).

Однако в этом законе был обойден вопрос об автоматическом уходе на пенсию при достижении предельного возраста. Это, в свою очередь, открывало большие возможности для чиновников высшего ранга (например, министров) находиться на своих постах пожизненно, хотя их физические и умственные способности к тому времени уже совсем не отвечали, возросшим требованиям. Помимо этого, значительно расширилась система персональных пенсий, назначаемых «за особые заслуги перед государством». Их размер был несоизмеримо выше общегосударственных

пенсий, с ними были связаны различные привилегии по оплате жилья, бесплатному проезду на общественном транспорте, получению бесплатных путевок в санатории и пр. Особая система пенсий сохранялась для военных и сотрудников госбезопасности.

Вопрос о пенсионном обеспечении для колхозников решился только в 1965 г. Пенсии по старости стали получать мужчины в возрасте 65 лет, женщины – 60 лет, и только в том случае, если они продолжали жить в своем колхозе. Для тех же, кто на старости лет перебрался в город к детям до наступления пенсионного возраста (даже при наличии необходимого трудового стажа), вопрос о пенсии вообще не стоял, они как бы выпадали из сферы социального обеспечения, поскольку «порвали связь со своим хозяйством». Да и размер пенсий для сельских жителей был определен в 8 руб., позже его подняли до 12–15 руб. Считалось, что остальные средства для жизни они могут получить от своего подсобного хозяйства. Именно в начале 1960-х гг. колхозники стали получать паспорта наравне с городскими жителями.

В 1956 г. был принят закон о сокращении рабочей недели (с 48 до 46 ч), то есть рабочий день в субботу становился укороченным на два часа. В годы семилетки рабочая неделя еще сократилась в среднем до 40 ч. Это означало, что рабочие и служащие работали пять дней в неделю по 7 ч, а в субботу – 5 ч (как говорили тогда, «до обеда без перерыва»). Позже, в конце 1960-х гг., эти пять субботних часов распределили на другие дни недели, и суббота стала вторым выходным днем. Увеличился оплачиваемый отпуск по беременности и родам с 70 до 112 дней (56 рабочих дней до и 56 – после родов).

В эти же годы произошли кардинальные изменения в жилищном строительстве. В 1955 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве», которое ознаменовало переход к массовому дешевому строительству жилья, переводимому на промышленную основу. Стали возводиться дома из железобетонных панелей, что заметно сокращало сроки строительства, правда, порой за счет ухудшения условий проживания (низкие потолки, маленькие кухни и коридоры, проходные комнаты, совмещенные санузлы). По всей стране в городах стали возникать микрорайоны, называемые вслед за Москвой, Черемушками. И хотя эти кварталы застраивались однообразными и не очень красивыми пятиэтажными домами, люди, переезжавшие из огромных коммунальных квартир, бараков, подвалов, общежитий в новые отдельные квартиры, воспринимали это как счастье. Об увеличении городского жилищного фонда страны можно судить по следующим данным: в 1950 г. он составлял 513 млн кв. м, в 1960 – 958 млн кв. м, в 1964 – 1184 млн кв. м. За 1956–1960 гг. в новые квартиры переселились почти 54 млн чел., что составляло четверть всего населения страны. Большое распространение получили жилищные кооперативы на

достаточно льготных условиях, с рассрочкой на 15 лет выплаты всей стоимости квартиры.

И все же, несмотря на небывалый размах строительства домов, жилищная проблема оставалась далекой от разрешения. Очередь на получение квартиры продвигалась медленно и очень часто зависела от производственных показателей данного работника, от его активного участия в общественной жизни коллектива, от отношений с начальством и других факторов, что позволяло использовать этот повод в качестве давления на конкретных людей.

В 1958 г. было принято решение приостановить на 20 лет выплату денег по государственным займам, поскольку средств у государства на это не было. Одновременно произошла отмена обязательной подписки на государственные займы. Население встретило это решение неоднозначно. С одной стороны, у миллионов людей за долгие годы накопилось большое количество облигаций, и их оплата служила дополнительной статьей дохода. С другой стороны, прекращение ежегодной подписки на заем означало некоторую экономию средств семьи.

В 1957 г. были снижены налоги на низкооплачиваемые категории работников, возросли пособия многодетным семьям, оплата по временной нетрудоспособности. Была повышена минимальная заработная плата с 30 до 40–45 руб. в мес. В середине 1960-х гг. она достигла 60 руб. Среднемесячная заработная плата выросла с 78 руб. в 1958 г. до 95 руб. в 1965 г. Однако разрыв между низшим и высшим уровнем заработной платы оставался очень большим. В категорию низкооплачиваемых работников входили, учителя, врачи и младший медицинский персонал, служащие музеев, библиотек и пр.

Доходы семьи возросли также в связи с отменой в 1956 г. всех видов оплаты школьного и высшего образования. Как и прежде, незначительное место в бюджете семьи занимали коммунальные платежи. Основное место среди семейных расходов горожан составляли затраты на питание – более 50% заработной платы.

Нельзя не отметить начавшееся широкое движение за либерализацию духовной жизни, охватившее интеллигенцию: представителей академической науки, преподавателей вузов, литераторов и др., получивших позже название «шестидесятников». Стали выходить художественно-публицистические журналы, где публиковались произведения, критически оценивавшие сталинскую эпоху и общие пороки тоталитаризма с позиций романтической веры в светлое будущее. Этот краткий период получил название оттепели (по аналогии с оттепелью 1856 г.).

Обеспокоенные нарастающим потоком критики и кризисом доверия партийные идеологи подготовили новую программу «великих свершений». На XXI съезде (1959 г.) было подчеркнуто, что социализм в СССР одержал

«полную и окончательную победу», и страна вступила в период развернутого строительства коммунизма. Этот тезис был закреплен в третьей Программе партии, принятой на XXII съезде (октябрь 1961 г.). В программе утверждалось, что к 1980 г. в СССР будет в целом построено коммунистическое общество. Было намечено выйти к этому времени на первое место в мире по уровню производительности труда и выпуску продукции на душу населения, по уровню жизни населения. Через 20 лет предстояло свести к минимуму или совсем отменить все товарно-денежные отношения в экономической жизни, преобразовать «социалистическую государственность в общественное коммунистическое самоуправление», воспитать «нового человека», соответствующего высоким нравственным идеалам.

Предполагалось, что достаточно быстро отомрут все проявления частной собственности на бытовом, семейном уровне, а потому люди должны ездить на общественном транспорте или брать автомашины напрокат, а не покупать их в личное пользование, отдыхать в домах отдыха или пансионатах, а не на личных дачных участках и т.п. Все это должно было воспитывать в людях стремление к всеобщему равенству и коллективизму. Ожидалось, что к 1980 г. ряд продуктов питания будет распределяться бесплатно, бесплатным станет проезд в общественном транспорте, проживание в муниципальном жилье и т.п.

Эти и другие представления экономического примитивизма, заложенные в программе, должны были усилить у людей веру в светлые идеалы, вызвать всплеск энтузиазма широких слоев населения. Но зачастую эффект от этих планов был обратным, и порождал у народа стремление к социальному иждивенчеству, создавал иллюзию близкого абсолютно бесплатного пользования всеми материальными и духовными благами, не связанного с затратами труда каждого отдельного человека.

Большие изменения произошли во время хрущевского десятилетия и во внешнеполитической деятельности. На XX съезде партии были сформулированы новые принципы в международных отношениях, в частности признана возможность многовариантного пути построения социализма в различных странах. Тем самым подтверждался особый путь развития Югославии и других стран. Но, несмотря на это признание, Советский Союз продолжал навязывать свои стереотипы восточноевропейским странам, в результате чего в Венгрии, Германии, Польше резко обострились антисоциалистические настроения. Потребовалось военное вмешательство СССР, чтобы навести «порядок» в Венгрии осенью 1956 г., а в Германии построить «Берлинскую стену» (1961 г.), разделившую на долгие годы немецкий народ. Ухудшились отношения с Китаем и Албанией, чье коммунистическое руководство было недовольно критикой «культы личности» на XX съезде КПСС.

На этом съезде была также подтверждена необходимость мирного сосуществования стран с различным общественным строем. Исходя из этого

принципа, Советский Союз стремился договориться с ведущими западными странами о взаимном разоружении, о сокращении численности вооруженных сил. В одностороннем порядке была сокращена численность Советской армии: от 5,8 млн чел. (1955 г.) до 2,5 млн чел. (1960 г.). Особенно остро стоял вопрос об ограничении испытаний ядерного оружия. В 1963 г. в Москве был подписан Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех сферах: в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Этот договор подписали представители СССР, США и Великобритании.

Правда, западные страны не очень доверяли Советскому Союзу, поэтому во всем мире продолжалась гонка вооружений. Да и Советский Союз развертывал свои новые военные программы по строительству атомных подводных лодок, оснащению армии и флота межконтинентальными ракетами с ядерными боеголовками, размещал свои военные базы в странах «третьего мира». Особая напряженность в мире возникла после ввоза на Кубу Советских ядерных ракет, в результате чего осенью 1962 г. возник карибский кризис, поставивший мир на грань ядерного конфликта, который удалось разрешить путем переговоров лидеров США и СССР.

Такая непростая внешнеполитическая обстановка не давала Советскому Союзу возможности снизить военные расходы, а также расходы на поддержание военно-политического блока социалистических стран – Организации Варшавского Договора.

5.4. Итоги номенклатурной «либерализации»

К середине 1960-х гг. был достигнут предел на пути частичного совершенствования командно-административной системы. Дальше надо было решиться на более кардинальные перемены во всех сферах жизни, но политическое руководство страны уже не смогло этого сделать. «Лимит времени», отпущенный Н.С. Хрущеву, был исчерпан, как был исчерпан и его собственный политический и интеллектуальный потенциал.

Знаменательно, что Н.С. Хрущев, как и многие политические деятели современности, был гораздо популярнее на международной арене, нежели у себя в стране. Это было связано, прежде всего, с тем твердым курсом, которым следовал Советский Союз в международной политике, с поворотом от конфронтации к разрядке, к налаживанию диалога. Именно с личностью Н.С. Хрущева на Западе связывали крепнущее мнение о том, что с русскими можно договориться по многим позициям.

Но внутри страны Н.С. Хрущев становился все более непопулярной фигурой, как среди своих соратников, так и среди народа. Партийно-государственный аппарат был недоволен постоянными и непредсказуемыми реорганизациями, которые доставляли массу беспокойства, а преимуществ не давали никаких. К тому же широкие слои общественности

предлагали отменить или сократить привилегии номенклатуры, чтобы не допускать дальнейшую социальную дифференциацию общества, а эта перспектива совсем не устраивала правящий строй.

Наиболее ортодоксальные партийные руководители полагали, что процесс десталинизации, начатый на XX съезде, зашел слишком далеко и угрожал «руководящей роли партии» во всех областях экономической, политической и особенно духовной жизни страны.

Среди недовольных было большое количество военных из-за масштабного и социально необеспеченного сокращения вооруженных сил. Ведь в конце 1950 – начале 1960-х гг. ликвидировались многие высокооплачиваемые генеральские должности, а сотни тыс. офицеров были буквально брошены на произвол судьбы. Росло недовольство среди интеллигенции из-за постепенного запрета на либерализацию духовной жизни и постоянного вмешательства партийных органов в творческую сферу.

Рабочие и крестьяне устали от шумной борьбы за «светлое будущее» при постепенном ухудшении повседневной жизни. Рабочие были недовольны ростом цен и снижением тарифных ставок. Крестьяне возмущались бесконечными «экспериментами» в сельском хозяйстве, которые так и не смогли привести к эффективному функционированию аграрного сектора, импортом продуктов питания, которые страна вполне способна была произвести сама.

Все это помогло партийно-государственной номенклатуре без особых усилий избавиться от Н.С. Хрущева. На октябрьском (1964 г.) Пленуме ЦК он был обвинен в волюнтаризме и субъективизме и отправлен на пенсию. Было признано нецелесообразным впредь совмещать в одном лице партийно-государственные посты. Первым секретарем ЦК партии стал Л.И. Брежнев (1906–1982 гг.), а Председателем Совета Министров СССР – А.Н. Косыгин (1904–1980 гг.).

Уход Н.С. Хрущева с партийных и государственных постов прошел достаточно тихо, его имя в печати перестали упоминать, только в газетных передовицах неизвестные авторы продолжали упрекать предыдущее руководство страны в «бездумном прожектерстве», «одержимости административными методами», «пренебрежении к научным достижениям» и пр. При этом как бы забывался тот факт, что люди, пришедшие на смену Н.С. Хрущеву, находились рядом с ним и должны были также отвечать за многочисленные «перегибы» во внутренней и внешней политике страны.

6. ЭПОХА «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА» И «ПЕРЕСТРОЙКА»

6.1. Реформа 1965 г.: Сущность и последствия

Проект Директив по восьмому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР (1966–1970 гг.) разрабатывался с большим трудом. Уже в самый разгар работы (1963–1964 гг.) стало ясно, что цифры, заложенные в Программе партии, в том числе и на 1970 г., едва ли выполнимы. Вся партийная пропаганда повторяла, как заклинание, лозунг: «Нынешнее поколение Советских людей будет жить при коммунизме», а экономисты – ученые и практики – бились над тем, как рассчитать пятилетку в соответствии с провозглашенными заданиями, ведь недаром их уже на октябрьском (1964 г.) Пленуме ЦК КПСС назвали волюнтаристскими.

Возникла идея разработать еще один семилетний план на 1966–1972 гг., чтобы как-то замаскировать невозможность выхода на рубежи, определенные XXII съездом партии и чтобы к 1972 г. хотя бы немного превзойти план 1970 г. Но к концу 1964 г. решили все же отказаться от этого и снова вернулись к восьмой пятилетке, в течение которой планировалось увеличить производительность труда в промышленности на 33–35%, прибыль – более чем в два раза. Также намечалось 80% прироста продукции обеспечить за счет увеличения производительности труда (против 62% в седьмой и 72% в шестой пятилетке, по официальным данным).

Было предусмотрено развитие территориально-производственных комплексов (ТПК): Западно-Сибирского, Ангаро-Енисейского, Южно-Таджикского, Тимано-Печорского, Южно-Якутского, Оренбургского и др. Предполагалось уделить первостепенное внимание развитию сельского хозяйства, производству потребительских товаров, росту реальных доходов населения.

Однако осуществить задуманное было невозможно без кардинальных изменений в экономике, а потому остро встала проблема ее реформирования. В сентябре 1965 г. на Пленуме ЦК было принято постановление «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства», в соответствии с которым в стране началась новая экономическая реформа. Было решено упразднить совнархозы и вернуться к отраслевому принципу управления. Были вновь образованы союзно-республиканские и общесоюзные министерства по отраслям промышленности.

Следующим важным направлением данной реформы стало изменение всей системы планирования и экономического стимулирования. Было признано необходимым устранить излишнюю регламентацию хозяйственной деятельности предприятий. Для этого сократили число плановых показателей, устанавливаемых сверху. В отличие от прежней системы,

сориентированной на рост производства валовой продукции, теперь главным показателем становился рост объемов реализованной продукции предприятия. Предусматривалось, оценивать итоги хозяйственной деятельности по полученной прибыли (рентабельности производства) и выполнению заданий по поставкам важнейших видов продукции.

Среди обязательных показателей устанавливались еще и такие: основная номенклатура продукции, фонд заработной платы, платежи в бюджет и ассигнования из бюджета, показатели по объему централизованных капиталовложений и вводу в действие производственных мощностей и основных фондов, задания по внедрению новой техники и материально-техническому снабжению. Все остальные показатели хозяйственной деятельности предстояло устанавливать предприятиям и организациям самостоятельно, без утверждения в министерствах и ведомствах.

В соответствии с постановлением было решено расширять экономические права предприятий, развивать прямые связи между производителями и потребителями на принципах взаимной материальной ответственности и заинтересованности. Предлагалось внедрять в практику отношения, основанные на хозяйственных договорах между предприятиями.

Для повышения роли экономического стимулирования была сделана попытка усовершенствовать систему ценообразования в пользу низкорентабельных производств. Дело в том, что в Советской экономике наряду с высокоприбыльными заводами и фабриками всегда существовало множество убыточных предприятий (например, вся угольная промышленность). Зачастую на некоторых высокоприбыльных предприятиях имелись участки, выпускавшие необходимую для населения, но убыточную продукцию. Поэтому предприятия сами не хотели выпускать эти изделия и всячески старались от них избавиться. В связи с этим усиливалось значение таких инструментов, как цена, прибыль, премия, кредит, которым возвращали их исходное значение. Предполагалось улучшить систему оплаты труда, увязать ее не только с централизованным повышением тарифных ставок, но и с материальным стимулированием работников за счет использования части доходов предприятия, увязать оплату труда с общими итогами работы.

На предприятиях за счет прибыли разрешалось создавать (по определенным нормативам) три фонда экономического стимулирования: материального поощрения, социально-культурных мероприятий и жилищного строительства и фонд развития производства. За счет этих фондов можно было премировать работников в соответствии с трудовыми показателями, строить жилье и учреждения культурно-бытового назначения, расширять производство. Все это называлось хозяйственным расчетом.

Это означало, что предприятиям предоставлялась оперативно-хозяйственная самостоятельность (в установленных пределах), что они должны работать на принципах окупаемости, рентабельности, материальной заинтересованности и материальной ответственности за достигнутые

результаты, в условиях денежного контроля со стороны государства за использованием материальных, финансовых и трудовых ресурсов. Считалось, что новые принципы планирования и экономического стимулирования должны создавать у коллективов заинтересованность в принятии более высоких плановых заданий, более полного использования факторов производства, достижений научно-технического прогресса, повышения качества продукции.

Хозяйственная реформа началась очень активно. Уже в январе 1966 г. на новые условия работы переведены первые 43 предприятия в 17 отраслях промышленности. В октябре 1965 г. было утверждено Положение о социалистическом государственном предприятии, в котором закреплялись его права в области производственно-хозяйственной деятельности, строительства и капитального ремонта, в области материально-технического снабжения, финансов, труда и заработной платы, а так же круг обязанностей и степень ответственности за их нарушения.

Заметно изменились отношения между предприятием и государством. Была введена плата за производственные фонды, земельные и водные ресурсы. Разрешалось реализовывать излишнее оборудование другим предприятиям. Устанавливалась зависимость между размерами производственных фондов предприятия и его взносами в государственный бюджет, чтобы заинтересовать предприятие в лучшем использовании этих фондов.

Произошли заметные изменения и в системе ценообразования: оптовые цены стали более объективно отражать реальные производственные затраты и предприятия уже могли получать прибыль от реализации своей продукции. Из этой прибыли предприятия должны были вносить в бюджет плату за производственные фонды, фиксированные (рентные) платежи, а также могли образовывать свои поощрительные фонды.

Для предприятий, переведенных на новую систему хозяйствования, был установлен государственный Знак качества для важнейшей серийной и массовой продукции. Этот знак подтверждал стабильность качества данного изделия, высокую культуру производства и др.

В 1967 г. на новые хозяйственные условия стали переводить целые отрасли промышленности, и к концу года работали по новому уже 15% предприятий, на долю которых приходилось 37% промышленной продукции. Вскоре на новый порядок планирования и экономического стимулирования стали переходить предприятия строительства и торговли.

В рамках хозяйственной реформы были сделаны конкретные шаги по повышению производительности труда и материальной заинтересованности коллективов предприятий в результатах своей работы. Так, в 1967 г. возник Щекинский эксперимент, по которому химкомбинату в г. Щекино Тульской области определили стабильный фонд заработной платы на 1967–1970 гг. Вся экономия этого фонда, полученная за счет роста производительности труда и сокращения, работавших на комбинате людей, поступала в

распоряжение трудового коллектива. В первые два года работы по новой схеме заметно увеличилась выработка на каждого работника, выросла заработная плата. Высвобождаемые люди переводились на новые мощности. Всего за два года было высвобождено 870 чел. За счет прибыли комбината в городе было построено жилье, предприятия культурно-бытового назначения.

Щекинский опыт стали распространять по стране, но процесс этот шел медленно. Через два года на этот метод перешли лишь 200 предприятий. Постепенно эксперимент стал глохнуть. На самом комбинате стали увольнять не только работников второстепенных профессий, но и ведущих специалистов. Все больше средств из прибыли изымалось в вышестоящие организации, комбинату стало просто невыгодно работать на полную мощность, и через несколько лет эксперимент закончился. И дело здесь не во всеобщем консерватизме и непонимании новшества, а в том, что все это не вписывалось в суть командной экономики.

Хозяйственная реформа затронула и сельское хозяйство. В марте 1965 г. на Пленуме ЦК КПСС была поставлена задача устранить негативные последствия хрущевских экспериментов на селе. Отменялись обязательные повсеместные посевы кукурузы, больше внимания стало уделяться центральным, черноземным и нечерноземным районам страны, восстанавливались приусадебные участки и т.д.

Менялась система закупок сельскохозяйственной продукции: вводились твердые (неизменные) и сравнительно низкие планы заготовок на несколько лет вперед до 1970 г. включительно. Повышены закупочные цены на пшеницу, рожь и другие культуры, предусматривалась дифференциация цен по различным зонам и районам страны. При сверхплановой продаже зерна государству устанавливалась надбавка в 50% к основной закупочной цене (так называемая полуторная цена). Принимались меры по укреплению хозяйственного расчета в сельскохозяйственных предприятиях.

Резко усилилось финансирование аграрного сектора. В 1966–1980 гг., по официальным данным, туда было направлено 383 млрд руб., что составляло 78% всех капиталовложений в сельское хозяйство за все годы Советской власти. За счет этих средств началось осуществление грандиозных программ по комплексной механизации, электрификации сельского хозяйства, мелиорации и химизации почв.

В 1960-х гг. вновь возродилась идея об организации системы сельскохозяйственных звеньев с целью усиления заинтересованности работников в результатах их труда. Предполагалось перейти от крупных бригад (до 100 чел.) к небольшим звеньям, которые отвечали бы за весь технологический цикл, а оплата производилась в зависимости от количества и качества произведенной продукции.

Так, в Краснодарском крае хлебороб Владимир Первицкий со своим звеном в десять человек стал получать урожай зерна в два-три раза выше,

чем работавшие на аналогичных участках большие бригады. Еще более удивительный эксперимент был предпринят в Казахстане. Там Ивану Худенко разрешили внедрить новую систему оплаты труда в одном из целинных районов. Вся работа распределялась между небольшими хозрасчетными звеньями, к которым предъявлялось одно требование: произвести установленный объем продукции к определенному сроку, при этом заработная плата выплачивалась без ограничения по достигнутым результатам. Итоги работы в течение нескольких лет были поразительными: производительность труда превысила средний уровень почти в 20 раз, затраты на производство зерна сократились в четыре раза, заработная плата выросла в четыре раза, а прибыль на одного работающего – в семь раз. Расчеты, сделанные И. Худенко, подтверждали, что введение такой системы по всей стране позволит увеличить в несколько раз производство зерна, сократив при этом число занятых в сельском хозяйстве с 35 до 5 млн чел.

Советская пропаганда широко освещала опыт И. Худенко. Но постепенно стало ясно, что распространение этого почина приведет к коренной реформе не только колхозов и совхозов, но и всей экономики, где не будет места командной системе. И. Худенко был арестован и осужден за «хищение государственного имущества в крупных размерах» к длительному тюремному заключению, где он и умер в 1974 г.

И все же итоги восьмой пятилетки были достаточно обнадеживающими. Сблизились темпы роста производительности труда и средней заработной платы работников, занятых в промышленности. Заметно вырос удельный вес интенсивных факторов в общем приросте национального дохода страны с 34% в 1966 г. до 40% в 1970 г. Именно в годы восьмой пятилетки введены в строй уникальные промышленные объекты: Западно-Сибирский и Карагандинский металлургический комбинаты, Красноярская ГЭС, началось создание Тюменского нефтегазодобывающего комплекса.

В 1967–1971 гг. на Волге в г. Тольятти (ныне Самарской обл.) был построен Волжский автомобильный завод (ВАЗ, АвтоВАЗ). Продукция этого завода – легковые автомашины марки «Жигули», «Самара», «Лада», «Нива» – была призвана заполнить, практически, пустую нишу легковых автомобилей малого класса, поскольку в те годы Советский Союз почти не импортировал легковые автомобили. Отечественных автомобилей марки «Москвич» (начало выпуска – 1946 г.) и «Запорожец» (1960 г.) производилось совсем недостаточно, чтобы насытить ими растущий спрос населения. Автомобили же марки «Волга» (1956 г.) Горьковского автозавода почти не поступали в торговую сеть, поскольку в основном распределялись по организациям. Чтобы купить автомобиль, люди годами ожидали своей очереди по спискам, составленным в профсоюзных комитетах своих предприятий и учреждений.

Следует отметить, что в годы восьмой пятилетки в некоторой степени были решены проблемы с производством потребительских товаров: обуви, радиотоваров, мебели, холодильников, основных продуктов питания и др.

Чем можно объяснить прогрессивные перемены в экономике? Влияние реформы, конечно же, было большим, но не решающим, тем более что очевидные улучшения в экономике произошли именно в первой половине восьмой пятилетки, когда массовый переход на новую систему только начинался. Истинная причина в другом: в период возврата от совнархозов к министерствам предприятия получили некоторую свободу маневра, какое-то время они не были скованы жесткой регламентацией, что и дало временный положительный результат. Следует отметить также, что к составлению восьмого пятилетнего плана были привлечены профессиональные экономисты, которые стремились заложить в план наиболее оптимальные параметры экономического развития страны.

Но уже в 1968 г. темпы роста заработной платы в промышленности обогнали темпы роста производительности труда, а это означало, что, проводя лишь отдельные незначительные реформы, трудно обеспечить долговременный экономический рост. Хотя некоторый эффект хозяйственной реформы проявился достаточно быстро, но он оказался весьма кратковременным. Если в годы восьмого пятилетнего плана, согласно официальным данным, прирост объемов производства в промышленности по сравнению с предыдущей пятилеткой составил примерно 50%, а в сельском хозяйстве – 21%, то в дальнейшем он стал вновь сокращаться: 43 и 13% соответственно – в годы девятой пятилетки, 24 и 9% – в годы десятой пятилетки, 20 и 6% – в одиннадцатой пятилетке.

Причина этого явления такова. Прежде всего, командная система извратила сами принципы, которые были заложены в основу хозяйственной реформы. Так, например, для предприятий сверху устанавливался один из важнейших показателей – норма прибыли. Выполнить этот плановый показатель можно было двумя путями: снижением производственных затрат или искусственным завышением цен. Первый путь оказался очень трудным для предприятий, так как требовал от руководителей постоянно заниматься совершенствованием организации производства, а это было почти невозможно при использовании отсталой техники. Поэтому многие руководители предпочитали идти по второму пути, тем более что цены устанавливались не на основе рыночного соотношения спроса и предложения, а в высоких кабинетах волевым решением чиновников. Начался постепенный, нигде не афишируемый рост оптовых цен. Только в машиностроении в годы восьмой пятилетки цены выросли более чем на 30%. Уследить за этим ползучим повышением цен не мог даже Госплан, поскольку не имел на то полномочий.

Примеров абсурдности командной экономики можно привести немало. Так, по инструкции Министерства финансов СССР, в госбюджет следовало

платить не за фактически используемые производственные фонды, а за плановые. И даже если предприятие в течение года ликвидировало ненужные ему машины и оборудование, оно все равно было обязано вносить за него плату до следующей ревизии, то есть часть прибыли автоматически уходила в бюджет за несуществующие фонды. В итоге фондовооруженность одного работника постоянно повышалась, а эффективность использования фондов (фондоотдача) падала. С 1965 по 1985 гг. доля оборудования, заменяемого из-за морального и физического износа, сократилась в два раза.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. позитивный потенциал хозяйственной реформы стал исчерпываться, народное хозяйство возвращалось к традиционным источникам экономического роста за счет топливно-энергетического и военно-промышленного комплекса (в рамках ВПК находилось до 80% машиностроительных заводов страны). Не принесли ожидаемых результатов попытки внедрить в массовое производство наукоемкие технологии (радиоэлектронику, информатику, вычислительную технику, биотехнологию и др.). Структура Советской экономики становилась все более нерациональной, однобокой, ориентированной на тяжелую индустрию и не учитывающей потребности людей.

К началу 1970-х гг., когда в экономике еще ощущалось влияние реформы 1965 г., становилось ясно, что она постепенно сворачивается, хотя никто не отменял экономических методов управления, а в партийных документах постоянно подчеркивалась необходимость повышения фондоотдачи, снижения производственных затрат и фондоемкости производства и т.д.

К концу 1970 г. на новую систему хозяйствования из 49 тыс. промышленных предприятий было переведено более 41 тыс., на долю которых приходилось 95% прибыли и 93% общего выпуска промышленной продукции. Была даже сделана попытка перевести на хозрасчетные принципы аппарат Министерства приборостроения, средств автоматизации и систем управления.

Однако все чаще стали появляться различные ограничения и регламентации, что подрывало саму идею хозрасчета. Были введены лимиты на создание фондов экономического стимулирования, сверх которых даже высокорентабельные предприятия не могли увеличивать эти фонды. Всю дополнительную прибыль в виде «свободного остатка» приходилось перечислять в государственный бюджет. Таким образом, хорошо работающие предприятия не поощрялись, а фактически наказывались за высокие результаты. Но на следующий плановый период задания для них устанавливались с учетом этих высоких достижений. Очень скоро под контроль вышестоящих организаций попал и фонд развития производства, который стал включаться в централизованный план распределения капитальных вложений. Тем самым происходило жесткое ограничение полномочий предприятий самостоятельно распоряжаться собственными средствами.

Самым уязвимым звеном хозяйственной реформы, пожалуй, были взаимоотношения относительно самостоятельных предприятий и государственных управленческих структур, действовавших административными методами. Аппарат министерств постепенно разрастался, возникали новые подразделения. Фактическое принятие решений распределялось между многочисленными инстанциями партийно-хозяйственной иерархии, где все документы необходимо было «увязывать» и «согласовывать».

Реформа А.Н. Косыгина была с самого начала обречена на провал, так как она оставляла без изменений глубинные отношения производства – отношения собственности. В реформе были заложены несовместимые принципы: расширение прав предприятий и усиление централизации. Хотя предприятия и становились формально более самостоятельными, они не имели права сами назначать цену на свою продукцию. То же самое произошло и с правом предприятия самостоятельно распоряжаться рабочей силой, нанимать необходимых работников, увольнять лишних или плохо работающих людей. Здесь руководители предприятий столкнулись с яростным сопротивлением профсоюзов и партийного аппарата, боявшихся пробудить малейшие проявления недовольства среди рабочих.

С большим трудом вписывалось в реформу внедрение новых технологий, которые требовали времени на их освоение, обучение рабочих. Ведь при этом могло произойти временное сокращение выпуска продукции, чего не могли допустить управленцы, чтобы не сорвать плановые показатели. Заметному гонению стали подвергаться те ученые, которые пытались в своих разработках найти решение проблем Советской экономики на путях расширения действия закона стоимости и некоторых элементов рыночной экономики, поскольку в их предложениях усматривалась угроза командно-административной системе в целом. Особенно это стало заметно после поражения «Пражской весны» 1968 г.

Итак, экономическая реформа 1965 г. ознаменовала собой наиболее масштабную попытку усовершенствовать социалистическую систему хозяйствования, но эта попытка оказалась половинчатой и не дала заметных и устойчивых результатов.

А в итоге эта реформа, как и все предыдущие, фактически оказалась направленной на продление существования самой командно-административной системы, так как она не отвергала ее основные принципы, без чего попытки реформирования экономики не могли дать нужного эффекта.

6.2. Нарастание кризисных явлений в советской экономике

Постепенно из общепринятого лексикона стало исчезать само слово «реформа», а на его месте появились понятия «улучшение», «совершенствование». И хотя на партийных съездах и пленумах по-прежнему повторялись фразы о необходимости «органического соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства», ведомственный монополизм неизбежно отторгал идеи научно-технического прогресса, все явственнее проявлялись инертность и косность антиреформаторского мышления.

В качестве универсального средства решения всех социально-экономических проблем провозглашалось повышение руководящей роли коммунистической партии, распространение партийного контроля на все сферы жизни общества. В соответствии с решениями XXIV съезда КПСС (1971 г.) в Уставе партии было записано положение о том, что правом контроля за деятельностью администрации наделялись партийные организации не только в сфере производства, но и в научно-исследовательских институтах, учебных заведениях, культурно-просветительских учреждениях и т.д. Чтобы добиться выполнения плана, партийные работники исполняли функции диспетчеров, снабженцев, часто, например, под контроль партийных органов попадали непосредственно хозяйственные связи между предприятиями и т.п. При этом сохранялось абсурдное положение: партия руководит и контролирует, а за неудачи отвечают государственные органы и руководители предприятий.

По всей стране распространилась практика организации различных починов, направленных на достижение небывалых хозяйственных результатов типа: сдать государству 6 миллионов тонн узбекского хлопка, 1 млн т кубанского риса, казахстанский млрд пуд. зерна и др., при этом совершенно не подсчитывались прямые убытки, связанные с невероятным напряжением людских сил, а также нарушением экологии.

Например, на Кубани были загублены огромные площади плодородных земель, на которых партийными директивами предписывалось выращивать рис, в Средней Азии шло обводнение территорий под хлопковые поля, которые впоследствии оказались заболоченными и засоленными. В белорусском и украинском Полесье, в районах Нечерноземья были осушены под пашни сотни тыс. гектаров болот, что привело к обмелению рек, песчаным бурям; урожайность же на новых землях оказалась весьма невысокой. Именно на цели обводнения и осушения земель Министерство водного хозяйства СССР буквально закопало в землю сотни миллиардов рублей, без какого-либо видимого эффекта для народного хозяйства страны.

Или вдруг повсеместно по стране начинались «походы» против «огуречников», «капустников», «цветоводов» и прочих «тепличников»,

которые объявлялись «любителями легкой наживы». У них изымали земельные участки, сносили теплицы, поскольку это считалось проявлением частнособственнических интересов.

Зато больших успехов достигла теневая экономика, которая расцвела пышным цветом на ниве тотального огосударствления хозяйственных структур и ловкого манипулирования дефицитом. Особенно абсурдным было усиление всеобщей дефицитности на фоне совершенно невероятных излишков различных видов сырья и материалов. А поскольку руководители предприятий не могли самостоятельно распоряжаться ненужными ресурсами (продавать их или обменивать), то за них это делали подпольные дельцы, которые выполняли рыночные функции и помогали (но в уродливой форме) поддерживать дееспособность советской экономики, удовлетворять ее потребности. Теневой бизнес, срачиваясь с представителями партийно-государственного аппарата в центре и на местах, контролировал обороты миллиардных средств, не облагаемых налогами.

Теневая экономика была неоднородной по структуре. Сюда можно отнести как строго запрещенную или ограниченную индивидуально-трудовую деятельность (кустарное производство, медицинские услуги, розничную торговлю, частные такси, бытовое обслуживание населения), так и чисто уголовную деятельность, связанную с крупными хищениями товаров и сырья, махинациями с отчетностью, изготовлением на государственных предприятиях неучтенной продукции и ее продажей через государственную торговую сеть, валютные операции и т.д. По различным оценкам, к середине 1980-х гг. в этой сфере экономики было занято примерно 15 млн чел.

В эти же годы руководство страны пыталось уйти от экстенсивного развития экономики, но сделать это становилось все труднее. И хотя официально было заявлено, что страна еще в 1930-х гг. прошла стадию индустриализации, в действительности экономика СССР 1960–1970 гг. не отличалась высоким уровнем технического развития. По-прежнему продолжался процесс перехода от домашних методов труда к машинной технике во всех отраслях материального производства, в то время как промышленно развитые страны уже далеко ушли вперед по пути научно-технического прогресса. Доля занятых тяжелым физическим трудом в промышленности СССР в начале 1980-х гг. составляла ок. 40% (50 млн чел.), в строительстве – 60%, в сельском хозяйстве – ок. 70%, причем темпы его вытеснения с каждым годом снижались.

Для немеханизированных производств были характерны низкий уровень организации труда, нарушения трудовой дисциплины, связанные с пьянством, высокий уровень текучести кадров. Малоквалифицированные и недисциплинированные работники, «подогретые» алкоголем, находясь в состоянии социальной апатии, были равнодушны к результатам своего

труда, не проявляли интереса к техническому прогрессу, не желали серьезных структурных перемен в экономике и политике.

Для прироста каждого дополнительного процента валового внутреннего продукта приходилось затрачивать все больше средств. Если в годы четвертой пятилетки на нужды народного хозяйства направлялось немногим более трети всех бюджетных ассигнований, то в одиннадцатой пятилетке – уже 56%. Постепенно сокращались ассигнования на социально-культурные программы: с 37,4% в 1970 г. до 32,5% в 1985 г.

Большое напряжение испытывала экономика с людскими ресурсами. Из-за постоянного снижения рождаемости заметно уменьшалась доля молодежи, впервые приходящей в общественное производство: с 12 млн чел. в 1971–1975 гг. до 3 млн чел. в 1981–1985 гг. Стоимость незанятых рабочих мест на предприятиях страны достигла 12% общей стоимости основных производственных фондов, что представляло угрозу для нормального функционирования промышленности. На новых заводах и фабриках просто физически некому было работать. К примеру, в те годы были построены огромные прядильно-ткацкие производства в Средней Азии, на которые привозили рабочую молодежь из центральных регионов России, Украины, Молдавии, поскольку местные обычаи строго ограничивали работу незамужних девушек на предприятиях. В итоге в начале 1980-х гг. образовалось ок. 32 млн «лишних» рабочих мест. Причем одновременно проявлялась как острая нехватка рабочей силы в одних регионах страны, так и ее избыток в других.

В стране усиливалась массовая миграция людей из деревни в город. Если в 1959 г. население городов составляло 47,9%, то в 1981 г. – уже 63,4%. Перемещение сельской молодежи в большие города, на грандиозные «стройки века» усиливало формирование огромного слоя людей с маргинальной «общежитской» субкультурой. Для этих новых горожан не создавалась нормальная социальная инфраструктура, что порождало у них чувство обделенности, неполноценности и приводило к различным антиобщественным поступкам. Молодежь зачастую попадала в жесткие условия полукрепостной зависимости от начальства из-за прописки, очереди на жилье и т.д. (типа бесправных московских лимитчиков), соглашаясь на неквалифицированную работу во вредных условиях. Но для руководителей предприятий это было дешевле, нежели внедрять в производство новую технику. В данном случае бюрократия от имени государства выступала в роли монопольного работодателя, именно в ее руках были сосредоточены все социальные блага.

Одной из форм надвигающегося застоя в экономике была практика манипулирования информацией, подтасовки данных в расчетах, проектах, отчетах. Так, первоначально стоимость строительства Камского автозавода по производству большегрузных автомобилей (КамАЗ) в г. Набережные Челны, введенного в строй в 1981 г., составляла 1,8 млрд руб. В такую сумму

оценили эту стройку в недрах Министерства автомобильной промышленности, хотя всем было ясно, что эта цифра гораздо ниже будущих фактических затрат. И действительно, стоимость строительства составила (по разным источникам) от 5 до 20 млрд руб. Дополнительные средства для завершения сооружения КамАЗа впоследствии изымались из других отраслей, в частности из легкой промышленности. Аналогичная ситуация была при оценке будущих затрат по строительству Байкало-Амурской магистрали (БАМ) и других объектов.

И хотя десятая пятилетка была провозглашена «пятилеткой эффективности и качества», результаты работы оказались весьма скромными. Структура экономики оставалась такой же, какой она была в 1930–1950-х гг., то есть с преобладанием тяжелой, фондоемкой промышленности. Добыча природных ресурсов перемещалась в суровые и труднодоступные районы Севера и Сибири, поэтому постоянно возрастали затраты на доставку сырья в места их переработки. Огромные капиталовложения стали направляться в нефти и газодобывающие районы Западной Сибири: Надым, Новый Уренгой, Нефтеюганск, Нижневартовск, Самотлор, Сургут, Уренгой, Ямбург и др. На их освоение были брошены людские ресурсы со всех республик страны. С затратами на сооружение собственно нефтегазового комплекса не считались, в то время как на объекты социально-культурного назначения денег и времени обычно не хватало. Был провозглашен лозунг: «Нефть любой ценой». В результате невероятных усилий в 1980-х гг. Западная Сибирь стала давать более 10% мирового объема добычи нефти и газа.

В начале 1970-х гг. в результате мирового сырьевого и энергетического кризиса цены на западных рынках на энергоносители резко возросли (в среднем почти в 20 раз). Поэтому было принято решение форсировать поставки нефти и газа на Запад. За период с 1960 по 1985 гг. доля топлива и сырья в Советском экспорте поднялась с 16,2 до 54,4%, а доля машин и сложной техники упала с 20,7 до 12,5% (причем основной удельный вес в экспорте занимала военная техника и вооружение). Внешняя торговля СССР стала все больше приобретать ярко выраженный «колониальный» характер. Доходы от реализации нефти и нефтепродуктов в 1974–1984 гг., по самым скромным подсчетам, составили 176 млрд инвалютных руб., в страну буквально хлынул поток нефтедолларов. Можно сказать, что это был прямой заем брежневской администрации у будущих поколений.

Но следует отметить, что эти баснословные средства оказали очень скромное влияние на развитие экономики страны. Затратный механизм перемалывал эти деньги, которые вкладывались в осуществление дорогостоящих бесперспективных и экологически вредных долгостроев (Астраханский газоконденсатный комбинат, газо-химический комплекс «Генгизполимер», канал Волга – Чограй в Калмыкии и др.). Нефтедоллары замораживались на десятилетия в незавершенном строительстве, тратились на закупку импортного оборудования, которое потом оседало на складах, а то

и просто оказывалось под открытым небом. Так, стоимость только учтенных запасов неустановленного импортного оборудования по всей стране к началу 1989 г. составила 4,6 млрд руб.

Огромные средства уходили на содержание быстрорастущего бюрократического аппарата. К 1985 г. в стране насчитывалось ок. 18 млн управленческих работников и чиновников различного уровня, или шестая часть всех занятых. Большая часть нефтедолларов просто «проедалась», шла на покупку за рубежом продуктов питания, в основном зерна, товаров народного потребления (обуви, одежды).

Однако к середине 1980-х гг. поступления от эксплуатации нефтяных месторождений стали сокращаться, поскольку многие промышленно развитые страны сумели перевести свою экономику на энергосберегающие технологии, в результате чего спрос на нефть снизился, цены на мировом рынке начали падать, что не замедлило отрицательно сказаться на развитии Советской экономики.

Сложилась противоречивая ситуация и в ядерной энергетике. С одной стороны, после долгих дискуссий и сомнений сформировалось мнение о том, что следует ускорить строительство атомных электростанций (АЭС). Многие ученые выступали в средствах массовой информации с обоснованием абсолютной безопасности «мирного атома». С другой стороны, проектирование и сооружение АЭС поручалось не самым компетентным коллективам и без учета вполне возможной опасности в процессе их эксплуатации. Все производство оборудования для АЭС было поставлено на поток.

В Волгодонске Ростовской области был построен огромный завод «Атоммаш» (первая очередь завода введена в строй в 1978 г.), где началось производство ядерных реакторов для АЭС. Технология и квалификация работников многих предприятий по производству этих специфических электростанций были далеки от требуемых стандартов, а у строителей и эксплуатационников АЭС зачастую присутствовала эйфория по поводу их абсолютной надежности, что сыграло определенную роль в чернобыльской трагедии 1986 г.

Наряду с постоянными декларациями о необходимости развития отраслей, определяющих научно-технический прогресс, эти отрасли так и не заняли ведущее место в структуре народного хозяйства. И хотя доля машиностроения, металлообработки, химической и нефтехимической промышленности, электроэнергетики в валовой промышленной продукции выросла с 25% в 1970 г. до 38% в 1985 г., это было еще очень далеко от уровня ведущих промышленно развитых стран, где она составляла 55–65%.

В 1979 г. была сделана еще одна попытка правительства А.Н. Косыгина реформировать экономику, покончить с пресловутыми валовыми показателями. Для этого был установлен показатель нормативно-чистой продукции, по которому предприятия должны были учитывать только стоимость продукции, созданной на данном предприятии, без учета затрат на сырье,

материалы и пр. Предполагалось, что это нововведение будет стимулировать внедрение новой техники, повышение качества продукции, заставит отказаться от деления продукции на выгодную и невыгодную. Но это не предполагало радикального реформирования командно-административной системы, а было направлено всего лишь на ее очередную модернизацию. Попытки одновременного усиления хозрасчета и адресного директивного планирования, активизации экономических стимулов при ограничении прав предприятий не могли обеспечить экономике серьезных позитивных результатов.

Постепенно нарастала целая система блокирования экономических рычагов регулирования пропорционального развития отраслей, в результате чего окончательно сформировался механизм социально-экономического торможения. Среднегодовой объем произведенной продукции в стране (в натуральном выражении) за 1979–1982 гг. оказался на 40% ниже по сравнению с 1978 г. Дополнительные поставки на экспорт энергоносителей и сырья не позволяли устранить всеобщую разбалансированность.

В то же время официальная статистика постоянно твердила об успехах «развитого социализма», не отражая в отчетности ни инфляции, ни штурмовщины, ни крайне низкого качества продукции, ни провалов пятилетних планов. Из года в год газеты пестрели одними и теми же лозунгами: «Все на заготовку кормов», «Посеем в лучшие сроки», «Битву за урожай – выиграем», «Подготовим города к зиме» и т.п. Социалистическая система ежегодно оказывалась не в ладах с природой, страна не успевала убрать урожай, подготовиться к очередному зимнему сезону, словно морозы и снегопады у нас случались так же редко, как в Сахаре. Одним из самых распространенных и навязчивых штампов тех лет был такой: «Экономика должна быть экономной!». Специалисты понимали абсурдность этой фразы, поскольку плановая экономика по своей сути была затратной, к тому же ориентированной преимущественно на экстенсивный тип развития.

Партийные комитеты на всех уровнях – от предприятий до ЦК – занимались пропагандой все новых и новых починов, всевозможных форм социалистического соревнования, многочисленных «новаторов», якобы выполнявших в год несколько годовых норм или «три пятилетки – в одну». Звучали призывы к молодежи ехать на великие стройки, которые потом оказывались просто ненужными. Постоянно повторялся неосуществленный призыв первых пятилеток: «Вот выполним этот план (программу) и будем жить хорошо, счастливо». Но счастливая жизнь все не наступала.

В ноябре 1982 г. после смерти Л.И. Брежнева, Генеральным секретарем ЦК КПСС стал Ю.В. Андропов (1914–1984 гг.). Свою деятельность на этом посту он начал с того, что практически полностью поменял руководителей министерств, секретарей обкомов и ЦК союзных республик, решительно взялся за укрепление дисциплины. Казалось, что, заменив одних бюрократов на других, разоблачив прогульщиков, лодырей, взяточников, в

стране можно будет установить порядок. Повсеместно среди белого дня стали отлавливать людей на улицах, в магазинах, в кинотеатрах, чтобы выяснить, почему они не на работе что, в конечном счете, являлось нарушением прав человека. К нарушителям трудовой дисциплины применялись различные меры: снижение заработной платы, лишение премий, отдаление очереди на получение жилья; все это приводило к ухудшению материального положения семьи нарушителя.

Для поднятия популярности нового руководителя страны даже была снижена цена на водку, прозванную тут же «андроповкой».

Мероприятия по наведению порядка и дисциплины дали некоторый экономический эффект. Согласно официальным данным, темпы роста экономики в 1983 г. составили 4,2% (против 3,1% в 1982 г.), национальный доход увеличился на 3,1%, промышленное производство на 4%, производство сельскохозяйственной продукции на 6%. Правда, здесь не указано, какая доля роста пришлась на обычные приписки, а какая – на скрытое повышение цен. Одно бесспорно: командные методы руководства экономикой помогали достижению только временного успеха, но не способствовали устойчивому развитию экономики.

В экономике продолжали нарастать негативные процессы. Промышленные предприятия работали в условиях постоянной неритмичности поставок сырья и материалов. Особенно большая неритмичность в течение года ощущалась в строительстве. Как правило, в первом квартале вводилось в действие ок. 10% мощностей, намечаемых к вводу на этот год. Но в это время шла работа на объектах предыдущего г. Во втором и третьем кварталах вводились по 20% мощностей, а на четвертый квартал оставалось 50%. В 1987 г. неритмичность составляла следующую картину: в первом – третьем кварталах было введено лишь 27% от плана, а на четвертый квартал оставалось 73%, которые, конечно же, ввести, полностью не удалось.

Железнодорожный транспорт лихорадило, поезда ходили с большим опозданием. Бюджетные «дыры» затыкались средствами сберегательных касс, то есть за счет населения, а также международными кредитами. На сессии Верховного Совета СССР ежегодно принимался закон о государственном бюджете и утверждался отчет о его исполнении. Причем каждый раз министр финансов докладывал о превышении доходов над расходами. И только в разгар гласности все узнали о том, что в стране уже длительное время существовали крупный бюджетный дефицит, инфляция, денежная эмиссия и прочие негативные финансовые явления. Время от времени по стране гремели, скандальные уголовные дела («узбекское», «сочинское», «рыбное» и др., что было связано с хищением государственной собственности), в которых были замешаны руководители самого высокого ранга. Впрочем, все эти разоблачения не затрагивали коренных пороков социализма.

Как уже отмечалось, аграрный сектор Советского Союза традиционно давал средства для обеспечения более или менее сносного функционирования других отраслей директивной экономики. Но в 1970-х гг. этот источник стал иссякать, поскольку положение в сельском хозяйстве становилось все более сложным. Не помогали и огромные ассигнования в сельское хозяйство, немалая часть которых, кстати, тут же выкачивалась обратно в казну за счет искусственно повышаемых цен на сельскохозяйственную технику и на строительство производственных объектов на селе (в среднем за 1965–1980 гг. эти цены выросли в 4 раза). Другая часть ассигнований уходила в буквальном смысле в песок: в строительство грандиозных и малоэффективных животноводческих комплексов, в непродуманную мелиорацию и химизацию почв.

По-прежнему большую роль в обеспечении населения продуктами играли подсобные хозяйства, занимавшие ок. 1% обрабатываемых земель. По официальным данным, в 1978 г. в подсобных хозяйствах было произведено 61% картофеля, 29% овощей, 29% мяса и молока, 34% яиц. Начиная с 1978 г., в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР стало всячески поощряться развитие личных подсобных хозяйств, как в деревне, так и в городе. Крупные предприятия, учреждения, воинские подразделения должны были создавать собственные подсобные хозяйства для обеспечения продовольствием своих рабочих и служащих.

В 1982 г. по инициативе секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству М.С. Горбачева была принята очередная амбициозная и нереальная Продовольственная программа, выполнение которой провозглашалось всенародным делом, но ее судьба была такой же, как и многих других, ранее принятых программ. Намечалось, что среднегодовой сбор зерна возрастет в 1981–1985 гг. до 238–243 млн т, но в действительности он составил всего 180 млн т, что оказалось на 25% ниже, чем в среднем за годы десятой пятилетки. Кроме того, постепенно началось сокращение пахотного клина страны из-за расширения объектов промышленности и инфраструктуры, военных полигонов.

Страна, обладая самыми богатыми в мире черноземами, превратилась в крупнейшего мирового импортера зерна. Зерно закупалось в США, Канаде, Австралии, Аргентине и других странах. В 1972 г. СССР закупил в США 18 млн т, в 1979 – 25 млн т, а в 1985 г. было закуплено 44,2 млн т зерна. Согласно ранее заключенному договору,

СССР мог закупать и дальше в течение пяти лет ежегодно 15 млн т без специального разрешения американского правительства, что означало признание краха Советской аграрной политики. Поразительный факт: тонна зерна, закупленная в США, обходилась в два раза дешевле, чем ее производство в Советском Союзе.

Неспособность сельского хозяйства прокормить население своей страны указывала не только на внутренние пороки Советской системы, но и на

общую социально-экономическую отсталость. Так, в 1970-х гг. в сельском хозяйстве США было занято 2,5–3% населения, а в СССР – 25%. В 1970 г. один работник Советского сельского хозяйства производил 4,5 т зерна, 320 кг мяса и 2,8 т молока в год, в то время как один американский работник производил 54,7 т зерна, 4570 кг мяса, 11,8 т молока в год. Производительность труда в середине 1970-х гг. в сельском хозяйстве США была в 4-5 раз выше, чем в СССР.

Около двух десятилетий капитальные вложения в сельское хозяйство составляли 20–27% всех инвестиций страны (в США – 4%). Это свидетельствует, прежде всего, о крайне неэффективном использовании этих средств, о деградации данного сектора экономики. Почвы истощались, урожаи зерна в 1970-х гг. составляли в среднем 14,7 ц. га.

Как уже отмечалось, после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК были значительно повышены закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, что не привело, однако к аналогичному росту розничных цен на продовольствие в государственных магазинах, поскольку эту разницу государство стало покрывать ежегодными субсидиями в среднем по 19 млрд руб. Ничего подобного ни в одной стране не было никогда. Причем в эту сумму не входили гигантские расходы на постоянные закупки зерна за рубежом.

Черненко К.У. (1911–1985 гг.), избранный генеральным секретарем ЦК КПСС в феврале 1984 г., начал свою деятельность также с попыток решения сельскохозяйственных проблем. В октябре 1984 г. была предложена грандиозная программа мелиорации: орошение и осушение миллионов гектаров земли, строительство каналов, переброска «части стока северных и сибирских рек, а также реки Дунай на орошение земель в центральных и южных районах страны, в Зауралье и Западной Сибири». При этом не подсчитывались не только огромные материальные затраты на реализацию этих проектов, но и экологические последствия переброски рек Оби, Иртыша, Енисея, и прежде всего резкое снижение количества воды, выпадающей в Северный Ледовитый океан. Эта программа, сопоставимая по размаху разве что со строительством древнеегипетских пирамид, вполне соответствовала мобилизационному характеру Советского планового хозяйства, позволяя широко использовать огромные отряды малоквалифицированной рабочей силы на очередной «великой стройке коммунизма».

В середине 1980-х гг. все больше стали давать о себе знать так называемые черные дыры, куда приходилось направлять огромные ресурсы. К числу таких «дыр» можно отнести экономику социалистических стран, которая в силу своей неэффективности требовала постоянной помощи в виде заниженных цен на сырьевые и энергетические ресурсы, прямой безвозмездной передачи научно-технических разработок, строительства новых предприятий. Такого рода помощь социалистическим странам составила в 1954–1987 гг. почти 144 млрд долл. Кроме того, Советский Союз оказывал постоянно растущую помощь странам «третьего мира», чьи

просьбы были все настойчивее. За эти годы помощь развивающимся странам превысила 40 млрд долл.

К началу 1980-х гг. состояние экономики СССР продолжало ухудшаться. Так, ежегодный прирост национального дохода страны снизился с 9% в 1965 г. до 2,6% в 1982 г., а промышленного производства – с 7,3 до 2,8%.

Несмотря на очевидные достижения в освоении космоса, в разработке термоядерного оружия и военной техники, Советская экономика в целом заметно отставала от промышленно развитых стран. В структуре народного хозяйства преобладающая роль принадлежала добывающей и топливной промышленности, в этих отраслях находилось до 40% всех производственных фондов и рабочей силы страны. Производительность труда в середине 1970-х гг. в Советской промышленности была в два раза ниже, чем в США. Объем выпуска валового продукта в СССР в 1979 г. составлял не более 60% объема валового продукта США.

Советская экономика была построена таким образом, что повышать производительность труда было просто невыгодно для предприятия, поскольку рост выработки повлек бы за собой повышение плановых заданий на будущий период и снижение фонда заработной платы. В результате на большинстве машиностроительных предприятий численность работников была в 1,3–1,4 раза выше, чем на подобных предприятиях на Западе. Сохранение же излишних рабочих мест создавало лишь видимость полной занятости. И хотя точно соизмерить уровень заработной платы в СССР и в западных странах очень трудно, косвенные данные свидетельствуют о том, что средняя заработная плата в СССР в 1973 г. составила 168,14 долл. в месяц, в то время как во Франции – 361,64 долл., а в США – 606,51 долл.

В то время в Советском Союзе существовало несколько курсов рубля по отношению к другим валютам, в том числе к доллару США. Была создана целая сеть магазинов «Березка», где имели хождение не рубли, а специальные чеки Внешторга, заработанные Советскими людьми за границей или просто купленные с рук около магазинов по особому курсу. Это заставляло людей искать всевозможные пути, чтобы уехать на работу за границу и использовать этот период для приобретения самых необходимых товаров. Но попасть на такую работу могли далеко не все желающие, поскольку существовал очень строгий отбор не только по профессиональному, но и по идеологическому признаку.

На товары длительного пользования (холодильники, телевизоры, ковры, стиральные машины, мебель и др.) существовали особые очереди при магазинах, где надо было регулярно отмечаться в течение нескольких месяцев или лет. Подобные очереди существовали даже в книжных магазинах, чтобы подписаться на собрания сочинений отечественных и зарубежных авторов. Особые списки составлялись на предприятиях и в организациях на приобретение автомобилей. В эти списки вносились в

основном передовики производства, проявлявшие активность в общественной жизни коллектива, а также те, кто сумел добиться расположения начальства. Это позволяло руководителям предприятий манипулировать списками, поощрять людей за хорошую работу или наказывать, исключая их из очереди. Таким образом, возможность совершить какую-нибудь покупку определялась не наличием у людей денег, а совсем иными, порой очень далекими от сферы торговли факторами. Хронический товарный дефицит на большинство потребительских товаров и продовольствие превращал рубль в иллюзорную денежную единицу, на которую нечего было купить.

Всеобщий дефицит выражался и в таком специфическом деле, как подписка на периодические издания. Поскольку в стране при огромных запасах древесины постоянно не хватало бумаги, то подписка проводилась на предприятиях и в организациях с большими ограничениями. К самым популярным изданиям полагалась «нагрузка» в виде обязательных партийных газет и журналов. Это позволяло проводить «линию партии в жизнь», навязывая людям определенные идеологические установки в интересах правящей партийно-государственной элиты. Кстати, товарный дефицит практически не касался номенклатуры. В зависимости от занимаемой должности им определялся объем престижных товаров и услуг, которые были «положены» по чину. Для них существовали особые магазины, где не могли купить товары простые «люди с улицы».

Следует отметить, что в конце 1960 – начале 1970-х гг. произошло некоторое повышение жизненного уровня трудящихся, в том числе и на селе, где колхозники начали получать заработную плату, как и рабочие совхозов. Постепенно средняя заработная плата сельских работников приблизилась к средней по стране и составляла 90% от этого уровня. Начиная с 1965 г., когда отмечалось 20-летие Победы в Великой Отечественной войне (9 мая был объявлен нерабочим праздничным днем), стали вводиться некоторые социальные льготы инвалидам и участникам войны. С 1975 г. началось погашение облигаций государственных займов, приостановленное в предыдущих пятилетках.

Но постепенно к началу 1980-х гг. этот процесс стал замедляться, заметно сократились объемы жилищного строительства. Расходы на здравоохранение составляли 4% от национального дохода (в развитых странах – 10–12%). По уровню потребления на душу населения Советский Союз занимал 77 место в мире. Среди рабочих и колхозников все сильнее проявлялись негативные явления: прогулы, низкая трудовая дисциплина, высокая текучесть кадров, алкоголизм, социальная апатия. По данным социологических опросов, в середине 1980-х гг. в полную силу работала едва ли не треть всех занятых, хотя при должной организации производства они готовы были работать лучше.

Военный бюджет Советского Союза возрастал в 1965–1977 гг. ежегодно не менее чем на 4,5%, составляя примерно 11–13% валового национального продукта. В 1967 г. у Советского Союза было 570 межконтинентальных баллистических ракет, а у США – 1054. В 1979 г. США сохранили это количество ракет неизменным, а Советский Союз увеличил их число до 1409. Состав американской армии за это время сократился с 3,5 млн до 2,06 млн чел., а численность Советской армии выросла с 3,68 млн до 4,19 млн чел. Отметим также, что огромные военные расходы возросли в 1980-х гг. и в связи с вводом в декабре 1979 г. Советских войск в Афганистан, где они оставались почти 10 долгих лет. Это решение стоило стране не только огромных материальных затрат, но и жизни тысяч молодых солдат и офицеров, погибших в этой странной войне. Кроме того, война в Афганистане заметно повлияла на международный престиж Советского Союза, поставив его в ряд стран-агрессоров.

Для поддержания постоянного мобилизационного характера Советской экономики практически ежегодно устанавливалась очередная юбилейная дата, которую следовало встречать высокими достижениями в труде, брать на себя повышенные обязательства, о выполнении которых объявлялось на торжественных собраниях, митингах (сейчас уже трудно сказать, сколько было в этих «трудовых рапортах» приписок и обмана). Одно перечисление таких «круглых» дат занимает немало места: 20-летие Победы (1965 г.), 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции (1967 г.), 100-летие со дня рождения В.И. Ленина (1970 г.), 50-летие образования СССР (1972 г.), 30-летие Победы (1975 г.), 60-летие Октябрьской революции (1977 г.) и т.д., не считая «трудовых вахт» навстречу очередным съездам партии.

В противовес официальной пропаганде в кругах интеллигенции зародилось диссидентское движение, представители которого открыто, критиковали социально-экономическую политику партии и правительства.

Весьма заметным фактом стала публикация в мае 1982 г. газетой «Правда» статьи академика В. Трапезникова, в которой автор отвергал стереотипные объяснения ухудшающейся экономической обстановки – плохие климатические условия, истощение некоторых источников сырья, трудности в освоении новых территорий и т.п. В статье впервые были названы иные причины: низкая эффективность жесткого централизованного планирования, отсутствие материальных стимулов у работников и др. Но ни Ю.В. Андропов, ни К.У. Черненко не решились на радикальное реформирование экономики, опасаясь, что это приведет к ликвидации коммунистической системы. А посему они продолжали держаться прежнего курса, уповая на неиссякаемые богатства страны, долготерпение народа и традиционное «авось».

6.3. «Перестройка» и ее итоги

В марте 1985 г. после смерти К.У. Черненко генеральным секретарем ЦК КПСС был избран М.С. Горбачев, а Председателем Совета Министров стал Н.И. Рыжков. Начался новый и последний этап в истории СССР, получивший вскоре название «перестройка».

Новое руководство страны встало перед необходимостью остановить распад системы «государственного социализма» и защитить интересы правящей номенклатуры. Для этого стали проводиться осторожные реформы всех общественных структур, в том числе и в экономике, поскольку глубокий кризис уже успел охватить основные звенья системы.

К середине 1980-х гг. ВВП в расчете на душу населения составлял ок. 37% от уровня США, что позволяло СССР претендовать на статус лишь развивающейся страны. Прирост производительности труда вплотную приблизился к нулевой отметке. На единицу национального дохода в Советской экономике расходовалось в 1,5–2 раза больше электроэнергии, топлива, металла и других ресурсов, чем в промышленно развитых странах. В сущности, только в военно-стратегической области огромными усилиями поддерживался паритет с США.

Уместно напомнить, что на первых этапах «перестройки» в обществе были сильны многочисленные иллюзии относительно возможности совершенствования социалистической системы. Прежде всего, у большинства политиков преобладало устойчивое мнение о существовании социально-экономических преимуществ социализма перед иными формами организации общественной жизни. Постоянно подчеркивалось широкое единство взглядов всего общества относительно намечаемых реформ, отсутствие сопротивления предстоящим преобразованиям со стороны каких-либо социальных групп. У реформаторов сложилось впечатление, что никто не только не сможет, но и не захочет противодействовать этим преобразованиям. Считалось само собой разумеющимся, что в Советской системе нет и не может быть антагонистических противоречий, кроме «пережитков консервативного мышления». Получила распространение еще одна иллюзия о том, что будущие реформы можно провести быстро и без особых трудностей. Классическим примером воплощения таких иллюзий стала антиалкогольная кампания, проходившая в духе известной «красногвардейской атаки на капитал».

Всем давно было ясно, что алкоголизм чреват большими социально-экономическими проблемами: прогулами, некачественной работой, преступностью, тяжелыми заболеваниями, распадом семьи и пр. Но, с другой стороны, бесперебойная розничная торговля спиртными напитками приносила колоссальные доходы в бюджет.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 мая 1985 г. резко сокращалось производство

и продажа спиртных напитков. Заодно закрывались пивоваренные заводы, сворачивалось производство стеклянных бутылок и т.д. Искусственно создавались «зоны трезвости», пропагандировались безалкогольные свадьбы и иные торжества.

Вроде бы благое начинание довольно скоро обернулось большими потерями. Сначала предполагалось сокращать производство и реализацию алкоголя постепенно и равномерно на 10% в год, чтобы через пять лет уменьшить его выпуск и продажу вдвое. Но этот план выполнили всего за два г., когда были просто вырублены тысячи гектаров виноградников. Уже в 1987 г. сбор винограда в целом по стране сократился по сравнению с ежегодным сбором в 1981–1985 гг. почти на 20%.

Вековую проблему пытались решить в считанные месяцы. В ответ на все запреты в стране увеличилось подпольное самогонование, что, в свою очередь, сократило доходы государственного бюджета. И уже через несколько лет стало ясно, что эта кампания была нелепой и ошибочной. Другим примером нелепостей может служить попытка, с одной стороны, активизации предпринимательства через кооперативную и индивидуальную трудовую деятельность, а с другой, усиления борьбы с нетрудовыми доходами.

В качестве одного из первых шагов по выходу страны из кризисного состояния был провозглашен курс на ускорение социально-экономического развития страны. Этот курс был направлен на достижение ежегодного прироста национального дохода не менее чем на 4%, что было крайне сложно в условиях снижения мировых цен на нефть и продолжающейся гонки вооружений. Для достижения такого роста национального дохода следовало за пятилетие увеличить добычу топлива и сырья на 15%, инвестиции – на 30–40%, вовлечь дополнительно в производство до двух млн чел. Но таких ресурсов у страны не было. Значит, надо было обеспечить существенный рост производительности труда путем внедрения прогрессивного оборудования за счет увеличения темпов роста машиностроения в 1,5–2 раза, для чего было предпринято искусственное нагнетание инвестиций в эту отрасль за счет других секторов экономики.

В это же время зазвучал призыв активизировать «человеческий фактор» как важнейшее условие ускорения. Снова вспомнились ударники и стахановцы, снова стали раздаваться голоса не сводить все к рублю, не дожидаться новой техники, а мобилизовывать «скрытые резервы» и энергию молодежи, добиваться максимальной загрузки имеющегося оборудования в три-четыре смены. Следовало укреплять трудовую дисциплину, поддерживать местных рационализаторов в их усилиях по механизации и автоматизации производства и т.д. Таким образом, М.С. Горбачев и его сподвижники опять обращались к субъективным факторам, стараясь не затрагивать фундаментальные основы системы, сохраняя приверженность «социалистическому выбору».

С целью повышения качества продукции была создана еще одна контролирующая инстанция – Госприемка, которая имела право отвергать

некачественную продукцию, наказывать материально тех, кто был ответственен за брак.

Но очередная ставка на энтузиазм, не подкрепленный передовой техникой и соответствующей квалификацией рабочих, привела не к «ускорению», а к росту количества аварий на производстве, в том числе на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 г., которая стала крупнейшей аварией в использовании «мирного атома» (причем Советское правительство несколько дней ничего не сообщало о катастрофе, пока шведские наблюдатели не зарегистрировали колоссальное повышение уровня радиации над своей страной и не забили тревогу).

Первоначально «перестройка» увязывалась с концепцией совершенствования хозяйственного механизма, то есть с предоставлением предприятиям большей самостоятельности в развитии производства, обновлении продукции, материальном стимулировании работников в зависимости от финансовых результатов работы предприятия. Таким образом, государственные предприятия должны были перейти на полный хозрасчет и реализовать то, что не было сделано в 1965 и 1979 гг. Предполагалось перестроить систему материально-технического снабжения, ценообразования, финансирования. Но при этом оставалось обязательным одно условие: незыблемость социалистической (государственной) собственности. По-прежнему в экономике не предусматривалось появление реального собственника на микроуровне, а также механизма установления равновесия между спросом и предложением.

Собственно говоря, экономическая «перестройка» началась с июня 1987 г., когда был принят Закон о государственном предприятии, по которому руководителям и коллективам государственных предприятий были предоставлены исключительно широкие полномочия, в частности, право самостоятельного выхода на внешний рынок, осуществления совместной деятельности с иностранными партнерами и др. На практике этот закон предоставил предприятиям большую свободу распоряжаться своей прибылью: вкладывать ее в производство или повышать заработную плату работникам. Многие предприятия пошли по второму пути, что было заведомо проигрышным вариантом, так как не обеспечивало наращивания в перспективе научно-технического потенциала. К тому же вместе со свободой не появлялась рыночная дисциплина, в соответствии с которой убыточные предприятия следовало закрывать, а выпуск продукции, не пользующейся спросом, прекращать. Советское правительство боялось вводить такую дисциплину из-за угрозы безработицы и социальных взрывов.

Был выбран путь «мягкой» бюджетной политики, когда предприятия в любом случае могли получать государственные средства на покрытие убытков и при этом не прилагать усилий для повышения эффективности производства с учетом рыночного спроса. В результате такой политики средний уровень заработной платы в стране возрастал быстрее, чем цены. За 1985–1991 годы реальная заработная плата выросла на 51%, но купить на

эти деньги в магазинах было нечего, так как чем выше были заработки, тем острее ощущался товарный дефицит.

В середине 1988 г. были приняты законы, по которым разрешалось открывать частные предприятия в более чем 30 видах производственной деятельности. В соответствии с этими законами фактически был легализован большой сектор теневой экономики, где, по самым скромным подсчетам, «прокручивалось» до 90 млрд руб. (в масштабах цен того времени), доставшихся их владельцам самыми разными путями, включая уголовно наказуемые.

На всеобщей волне возрождения демократических идей по всей стране распространилось рабочее самоуправление. Стали создаваться Советы предприятий, выбранные на общих собраниях трудовых коллективов, у которых были достаточно большие полномочия, например, право избрания и увольнения директоров. На многих предприятиях проходили кампании по выборам новых директоров. К этим мероприятиям широко привлекалась общественность, их опыт получал освещение в средствах массовой информации. По всему Советскому Союзу шли поиски кандидатур на посты директоров (например, Рижского автомобильного завода). Но в конце 1980-х гг. рабочее самоуправление сошло на нет, а власть снова перешла в руки директоров, которые позже, в 1990-х гг., стали представлять большую экономическую и политическую силу в стране.

Характерным явлением позднесоветского периода было развитие арендных отношений, на которые партийные и государственные руководители возлагали большие надежды в расчете на повышение заинтересованности работников в результатах труда. В соответствии с Законом об аренде (апрель 1989 г.) трудовой коллектив мог взять в аренду у государства свое предприятие, чтобы в дальнейшем приватизировать его путем выкупа по чисто символическим ценам. Арендный сектор стал увеличиваться весьма динамично, и к концу февраля 1992 г. было сдано в аренду более 9,4 тыс. российских предприятий, численность занятых на которых составляла 8% всех работающих в стране. Российское правительство решило приостановить этот процесс и в 1992 г. перестало заключать новые соглашения об аренде.

В 1989–1991 гг. широкое распространение получили новые формы производственных объединений – концерны, корпорации, которые создавались следующим образом: группа государственных предприятий и подразделения отраслевых министерств образовывали некую ассоциацию. Здесь объединялись интересы отраслевых союзных и республиканских учреждений и интересы директоров предприятий. Государственные учреждения стремились сохранить в своих руках вопросы финансирования и поставок, а директора – выгодно приватизировать предприятия через так называемую номенклатурную приватизацию. К концу 1991 г. в России насчитывалось примерно 3076 ассоциаций, 227 концернов и 123 консорциума. Более точно подсчитать их число было очень трудно из-за бесконечного перекрестного владения.

В июне 1990 г. было принято постановление Верховного Совета СССР «О концепции перехода к регулируемой рыночной экономике» и ряд других документов, по которым предусматривалась постепенная демонополизация, децентрализация и разгосударствление собственности, создание акционерных обществ, реформирование кредитной и ценовой политики, системы оптовой торговли оборудованием и сырьем, электроэнергией, развитие частного предпринимательства и т.д. Но все эти документы пронизывала идея построения рыночного социализма(создания рынка в условиях сохранения Госплана), что само по себе являлось утопией. К тому же реализация этих законодательных актов откладывалась на год, поскольку правительство опасалось, что это повлияет на ухудшение обстановки в стране.

В некоторых союзных республиках началась разработка своих экономических программ, представлявших собой альтернативу программам союзного правительства. Прибалтика настаивала на укреплении регионального хозрасчета, что на практике означало отказ этих республик вообще платить налоги в общегосударственную казну и получение полной экономической и политической независимости. Подобное противостояние с центром наблюдалось и со стороны России, где в 1990 г. появилась Программа 500 дней, разработанная коллективом экономистов под руководством академика С. Шаталина и одобренная Верховным Советом РСФСР.

В ней намечалось восстановление частной собственности на все факторы производства, в том числе и на землю, признавался суверенитет союзных республик, предлагались антимонопольные меры и приватизация предприятий, резкое сокращение государственных расходов, в связи, с чем предлагался отказ от строительства крупных промышленных объектов, прекращение помощи другим странам и резкое ограничение военных расходов. Летом и ранней осенью 1990 г. казалось, что М.С. Горбачев действительно принял эту программу. Но партийно-государственная номенклатура испугалась утраты экономической власти, и после некоторых колебаний Программа 500 дней была отклонена. На этом этапе экономическая политика союзного правительства также отличалась крайней непоследовательностью и нерешительностью, что отрицательно сказывалось на экономике, усиливало дисбаланс народнохозяйственной структуры.

В 1988 г. стало ясно, что дела в экономике не улучшаются, заметно растет цена реформ. Более того, впервые прозвучал тезис о неизбежности болезненного характера экономических реформ, о невозможности провести реформы так, чтобы от них все только выиграли. На первом Съезде народных депутатов СССР (май–июнь 1989 г.) в выступлении Н. Шмелева звучал призыв более решительно проводить либерализацию экономики, формировать на этой основе конкурентную среду для отечественных производителей, а для этого использовать золотовалютные резервы, иностранные инвестиции и др. Но от этих предложений правительство Н. Рыжкова категорически отказалось, прикрываясь в основном идеологическими причинами.

Именно в 1988 г. стало более заметным снижение производства в сельском хозяйстве, а в 1990 г. – в промышленности. Продолжала разрушаться финансовая система. В 1989 г. бюджетный дефицит составил 11% ВВП, а в 1991 г. – уже 16%.

Внешний долг к концу 1991 г. превышал 60 млрд долл. Резко выросла инфляция. В 1991 г. она достигла 25% в неделю, что привело к расцвету «черного» рынка и всеобщего дефицита. Золотой запас в 1985–1991 гг. сократился в 10 раз и составил в конце 1991 г. всего лишь 240 т. Добыча нефти сократилась с 560 млн т. в 1989 г. до 461 млн т. в 1991 г.

Одним из важных факторов, повлиявших на ухудшение экономической ситуации, были непомерные военные расходы СССР. На конец 1990 г. в Вооруженных силах страны насчитывалось 4,5–4,7 млн чел. (для сравнения – в китайской армии в это время было 4,1 млн чел.). Число военнослужащих в расчете на 1000 чел. населения составляло у нас 15,6 чел., тогда как в Китае – 3,8, в США – 8,9, Великобритании – 5,5 и т.д. Добиваясь военного паритета с США, СССР производил, тем не менее в конце 1980-х гг. в несколько раз больше танков, БТР, артиллерийских орудий, бомбардировщиков, подводных лодок, ракет малой и средней дальности и др. На нужды армии направлялись миллионы тонн дизельного топлива, и то время как его остро не хватало в сельском хозяйстве.

В 1990 г. за пределами СССР находилось 672 тыс. военнослужащих (у США – 305 тыс.). На территории стран Организации Варшавского Договора были построены аэродромы, убежища, склады, линии связи стоимостью в десятки миллиардов рублей. Кроме того, Советский Союз осуществлял постоянную военную помощь Анголе, Афганистану, Кубе, Никарагуа, Эфиопии, Сомали и другим странам. В целом за 1954–1987 гг. годы эта помощь составила 125 млрд долл.

Официальная статистика упорно сообщала, что на прямые военные расходы в СССР идет не более 7% государственного бюджета, хотя всем было ясно, что вместе с косвенными расходами они составляют до 50% государственного бюджета (для сравнения – 52% госбюджета тратил Советский Союз в 1943 г. в разгар Великой Отечественной войны). Все эти огромные военные затраты существенно подрывали экономический потенциал страны, ведь средства можно было направить на строительство жилья, развитие сельского хозяйства, социальные нужды и т.д. Исходя из «нового политического мышления» и изменившихся международных реалий, Советское руководство предприняло ряд шагов по изменению внешней политики. Было покончено с многолетним делением мира на две противоположные системы – капитализм и коммунизм, что помогло покончить с «холодной войной». Постепенно, начиная с 1987 г., стали заключаться соглашения с США об уничтожении стратегических вооружений. В 1989 г. закончился вывод Советских войск из Афганистана и начался их вывод из стран Восточной Европы, а в 1991 г. была распущена Организация Варшавского Договора. Встал вопрос и о ликвидации Совета Экономической

Взаимопомощи (СЭВ), с его неэффективным, фактически бартерным обменом. И в начале 1991 г. СЭВ был распущен.

Советские руководители открыто признали бессмысленной и разорительной помощь, которая оказывалась различным одиозным диктаторским режимам в странах «третьего мира», выступавшим под социалистическими лозунгами. В то же время Советский Союз стал проявлять интерес к ведущим международным экономическим организациям – Международному валютному фонду, Мировому банку и др. Можно сказать, что М.С. Горбачев, отказавшись от конфронтации во внешней политике, в значительной мере способствовал краху командно-административной системы.

Говоря о непоследовательности в действиях союзного правительства, можно отметить решение Совета Министров СССР (1990 г.) о предстоящем пересмотре цен (то есть об их повышении), о чем во всеуслышание объявил Н.И. Рыжков. Реакция на это заявление была незамедлительной. В считанные дни резко вырос спрос на все товары, и по всей стране распространился тотальный дефицит. На Совет Министров обрушился шквал критики, и правительство отложило пересмотр цен. Другим примером непоследовательности действий правительства было введение в конце 1990 – начале 1991 г. налога с продаж в 5% для пополнения государственного бюджета. Но вскоре (под давлением отраслевых лобби) правительство приняло решение значительно сузить круг облагаемой налогом продукции, и значение этого налога сошло на нет.

Особо следует остановиться на положении в сельском хозяйстве. М.С. Горбачев как инициатор и ведущий автор Продовольственной программы продолжал настаивать на увеличении инвестиций в сельское хозяйство. Но при этом даже не обсуждался вопрос о коренном пересмотре форм хозяйствования в этом секторе экономики. В ноябре 1985 г. было принято совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании управления агропромышленным комплексом», в соответствии с которым на земле появился единый «хозяин» – Агропромышленный комитет (АПК) и его многолюдные структуры управления (РАПО, ОблАПО и т.д.). Последовали многомиллиардные капиталовложения из госбюджета. Так, в 1990 г. за счет повышения закупочных цен, очередного списания долгов с колхозов и совхозов, дотаций и пр. в АПК было направлено ок. 100 млрд руб.

Тем не менее, продовольственная проблема в стране все обострялась. Повсеместно отдельные регионы устанавливали запретительные меры по вывозу продовольствия со своих территорий, стали возникать стихийные таможи и заставы. С 1989 г. стал нарастать дефицит самых необходимых продуктов питания. Были введены различные регламентации на продажу не только продовольствия, но и на многие другие товары. В 1990 г. по всей стране, включая Москву, появились карточки, талоны, купоны, визитки, которые регулировали распределение мяса, масла, сахара, табака, муки, различных круп, детского питания, винно-водочных изделий и т.д. А в 1991 г.

в страну стала поступать гуманитарная помощь из разных стран и международных организаций. Так закончилась реализация Продовольственной программы.

Несомненными причинами этих неудач являлась высокая степень монополизации в командной экономике. В этих условиях одним из способов решения продовольственной проблемы могла бы стать аренда земли, которая в течение десятилетий была запрещена под угрозой уголовного наказания. В 1989 г. были приняты законы, допускавшие аренду земли и других природных ресурсов юридическими и физическими лицами, причем в качестве арендодателей могли выступать лишь местные Советы народных депутатов. Но и в этот раз к такой аренде не допускались крестьянские хозяйства. Позже в «Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о земле» (февраль 1990 г.) арендуемые участки закреплялись в пожизненное и наследуемое пользование, хотя и без закрепления их в частную собственность. И уже в начале 1990 г. повсюду стали возникать семейные фермы как один из видов арендного хозяйства. К концу года их насчитывалось более 4,4 тыс.

В декабре 1990 г. в Конституцию Российской Федерации была внесена поправка, которая признавала возможность закрепления земли крестьянскими хозяйствами в частную собственность, но продажа этих участков запрещалась в течение десяти лет после приобретения их в собственность. Такая длительная отсрочка, конечно же, являлась уступкой определенным политическим силам и опять затягивала решение аграрного вопроса на долгие годы.

Тем не менее, в стране шли поиски путей реформирования аграрного сектора. По Закону о крестьянском (фермерском) хозяйстве и Закону о земельной реформе (1990 г.), крестьянам, наконец-то разрешалось выходить из колхозов и совхозов со своей долей общественной земли, скота, машин и другого имущества. Правда, применение этих законов на практике зачастую приводило к произволу местных властей, поскольку за общим собранием коллектива оставалось право определять, какую часть земли и активов следует выделять индивидуальному хозяйству. Подобная участь постигла и другие «перестроечные» программы: жилищную (каждой семье – квартиру или дом к 2000 г.), Комплексную программу развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986–2000 гг. Но жилищная проблема только обострялась, а полки магазинов пустели.

В связи с возрастающими трудностями в экономике руководство страны решилось (не без колебаний) на реформирование политической системы СССР, поскольку она все чаще стала проявлять себя как фактор «механизма торможения» реформ. Чтобы нейтрализовать влияние консервативного большинства в высшем партийном руководстве, М.С. Горбачев инициировал процессы демократизации общества в форме гласности. Примерно с середины 1987 г. началось контролируемое сверху смягчение цензуры в средствах массовой информации. Началась публикация запрещенных ранее

книг, демонстрация положенных «на полку» кинофильмов и пр. И очень скоро государственный и партийный аппарат уже не мог держать под контролем поток газет и журналов, радио и телепередач.

Одним из направлений политической реформы стали выборы 1989–1990 гг., прошедшие на всесоюзном и республиканских уровнях и сформировавшие новые органы власти: съезд народных депутатов СССР и соответствующие республиканские съезды, на базе которых были созданы постоянно действующие Верховные Советы СССР и республик.

По всей стране усилился процесс формирования новых общественных движений и политических партий либерального, центристского, радикального направлений, занимавших в основном антикоммунистические позиции и критиковавших КПСС за неспособность осуществлять руководство страной. В самой КПСС образовалось несколько течений. Начался массовый выход людей из партийных рядов, многие республиканские компартии заявили о выходе из КПСС.

В стране стали формироваться новые центры реальной власти в лице республиканских съездов народных депутатов. Достаточно быстро созрели объективные предпосылки дистанцирования республиканских отрядов номенклатуры от московской элиты, поскольку центр уже не мог эффективно обеспечивать их интересы и заглушать сепаратистские настроения в национальных районах. Практически вся республиканская номенклатура в ходе проведения референдумов в 1990–1991 гг. заявила о стремлении выйти из Советского Союза, чтобы получить статус суверенных государств, полноправных субъектов международного права. Дезинтеграционные процессы охватили всю страну, во многих республиках (Азербайджане, Грузии и др.) вспыхнули кровавые межнациональные конфликты. Летом в 1989 г. впервые прошли массовые забастовки рабочих не только под экономическими, но и политическими лозунгами. Эти забастовки, не представляя в целом особой угрозы для власти, тем не менее резко дестабилизировали общую обстановку в стране.

Ослабление территориального единства страны и союзного центра привело к резкому принципиальному противостоянию союзных и республиканских сил, к фактическому хозяйственному разъединению участников Федерации. В 1989–1990 гг. неоднократно предпринимались попытки оказать экономическое давление на Прибалтийские республики, используя в качестве рычага их зависимость от поставок энергоресурсов. Но эти попытки практически ни к чему не привели, поскольку вся Советская экономика уже переходила к массовому бартеру, и приказы от союзного правительства не могли запретить производителям и посредникам поставлять энергоносители в любых объемах. Все республики начали формировать собственные бюджеты и существенно сокращать отчисления в союзный бюджет. Это противостояние особенно наглядно проявилось в отношениях России и СССР после принятия 12 июня 1990 г. Декларации о суверенитете Российской Федерации.

В ноябре 1990 г. союзное правительство приняло постановление о введении договорных цен на некоторые виды продукции, что явилось началом реального перехода к рынку. Определенная свобода ценообразования для предприятий сразу же привела к снижению поступлений в союзный бюджет от налога с оборота. В свою очередь, российское правительство объявило о снижении ставки налога на прибыль, но только для тех предприятий, которые готовы были перейти под юрисдикцию России. Тогда же правительство России, желая опередить политического конкурента, приняло решение о повышении закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию раньше, чем это предполагало сделать союзное правительство. Вся эта борьба вела к заметному ухудшению экономической ситуации в стране.

Правительство СССР попыталось переломить кризисную ситуацию в экономике. В конце 1990 г. новым главой правительства стал В. Павлов, представлявший интересы консервативных экономических и политических кругов и ВПК. Чтобы остановить центробежные тенденции, был взят курс на ужесточение экономических мер. Никаких разговоров о приватизации и либерализации уже не было. Вскоре В. Павлов обвинил частные банки некоторых зарубежных стран в том, что они стремятся дестабилизировать обстановку в СССР.

Президент М. С. Горбачев дал разрешение органам МВД и КГБ вмешиваться в хозяйственную деятельность предприятий (включая совместные), что привело к резкому сокращению инвестиционной и торговой активности иностранного капитала на территории СССР. В январе 1991 г. была проведена одна из самых неудачных денежных реформ. Внезапно было объявлено об изъятии из обращения (в течение всего нескольких дней) денежных купюр номиналом 50 и 100 руб. и их обмене на соответствующие новые купюры, что привело к огромной панике среди населения.

Следом за обменом денег последовало еще одно крайне непопулярное решение о пересмотре розничных цен (а точнее – о повышении цен в несколько раз). Правда, одновременно проходила и компенсация роста цен путем денежных выплат населению, но, во-первых, размеры компенсации явно отставали от роста цен, а, во-вторых, в экономику буквально хлынул поток необеспеченных денег, образовав огромный «денежный навес» в виде накоплений в сберкассах и на руках населения, которые нечем было «отovarивать» в розничной торговле.

Достаточно быстрое повышение цен привело к легальному «проеданию» производственных фондов предприятий, поскольку союзное правительство разрешило использовать часть средств из фондов развития на компенсацию роста цен, а кое-где на эти цели стали направляться и амортизационные отчисления предприятий. Все эти шаги подтверждали переход экономического кризиса в стадию хозяйственного распада.

Летом 1991 г. В. Павлов потребовал у Верховного Совета предоставить правительству чрезвычайные полномочия для проведения стабилизационного курса в экономике, чтобы сконцентрировать всю власть в руках

исполнительных органов (в противовес законодательной ветви). Верховный Совет СССР не поддержал это требование. Более того, законодатели ускорили разработку ряда правовых актов, закрепляющих процесс создания и функционирования рыночной экономики (законопроекты о приватизации, о предпринимательстве и т.д.).

Весьма неудачные попытки консервативной стабилизации привели часть руководителей Советского Союза к созданию 19 августа 1991 г. Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), что было по существу попыткой государственного переворота. Лидеры ГКЧП выступили с очень популистской и практически невыполнимой программой выхода страны из кризиса. Путч провалился 21 августа 1991 г., а вместе с ним рухнули все надежды М.С. Горбачева на подписание нового Союзного договора, целью которого было реформировать Советский Союз на иных принципах.

Именно с этого момента начался процесс фактического распада СССР как единого государства, ликвидации союзных органов власти. На смену союзному правительству был сформирован Межгосударственный экономический комитет (МЭК), который практически не имел никаких полномочий по управлению экономикой. В основном все функции МЭК были связаны с разделом наследства СССР и попытками разработать и подписать экономическое соглашение между союзными республиками. Но поскольку республики начали предъявлять взаимные претензии, то подписание этого соглашения оказалось нереальным.

Распад СССР вступил в решающую стадию. В августе 1991 г. о выходе из него заявили республики Прибалтики. Первого декабря на Украине прошел референдум, на котором население республики высказалось за свою полную независимость.

Руководители России, Украины и Белоруссии (стран – соучредителей СССР) Б. Ельцин, Л. Кравчук и С. Шушкевич 8 декабря подписали Беловежское соглашение о денонсации Союзного договора 1922 г. и объявили о создании Содружества Независимых Государств (СНГ). В Алма-Ате к СНГ 21 декабря присоединились Азербайджан, Армения, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан. Тем самым был подтвержден факт распада Советского Союза как единого государства. М.С. Горбачев подал в отставку с поста Президента СССР 25 декабря 1991 г. в связи с исчезновением данного государства.

Так закончился почти семидесятилетний период существования СССР, причем большая по времени часть его прошла под знаком развития и укрепления командно-административной системы, которая к тому времени себя фактически изжила.

7. СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

7.1. Состояние экономики в конце 1991 г.

Осенью 1991 г. положение в экономике ухудшалось буквально на глазах и приближалось к катастрофическому. Потребительский рынок практически не существовал, прилавки магазинов в городах были пустыми, торговля проводилась по талонам и карточкам, которые повсеместно не обеспечивались ресурсами. Причем реальная угроза голода в крупных городах возникла не из-за плохого урожая и нехватки продовольствия в стране. Просто сельскохозяйственным предприятиям было невыгодно продавать государству урожай по официальным ценам, и они выжидали роста закупочных цен. А поскольку цены на «черном» рынке были в несколько раз выше, то хлеб скупался и вывозился контрабандой за рубеж. Так, к ноябрю 1991 г. правительство закупило менее 20% урожая.

Дефицит бюджета составлял 20% ВВП и практически вышел из под контроля. Иностранные кредиты были полностью исчерпаны, и зарубежные банки не хотели больше предоставлять их, поскольку в декабре 1991 г. страна не могла выплатить по ним проценты. Золотовалютные резервы были исчерпаны и достигли небывало низкого уровня – всего 289,6 т., что было несопоставимо с неотложными финансовыми обязательствами и потребностями страны. В преддверии зимы города испытывали большие проблемы с энерго- и теплоснабжением из-за неритмичных поставок топлива.

В этих экстремальных обстоятельствах, требовавших чрезвычайно быстрых и решительных мер, ответственность за судьбу страны в ноябре–декабре 1991 г. взяло на себя российское правительство во главе с президентом Российской Федерации Б.Н. Ельциным (1931–2007 гг.), предложившее два варианта дальнейших действий.

В соответствии с первым вариантом следовало сначала стабилизировать экономическую обстановку при помощи традиционных Советских методов: ужесточения снабженческо-сбытовой системы, сбалансирования цен путем их очередного подъема, расширения сфер иного распределения потребительских товаров. И только после этого можно было приступать к подготовке условий по либерализации экономики и проведению институциональных реформ. Такую последовательность действий предусматривала Программа 500 дней.

Второй вариант открывал перспективу быстрого проведения рыночных реформ в сочетании с некоторыми мероприятиями, направленными на стабилизацию ситуации: ограничением бюджетного дефицита, рестриктивной кредитной политикой и т.д. При этом институциональные реформы дополняли бы макроэкономическую стабилизацию.

Первый вариант был более понятен как для руководителей всех уровней, так и для народа, ожидавшего от государства быстрейшего преодоления

хозяйственных трудностей. Но реализация этого варианта упиралась в одну проблему: в стране на этот период не было политических и организационных механизмов, которые смогли бы осуществить «административную стабилизацию». Фактически распалась жесткая властная вертикаль, органы принуждения и правопорядка были основательно подорваны, то есть Россия получила в наследство от СССР ослабленные государственные институты, которые надо было теперь создавать заново.

Второй вариант был сложен и малопонятен как для населения, так и для хозяйственных руководителей. Этот вариант в любом случае делал политиков, осуществлявших его, крайне непопулярными среди народа, так как был связан с болезненными шагами. Экономика страны должна была очень быстро переходить к совершенно новым методам хозяйствования, к чему никто не был подготовлен. Этот путь был сопряжен и с обязательным скачком цен, связанным с существованием огромного инфляционного «денежного навеса». Такие шаги сразу отбрасывали романтическую «перестроечную» иллюзию о всесильном и популярном правительстве.

Президент Б.Н. Ельцин после некоторого колебания сделал выбор в пользу второго варианта, и в ноябре 1991 г. было сформировано новое правительство. В этот период всем казалось, что основная политическая борьба в стране завершена и что все силы должны быть направлены на проведение экономических преобразований. Исходя из этого, Президент России приостановил реформу политической системы, сохраняя ее прежней, что, как оказалось позже, было большой ошибкой.

Кроме того, сохранялась неопределенность в отношениях с некоторыми бывшими союзными республиками, поскольку их руководители принимали решения, которые шли вразрез с курсом российского руководства, что непосредственно отражалось на состоянии экономики России. И лишь подписание договора о создании СНГ дало возможность правительству России взять под свой контроль финансовую и денежную систему, начать разработку и проведение независимой экономической политики.

7.2. Начало экономических реформ

В октябре 1991 г. на Пятом съезде народных депутатов Б. Ельцин объявил о проведении в стране радикальных экономических реформ. В ноябре приступило к работе правительство единомышленников во главе с Б.Н. Ельциным. Правительство оказалось новым не только по форме, но и по существу, так как состояло в основном из ученых–экономистов.

Все они были молоды (от 35 до 40 лет). С одной стороны, они хорошо знали основные направления западной экономической мысли, но с другой – почти никто из них не имел опыта хозяйственной деятельности и государственного управления крупного масштаба. К тому же новые

министры не имели явных и устойчивых связей, с какими-либо группами интересов в производственной сфере. Министры честно предупреждали общество о трудном и болезненном переходе к рынку, поэтому настаивали на быстрых и решительных реформах, – промедление грозило поражением. Правда, никто не представлял себе, какие реальные трудности ждут всех на этом пути.

Новое правительство не пыталось внедрять отдельные рыночные элементы в чуждую среду, а стремилось к созданию настоящего рынка товаров и факторов производства на основе механизма конкуренции. В качестве основной задачи правительства объявлялась макроэкономическая и финансовая стабилизация одновременно с переходом к рыночной экономике, с приватизацией государственной собственности во всех сферах экономики. В число стандартных мероприятий входили: либерализация цен на основные товары и услуги, ужесточение кредитной, финансовой и денежной политики, выход из товарного дефицита, постепенная стабилизация валютного курса и отказ от множественности курса рубля, структурная перестройка и т.д.

Первым вице-премьером, определявшим экономическую стратегию, а также министром экономики и финансов стал Е. Гайдар. А. Шохин был назначен вице-премьером по социальным вопросам, А. Чубайс – председателем Комитета по управлению государственным имуществом, П. Авен – министром внешнеэкономических связей, В. Лопухин – министром топливной промышленности и энергетики, В. Машиц – председателем Комитета по экономическому сотрудничеству со странами СНГ. Вскоре Е. Гайдар уступил пост министра экономики А. Нечаеву.

В январе 1992 г. был сделан первый шаг на пути к рыночной экономике: отпущены цены на большинство товаров и услуг, ликвидирована почти вся централизованная система распределения ресурсов. Однако устранение жесткого контроля за ценами со стороны государства в условиях сохранения всеобщей монополизации производства в стране сразу же привело к небывалому росту абсолютно всех цен: к концу 1992 г. примерно в 100–150 раз при росте средней заработной платы в 10–15 раз.

Эти первые мероприятия нового правительства вызвали резко отрицательную политическую реакцию со стороны вице-президента А.В. Руцкого и Председателя Верховного Совета Р.И. Хасбулатова, вокруг которых начали спланиваться различные социальные силы, оппозиционно настроенные к новому курсу. Соппротивление этих сил стало особенно заметно проявляться на фоне кризиса неплатежей, охватившего к лету 1992 г. почти всю экономику. И слабые, и сильные предприятия были опутаны сложными взаимными расчетами с поставщиками и потребителями, что создавало для них дополнительные трудности в процессе адаптации к рыночным отношениям.

Другим фактором, побудившим часть директорского корпуса государственных предприятий к сплочению, стал вопрос о либерализации цен на энергоносители, который до тех пор находился в монопольном ведении государства. Ситуация осложнялась еще и тем, что правительство направило в Международный валютный фонд (март 1992 г.) Меморандум о предстоящей либерализации цен на энергоресурсы.

Заметим, что аналогичное заявление о предстоящей всеобщей либерализации цен осенью 1991 г. заставило население, товаропроизводителей и торговую сеть заранее экономически и психологически подготовиться к этому шагу. К тому же если в тот период основная масса директоров смутно представляла себе последствия этого процесса в виде «спросовых ограничений», то уже к весне 1992 г. ситуация резко изменилась.

Руководители предприятий начали понимать, что освобождение цен на энергоносители вместе с кризисом неплатежей может реально угрожать им банкротством.

К началу лета 1992 г. в стране сформировался мощный проинфляционный блок «Гражданский союз», в который входили представители военно-промышленного и агропромышленного комплексов, партии центристского и левоцентристского толка, различные профсоюзные организации. Опасаясь, начала банкротства предприятий, промышленники и лидеры профсоюзов были готовы поддержать инфляцию, которая, на их взгляд, являлась для трудящихся меньшим злом, нежели безработица. В этом их поддержал VI съезд народных депутатов (апрель 1992 г.) и многие средства массовой информации. Правительство Е. Гайдара должно было считаться с этим, и ему пришлось идти на компромиссы и лавирование. Весной 1992 г. промышленным и сельскохозяйственным предприятиям были даны льготные кредиты, что сразу же сказалось на ходе реформ, а это означало некоторое отступление от провозглашенного курса на стабилизацию, снижение уровня инфляции, сокращение бюджетного дефицита и т.д.

Правительство стало привлекать на свою сторону ряд директоров государственных предприятий, особенно тех, кто уже сумел приспособиться к новым условиям хозяйствования. Для них были сделаны некоторые уступки в денежно-кредитной и внешнеэкономической сферах, а в состав правительства вошли директора наиболее крупных предприятий ВПК и топливно-энергетического комплекса (В. Шумейко, Г. Хижа, В. Черномырдин). Таким образом, правительство стало коалиционным.

Летнее отступление правительства под напором сил хозяйственников ослабило провозглашенную ранее жесткую кредитно-денежную политику. В результате этого осенью 1992 г. резко ускорился рост цен (до 5% в неделю в сентябре–ноябре) и произошло обвальное падение курса рубля (в 3 раза за два месяца). Руководители предприятий, профсоюзы ценой тяжелого социального опыта наконец осознали правоту предостережений Е. Гайдара

о том, что «мягкая бюджетная политика» неизбежно приведет к катастрофическим последствиям в экономике России.

Можно сказать, что с июля по декабрь 1992 г. реформы как бы замерли. Это было связано также и с тем, что в июле 1992 г. Верховный Совет назначил В. Геращенко председателем Центрального банка России, что нанесло заметный ущерб макроэкономической организации, поскольку В. Геращенко был сторонником увеличения денежной массы в экономике страны.

В декабре 1992 г., когда на VII съезде народных депутатов Е. Гайдар был снят с должности и. о. премьер-министра, а через два дня на его место был назначен В. Черномырдин, казалось, что с реформой покончено, и Россия находится на пороге гиперинфляции. Но одновременно в правительство Черномырдина был назначен вице-премьером и министром финансов молодой экономист Б. Федоров, который всеми возможными методами пытался воплотить в жизнь программу макроэкономической стабилизации, что позволило удержать страну от падения в пропасть.

На рубеже 1992–1993 гг. в стране шла острая борьба между двумя ярко выраженными группами интересов, готовыми поддержать альтернативные варианты экономического развития. Линия размежевания проходила по вопросу о роли инфляции и путях ее преодоления.

Сторонники первого варианта ратовали за продолжение политики «дешевых денег», то есть мощного государственного финансирования народного хозяйства через кредитную и бюджетную систему. В их число входили представители слабых (нередко весьма крупных) предприятий, неспособных адаптироваться к рынку, к жестким бюджетным ограничениям. В проведении такой политики были заинтересованы также определенные финансовые структуры и банки, чье экономическое положение напрямую зависело от государственных льготных кредитов. Сюда входили также представители торгово-посреднических групп, непосредственно заинтересованных в таком развитии народного хозяйства.

К числу сторонников второго, антиинфляционного варианта можно отнести предпринимателей, активных руководителей промышленных, банковских и торговых предприятий и организаций, которые уже сумели адаптироваться к рынку и которым была нужна макроэкономическая стабильность. Причем в их число входили хозяйственные субъекты, как частного, так и государственного сектора.

Борьба между группировками в течение 1993 г. привела к неустойчивому экономическому положению, что выразилось в колебании уровня инфляции от 12 до 35% в месяц. В этот период усилилось сращивание некоторой части предпринимателей с государством, причем в этом были заинтересованы обе стороны: слабое государство искало поддержки в новом нарождающемся социальном слое бизнесменов, а те, в свою очередь, рассчитывали на поддержку государственных институтов в

конкурентной борьбе. В результате решительной позиции Е. Гайдара борьба вокруг «дешевых денег» уступила место борьбе вокруг защиты отечественного предпринимательства от иностранной конкуренции.

На смену явной денежной эмиссии пришла политика «мягкого инфляционизма», суть которой состояла в селективной (выборочной) поддержке национальных предпринимателей. Государство стало фактически подавлять конкуренцию во многих отраслях народного хозяйства, устанавливая протекционистские преграды во внешней торговле. Все это в конечном счете также усиливало инфляционность российской экономики, поскольку бизнес, защищенный от конкуренции и тесно связанный с государством (особенно его монополистические структуры), мог получать исключительно благоприятные условия как для доступа к бюджетному финансированию, так и для проведения монополистической по сути политики ценообразования.

Весной 1993 г. консервативные силы перешли в наступление. Всего нескольких голосов не хватило для отрешения Б.Н. Ельцина от власти при голосовании депутатов на съезде. В апреле в стране прошел референдум, на котором избиратели должны были ответить на четыре вопроса: о доверии президенту и его социально-экономической политике, о необходимости досрочных перевыборов президента и народных депутатов. Большинство населения высказалось за доверие президенту и его политике, а также против перевыборов. Это дало дополнительные силы правительству для дальнейшего проведения приватизации и либерализации экономики.

7.3. Развитие реформ в 1990-х гг.

Летом 1993 г. реформы в очередной раз замедлились. По инициативе В. Геращенко Центральным банком России без согласования с Министерством финансов внезапно был проведен обмен денежных купюр, выпущенных в СССР и России до 1993 г., на новые деньги. Объяснялась эта мера желанием Центробанка отсечь денежную массу, которая находилась в обращении в бывших союзных республиках. Но обмен денег проводился в такие короткие сроки, что среди населения поднялась паника, в сберкассах образовались огромные очереди. Правда, вмешался президент, и сроки обмена были продлены, тем не менее, все это заметно подрывало доверие к правительству.

Другим не менее тяжелым ударом по реформам было принятие в августе 1993 г. Верховным Советом государственного бюджета с дефицитом в 25%. Одновременно увеличивались объемы государственных кредитов на III квартал.

Противоречия между ветвями власти зашли в тупик и достигли критического состояния. В результате президент Б.Н. Ельцин был вынужден в

сентябре 1993 г. издал указ № 1400, в котором объявлялось о роспуске Съезда народных депутатов и Верховного Совета. Непосредственной причиной появления данного указа можно считать несогласие президента с принятым государственным бюджетом, а более глубинная причина заключалась в том, что законодательная власть стала олицетворять все консервативные силы в обществе, препятствовавшие экономическим реформам. К тому же несовершенство Конституции позволяло депутатам вмешиваться в оперативную деятельность правительства, внося тем самым неразбериху при принятии тех или иных решений.

В этот момент Б.Н. Ельцин стоял перед выбором: или не подписывать закон о бюджете (нарушая тем самым Конституцию), или распускать парламент. Президент пошел на второй вариант, после чего еще более осложнилась политическая обстановка. Депутаты в течение нескольких дней отказывались покинуть здание парламента, в итоге была применена военная сила и «Белый дом» взят штурмом. Все это ознаменовало начало нового этапа в экономической и политической жизни России.

Наступило очень важное для реформ время. В правительство вернулся Е. Гайдар в качестве вице-премьера и министра экономики, были продолжены радикальные преобразования. В течение октября–ноября 1993 г. была проведена почти полная либерализация сельскохозяйственного сектора, включая цены на зерно. Президент издал указ о частной собственности на землю. В сентябре была отменена практика выдачи льготных кредитов (то есть закончился период «дешевых денег»), а Центробанк поднял ставку рефинансирования, установив с ноября 1993 г. позитивную реальную процентную ставку. В эти же месяцы заметно начали снижаться темпы инфляции, что, казалось, означало некоторую макроэкономическую стабилизацию. 12 декабря 1993 г. в России прошли выборы в Государственную думу в соответствии с новым избирательным законом, был сформирован Совет Федерации. Одновременно в ходе референдума была принята Конституция Российской Федерации, которая ознаменовала коренные изменения в социально-политическом устройстве страны, и прежде всего установление незыблемого принципа разделения властей: законодательной, исполнительной и судебной. Было покончено как с радикальным либерализмом, так и с господством коммунистического режима.

Но в ходе этих выборов партии демократической ориентации не сумели набрать достаточного количества голосов и оказались в Думе в меньшинстве. Е. Гайдар и Б. Федоров предпочли уйти в отставку, а в правительстве усилились позиции промышленных центристов во главе с В. Черномырдиным. Но многие их шаги были направлены на продолжение экономической реформы, и можно утверждать, что с этого времени процесс становления рыночной экономики стал необратимым.

Одним из ранних проявлений экономической реформы в России было создание товарных бирж, число которых в 1990–1991 гг. достигало 300.

Большинство из них были универсальными и занимались продажей самых разнообразных товаров. Доходность сделок на этих биржах складывалась в основном за счет искусственного разрыва в ценах: биржевые брокеры скупали товары по низким, контролируемым государством ценам, а потом продавали их по высоким рыночным ценам, что позволило многим биржевикам создать немалые состояния.

Либерализация цен в январе 1992 г. привела к кризису товарных бирж, их число стало резко сокращаться. К лету 1993 г. количество активных бирж снизилось до 150, и только 40 из них функционировали постоянно; 40% общего оборота было сконцентрировано на шести товарных биржах, четыре из которых находились в Москве. Торговля такими товарами, как нефть, никель, алюминий, древесина, зерно, уголь, велась на одной из специализированных бирж.

На процесс сокращения количества товарных бирж повлияло так же и то, что в стране была разрешена обычная частная оптовая торговля инвестиционными товарами. Однако биржи сыграли заметную роль в становлении рыночных отношений, послужили фундаментом для возникновения более цивилизованных биржевых структур, существующих в настоящее время.

Следует отметить, что некоторые товарные биржи быстро сменили свою направленность и превратились в настоящие фондовые биржи. Если в 1992 г. биржевой оборот с деньгами и ценными бумагами составлял всего 3% их общего оборота, то в 1993 г. он стремительно возрос до 46%.

Одной из самых болезненных проблем 1991–1993 гг. был распад рублевой зоны. Роспуск СССР повлек за собой потрясение в денежной системе. В 1991 г. на территории бывшего Советского Союза возникли 15 центральных банков, каждый из которых мог увеличивать денежную массу, выпуская рублевые кредиты. И хотя наличные деньги вправе выпускать только Центральный банк России (поскольку все печатные станки находились в Российской Федерации), кредиты – это тоже деньги. Банки стремились перегнать друг друга в выпуске таких кредитов, что вело к нестабильности денежной системы, к возрастающей инфляции. Ни одна из новых независимых стран не хотела признавать верховенство России в этой сфере, поэтому необходимо было разделить рублевую зону и создать в каждой республике свою валюту с собственным центральным денежно-кредитным учреждением. В конце концов стало ясно, что распад рублевой зоны неизбежен.

В 1992 г. собственные валюты ввели Эстония, Латвия, Литва, Украина, а в 1993 г. – почти все остальные республики (кроме Азербайджана и Таджикистана, которые сделали это в 1994 г.). Казалось бы, распад единой денежной системы прошел быстро, но многие страны были абсолютно не готовы к денежным реформам, время было упущено, и практически все из них (кроме прибалтийских стран) пережили гиперинфляцию.

Важной проблемой была взаимная торговля между бывшими республиками СССР, поскольку еще в рамках Советского Союза стал процветать натуральный обмен, или бартер. Когда же распался СССР, некоторые новые независимые государства не сразу осуществили либерализацию внешней торговли, в них оставалась государственная монополия на эту сферу деятельности. Между республиками отсутствовал эффективный платежный механизм, так как не было взаимного доверия, четкой системы юридических санкций и взаимовыгодных расчетов, не хватало ликвидных средств. Необходимо было найти быстрое и понятное решение для осуществления прямых расчетов между предприятиями, например в конвертируемой валюте с едиными обменными курсами. Но для этого, прежде всего, следовало пойти на либерализацию торговли и цен, а на такие шаги пошли лишь правительства России и стран Прибалтики. Следовательно, внешнеторговые отношения с большинством стран приходилось осуществлять с большими трудностями, сопряженными с таможенными тарифами и квотами.

Среди множества трудностей начального периода становления новой России можно назвать и то, что в это время федеральный центр был вынужден в силу своей политической и экономической слабости пересмотреть свои отношения с регионами. На основе провозглашенного президентом Б.Н. Ельциным лозунга: «Берите столько суверенитета, сколько сможете переварить!» в стране сформировалась своеобразная система, когда отдельные регионы сумели «выкупить» у центра право на «особые отношения». На основе принятия двусторонних соглашений (договоров о разграничении предметов ведения) региональные власти получали возможность отступать от федерального законодательства, расширяли свою сферу компетенции даже через нарушение основных положений Конституции. Ряд субъектов Федерации (Татария, Башкирия, Якутия и др.) могли оставлять большую часть налоговых поступлений (по сравнению с другими регионами), и это позволяло националистическим и сепаратистским силам в этих республиках время от времени выдвигать лозунги о своем особом положении в составе Российской Федерации вплоть до получения ими статуса самостоятельного субъекта международного права, а это уже вплотную подводило Россию к конфедеративному устройству.

7.4. Проведение массовой приватизации

Известно, что никакой рынок не может функционировать без развитого института частной собственности. Поэтому вопрос о переходе от государственной собственности к частной был одним из кардинальных еще на этапе «перестройки», когда Советская экономика вплотную подошла к

необходимости постепенного перехода от единой государственной собственности к многообразию ее форм.

Как отмечалось выше, союзное руководство пыталось решить этот вопрос в 1986–1988 гг., издав законы об индивидуальной трудовой деятельности, о кооперации и др., но на их основе полноценные частные предприятия так и не появились. Лишь в декабре 1990 г. в Российской Федерации был принят Закон о предприятиях и предпринимательской деятельности, в соответствии с которым в России разрешалось учреждать различные формы индивидуальной трудовой деятельности, частные предприятия, полные товарищества, товарищества с ограниченной ответственностью и акционерные общества открытого и закрытого типа, которые получили право выпускать свои акции. Но прошел целый год, прежде чем начали функционировать предприятия такого типа, поэтому в конце 1991 г. доля занятых в государственном секторе России оставалась все еще высокой (77% от общего количества занятых).

Назначенный в ноябре 1991 г. председателем Госкомимущества А. Чубайс, стал настаивать на проведении быстрой приватизации, ведущей к возникновению личных прав собственности. Главной задачей нового правительства было ренационализировать так называемую общественную собственность, которая в действительности принадлежала номенклатуре, всячески стремившейся сохранить эту собственность в своих руках. Чтобы избежать прямых сделок между чиновниками и покупателями, реформаторам следовало разработать такие правила приватизации, которые учитывали бы высокую степень коррумпированности государственного аппарата. Впервые за долгие десятилетия предполагалось проводить аукционы, открытые конкурсы (тендеры), где напрямую сталкивались бы спрос и предложение.

Для остановки номенклатурной приватизации еще в октябре 1991 г. крупные предприятия по указу президента были преобразованы в акционерные общества. Большая часть их акций передавалась в государственные приватизационные комитеты, а не в отраслевые министерства. В декабре 1991 г. были изданы «Основные положения программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации в 1992 г.», в соответствии с которым и определялись не только нормативы и процедура приватизации, но и общие суммы доходов от этого мероприятия в государственный бюджет на 1992–1994 гг. Правда, эти суммы оказались легко достижимыми из-за высокой инфляции, поэтому государство не получило ожидаемых реальных доходов.

В итоге было принято решение о том, что работники предприятий должны получать 25% капитала бесплатно, в виде привилегированных акций. Этот шаг предпринимался с целью привлечения работников в ряды

активных сторонников приватизации. Рабочие становились бы индивидуальными собственниками, в отличие от югославского варианта рабочего самоуправления с его коллективной безответственностью.

Одновременно правительство выражало беспокойство по поводу того, что иностранные предприниматели в связи с постоянной девальвацией рубля могут скупить крупные предприятия за бесценок. Но этого не произошло, так как иностранные инвесторы опасались экономической и политической нестабильности и не спешили осуществлять капиталовложения в российскую экономику. В программе приватизации на 1992 г. были установлены большие ограничения: не подлежали приватизации природные ресурсы, объекты культурного наследия и т.д.

Процесс приватизации в России проходил в два этапа, принципиально различающихся между собой как по целям, так и по методам ее проведения. Первый – этап ваучерной приватизации (1992–1994 гг.), в течение которого были созданы важные законодательные и нормативные документы, закрепляющие основные права акционеров, коллективных и индивидуальных собственников.

Идея использования приватизационных чеков (ваучеров) в качестве центрального пункта экономической реформы была выдвинута правительством летом 1992 г. В августе 1992 г. был издан Указ президента «О введении системы приватизационных чеков в Российской Федерации», который подготавливал условия для создания спроса на все виды приватизированной собственности. Все граждане России, в том числе и дети, имели право на получение одного чека (ваучера) номинальной стоимостью 10 тыс. руб., уплатив в сберегательном банке в качестве выкупа 25 руб. Выдача ваучеров проходила с октября 1992 г. до конца января 1993 г. Существовало опасение, что население не захочет забирать свои чеки, но к 31 января 1993 г. их получили почти 97% российских граждан.

Ваучеры не были персональными, их можно было продавать, передавать другому лицу, вкладывать в акции приватизированных предприятий. Предполагалось, что в будущем люди смогут получать проценты от прибыли этих предприятий, но на деле этого так и не произошло, поскольку реального роста в экономике не наблюдалось. Рынок ваучеров рассматривался правительством в качестве начального этапа функционирования рынка ценных бумаг, а концентрация большого количества ваучеров, по мнению руководителей Госкомимущества, должна была сформировать реальных собственников.

Следует подчеркнуть, что население страны в основном поддержало идею ваучерной приватизации. Свою роль здесь сыграла целенаправленная агитация во всех средствах массовой информации, которые настойчиво выдвигали популистские лозунги такого типа: «вернуть народу собственность», сделать всех трудящихся «настоящими собственниками» и

т.п. В результате начальный передел государственной собственности прошел быстро и без социальных потрясений.

В 1993 г. по всей стране стали создаваться чековые инвестиционные фонды (ЧИФы). В целом по России было зарегистрировано ок. 650 фондов. Чтобы эти фонды вели себя на рынке цивилизованно, Госкомимущество не разрешало им скупать более 10% акций какого-либо одного предприятия. ЧИФы собрали более трети всех ваучеров, а среднее количество акционеров в них составило 22,8 млн чел.

Правительство рассматривало ЧИФы как опору при формировании будущего финансового рынка при мобилизации и свободном переливе капиталов. Предполагалось, что ЧИФы в своей деятельности будут стремиться к макроэкономической стабилизации, к реальному инвестированию капиталов в производство. Однако российская действительность в очередной раз подтвердила ненадежность новых экономических структур. Эти фонды так же, как и коммерческие банки, были заинтересованы лишь в росте своих дивидендов, а не в развитии производства.

В I квартале 1993 г. ок. 75% средств чековых фондов были направлены в краткосрочные и среднесрочные спекуляции ваучерами и лишь 15% – непосредственно в акции приватизированных предприятий. Это объяснялось тем, что в ЧИФах были сосредоточены акции мелких и средних предприятий, на которые не было спроса.

В конце 1993 г. из 290 опрошенных руководителей предприятий 70% заявили, что они не могут выплачивать дивиденды, отчего ваучерные фонды оказались в незавидном положении. По распоряжению Госкомимущества на 1994 г. повышалась доля акций ЧИФа в одной компании с 10 до 25%. После завершения ваучерной приватизации многие инвестиционные фонды тихо и незаметно ушли с рынка, продав ваучеры, так и не сумев использовать их соответствующим образом. К началу 1995 г. из 650 фондов почти половина закрылась, не пройдя необходимую перерегистрацию в паевые инвестиционные фонды.

В результате первого этапа приватизации в России началось создание институциональных основ рыночной экономики на базе развития негосударственного сектора. Так, по данным Госкомимущества, на 1 января 1995 г. насчитывалось более 25 тыс. зарегистрированных акционерных обществ, которые составили основу корпоративного сектора экономики. Именно на первом этапе приватизации началось формирование биржевого и внебиржевого рынка корпоративных ценных бумаг, а капитализация наиболее ликвидных из них в 1996 г. составила ок. 20 млрд долл.

За эти годы были созданы тысячи крупных инвестиционных, страховых, пенсионных компаний, множество коммерческих и инвестиционных банков. Появился новый социальный слой – акционеры (ок. 40 млн чел.), пайщики, новые частные собственники. В целом, к середине 1995 г.

количество приватизированных предприятий превысило число неприватизированных. Доля тех и других в общем числе предприятий составила соответственно 50,5 и 49,5%. В 1995 г. весь негосударственный сектор произвел 70% ВВП.

Второй этап приватизации начался в 1995 г. Главной его особенностью был переход к денежной форме приватизации, когда развернулась основная борьба за реальную собственность. С самого начала этого этапа правительство рассчитывало на то, что среди потенциальных инвесторов примерно 34% будет приходиться на иностранные компании, 25% – на российские банковские инвестиционные структуры, 25% – на население, ок. 10% – на инвестиционные компании (бывшие чековые фонды).

Государство и инвестиционные компании в ходе приватизации рассчитывали пополнить свой бюджет за счет продажи акций, чтобы можно было, потом направить эти средства на инвестиционные цели. Предполагалось, что на втором этапе продажа акций будет проходить не единовременно и в массовых масштабах, а по определенному графику на аукционах, чтобы поступления от продаж шли постепенно и равномерно в течение года. Но намеченная схема работала плохо, темпы денежной приватизации были очень низкими, а доходы – нерегулярными.

Причины этого можно усмотреть как в том, что уже в 1994 г. акции многих привлекательных для инвесторов предприятий были распроданы, так и в том, что в это же время стал формироваться рынок государственных ценных бумаг, куда устремились инвестиции. Значит, надо было занижать стартовые цены акций, выставляемых на продажу, что привело бы к негативным последствиям на еще неустойчивом рынке корпоративных ценных бумаг.

В 1994–1996 гг. правительство продолжало поиски различных вариантов дальнейшей денежной приватизации. Наиболее удачной оказалась практика залоговых аукционов, когда государственные пакеты акций отдельных («точечных») предприятий не продавались, а передавались в доверительное управление на определенный период, во время которого победитель тендера получает возможность управлять этим пакетом акций, рискуя при этом потерять свои вложения. Всего в 1995 г. в государственный бюджет от залоговых аукционов, на которые были выставлены пакеты акций 21 компании, поступило 691,445 млн долл. и 400 млрд руб.

Остававшиеся до тех пор в руках государства пакеты акций явились предметом ожесточенных схваток среди банковских структур, желающих участвовать в залоговых аукционах с возможностью последующего выкупа (залоговые аукционы по поводу акций компаний «Связьинвест», РАО «Норильский никель» и др. – яркие тому примеры).

Итак, в результате процесса приватизации в России по состоянию на 1 июля 1997 г. уже большая часть российских предприятий (1,9 млн, или 71,8% от общего их числа) относилась к частной форме собственности.

Необходимо подчеркнуть, что приватизация в России относится к явлению, равного которому по масштабам в мировой практике не было. В сравнительно короткий срок был сформирован крупный негосударственный сектор, в связи, с чем в стране произошла перегруппировка социальных слоев, участвовавших в приватизационном процессе.

Не следует забывать, что в этот период проходила и традиционная малая приватизация. Как и в странах Восточной Европы, в России проводилась продажа предприятий розничной торговли, сферы услуг, общественного питания и т.д. Особенно активно малая приватизация проходила в 1992–1993 гг. Всего к 1996 г. было полностью приватизировано более 84% малых предприятий.

Наряду с этим по всей стране осуществлялась приватизация жилья. Начало этому процессу было положено еще в 1988–1989 гг., но наиболее массовым он стал с июля 1991 г., когда был издан Акт о приватизации жилья в России и сопутствующие ему нормативные документы. В соответствии с ними граждане и их семьи, живущие в государственных квартирах, могли по желанию приобрести по чисто символическим ценам законные права собственности, включая право продавать, отдавать внаем или завещать свои квартиры.

Первоначально население не решалось приобретать квартиры в собственность, поскольку опасалось высоких налогов на недвижимость. Но уже к концу 1992 г. было приватизировано 2,8 млн квартир, а в 1993 г. – еще 5,8 млн. Всего к началу 1995 г. в стране было приобретено в собственность почти 11 млн квартир. Наивысшего пика этот процесс достиг в марте 1993 г., когда за месяц было приватизировано 729 тыс. квартир, а потом это количество стало постепенно снижаться, оставаясь в пределах 150 тыс. в мес. Одновременно с этим в городах возник рынок жилья, что явилось несомненным признаком развития рыночной экономики.

Наиболее сложной в техническом и экономическом отношении оказалась приватизация земли, хотя частное владение землей вызывало одобрение у подавляющего большинства населения страны. Этому всеобщему настроению противостояли руководители почти 25 тыс. колхозов и совхозов, чиновники агропромышленного комплекса всех уровней, стремившиеся сохранить в своих руках максимум функций по управлению сельским хозяйством и распоряжению государственными субсидиями.

Приватизация в аграрном секторе осложнялась его огромными масштабами, высокой степенью монополизации снабженческо-сбытовых и перерабатывающих организаций АПК, слабостью инфраструктуры и т.д. На местах почти не существовало полноценной регистрации земельных площадей, полностью отсутствовали земельные инспекции, необходимые для ее проведения. Земельная реформа столкнулась с мощным противостоянием аграрного лобби среди народных депутатов. В апреле 1992 г. съезд народных депутатов проголосовал большинством голосов против частной

собственности на землю. И лишь после сбора 1,9 млн подписей среди населения, организованного движением «Демократическая Россия» в декабре 1992 г., съезд одобрил ограниченное право на продажу земли.

Так что земельную реформу надо было проводить. В декабре 1991 г. правительство приняло постановление о реорганизации колхозов и совхозов в любую стандартную форму ассоциаций. Большая часть колхозов была преобразована в форму партнерства, после чего их формальная подчиненность министерству сельского хозяйства закончилась. К концу 1993 г. 95% колхозов и совхозов произвели необходимые преобразования, что позволило зафиксировать иную юридическую и экономическую сущность крестьянских ассоциаций (товариществ).

Тем не менее, колхозники и работники совхозов во многих регионах не спешили забирать свои паевые наделы и активы. Это объяснялось, во-первых, неуверенностью крестьян в том, что реформы будут носить долговременный характер и что через несколько лет все не вернется назад. Во-вторых, создание собственного хозяйства всегда сопряжено с большими затратами материальных и финансовых средств (на покупку техники, скота, семян, удобрений, на строительство хозяйственных помещений), которых у крестьян просто не было, а получение кредита было связано с невероятными трудностями. Но самая большая проблема заключалась в том, что на селе осталось совсем мало людей в трудоспособном возрасте, имевших соответствующие специальности и опыт работы в сельском хозяйстве, обладавших способностями к производственному риску и желавших взвалить на себя нелегкую ношу ответственности за свое хозяйство.

Одновременно с процессом реорганизации колхозов и совхозов в стране шло дальнейшее развитие семейных ферм, их переход от арендной формы к частному хозяйству. К началу 1995 г. их количество составило 279 тыс. Впрочем, происходил и процесс сокращения числа семейных ферм: ежегодно примерно от 5 до 14 тыс. хозяйств распадалось. Становление фермерских хозяйств шло с большим трудом. Причин здесь много, в том числе и нерешенность вопросов о продаже земли, об ипотеке (залоге), о кредитах и пр. Немаловажную роль сыграла и психология людей, за долгие годы отвыкших брать на себя ответственность. Вдобавок общественное мнение на селе зачастую было враждебным по отношению к новоиспеченным фермерам. Как и в годы столыпинской реформы, люди с неприязнью относились к тем, кто начал самостоятельное хозяйствование. Многие фермеры ощутили на себе зависть соседей, которая нередко выражалась в поджогах, угонах скота, уничтожении посевов, хищении имущества и т.п.

Третьим направлением в продвижении земельной реформы явилось дальнейшее развитие личных подсобных хозяйств, рост числа земельных участков в садовых товариществах и др. Если в 1990 г. на их долю приходилось 2% пахотных земель, где производилось 24% сельскохозяйственной продукции, то уже в 1993 г. их площадь увеличилась до 5%, но

зато производство продукции выросло до 36% всего объема сельскохозяйственной продукции по стране. В эти же годы произошла массовая приватизация этих земельных участков, то есть увеличилось количество частных собственников.

Следует обратить внимание, что реформа в сельском хозяйстве продвигалась гораздо медленнее, чем в других секторах экономики. Но именно на селе удалось избежать крупных социальных потрясений, которые время от времени охватывали другие отрасли народного хозяйства.

7.5. Российская экономика на рубеже XX–XXI вв.

Условно можно выделить несколько этапов развития российской экономики в 1990-х гг. Принято считать, что первый этап пришелся на 1991–1994 гг., когда в стране происходила наиболее стремительная трансформация экономики, которая привела к ухудшению социально-экономической ситуации в стране.

На первом этапе зафиксировано масштабное сокращение инвестиций, огромная инфляция, обесценение денежных сбережений населения, распад СССР, потеря важнейших внешних рынков и т.д. Именно в эти годы страна имела огромный бюджетный дефицит (до 20% ВВП в год), который покрывался почти исключительно кредитами Центрального банка, что на практике означало прямую эмиссию бумажных денег, а значит инфляцию. О масштабах инфляции можно судить по росту потребительских цен за соответствующие годы по отношению к предыдущему (по состоянию на декабрь, в разгах): 1991 г. – 2,6; 1992 г. – 26; 1993 г. – 9,4; 1994 г. – 3,2 (а в целом за 1990–1995 гг. рублевые цены увеличились примерно в 5000 раз).

Среди множества показателей, отражавших макроэкономическую нестабильность в этот период, можно назвать динамику обменного курса рубля, который до 1993 г. постоянно демонстрировал резкие скачки, а в течение 1994 г. стал неуклонно снижаться. Особенно резкое и внезапное падение курса рубля по отношению к доллару было зафиксировано в сентябре (на 20%); за неделю, с 3 по 10 октября, он упал на 17%, а 11 октября произошел обвал курса на 27% (с 3081 до 3926 руб. за долл.). Этот день тут же был назван «черным вторником». Через два дня курс поднялся до 2294 руб. за долл., но постоянная девальвация рубля сохранялась, и к концу года обменный курс составил 3550 руб. за долл.

В условиях высокой инфляции деньги на глазах теряли свою ценность, и люди стремились поскорее пристроить их куда-нибудь, лишь бы они не пропали, как сбережения Советских времен. Повсюду стали появляться, как грибы после дождя, всевозможные финансовые и инвестиционные компании (фонды, банки, «дома»). Они обещали своим клиентам баснословные

проценты на вклады или доходы на ценные бумаги в рублях и валюте. Опытные финансисты пытались остановить вкладчиков, разъясняя им, что все это называется во всем мире «финансовыми пирамидами» и чревато крахом, так как высокие проценты не растут из воздуха, а получаются за счет привлечения средств все новых и новых вкладчиков. Но специалистов мало кто слушал, всех завораживали цифры обещанных доходов. Тем более что здравые голоса заглушались агрессивной и лживой рекламой новоиспеченных компаний (МММ, «Чара», «Тибет», «Хопер-инвест», «Русский дом Селенга» и пр.). Через несколько месяцев учредители этих пирамид, как правило, бесследно исчезали в различных уголках мира вместе с капиталами, а более 30 млн чел. потеряли в одночасье свои накопления. Во многих городах страны обманутые вкладчики пытались вернуть себе эти деньги, но у лопнувших «пузырей» уже нечего было взять.

Одновременно с этим стал заметным процесс полулегального и нелегального вывоза капиталов за рубеж, в оффшорные зоны, где был установлен льготный режим налогообложения (или вообще существовала безналоговая система), где сквозь пальцы смотрели на происхождение этих капиталов. Практика такого вывоза капиталов осуществлялась под прикрытием экспортных и импортных операций, когда заведомо занижались контрактные цены или не указывались полностью суммы валютных поступлений от этих сделок, часто не соблюдались правила таможенных досмотров грузов и т.д. Многие из этих операций были напрямую связаны с нарушением различных правовых норм. Бегство капиталов можно объяснить разными причинами, в том числе стремлением их владельцев обезопасить себя от политических и экономических рисков в своей стране (страха перед возвратом к старой системе, национализацией, инфляцией, ростом налогов и др.), а также от уголовного преследования.

На первом этапе был сделан решительный шаг в сторону реструктуризации народного хозяйства. Это привело к тому, что целые отрасли и регионы (например, добыча угля на Севере) оказались бесперспективными. Кроме того, многолетнее отсутствие в Советской экономике внутренней и внешней конкуренции привело к утрате стоимостных и качественных ориентиров для российских производителей, поэтому в начале 1990-х гг. большое количество отечественных товаров перестали пользоваться спросом из-за их низкого качества и несоответствия мировым стандартам. В результате в этот период произошло самое сильное падение производства, причем основной объем падения пришелся на период до 1994 г.: при снижении в 1990–1997 гг. производства ВВП в целом на 41% (в сопоставимых ценах), в 1994–1997 гг. сокращение ВВП составило всего 9%.

С другой стороны, на первом этапе происходило становление институтов рыночной экономики (кредитно-банковской и налоговой системы, частной собственности), различных секторов рынка (товаров, услуг, труда) и др. Государство перестало контролировать и устанавливать цены на

основные виды товаров и услуг (кроме социально значимых), ограничивать размер заработной платы. Почти прекратилась практика безвозмездных кредитов, налоговых и таможенных льгот, мягких бюджетных ограничений.

В течение всего нескольких лет была разрушена жесткая вертикальная структура управления предприятиями со стороны государственных органов (Госплана и др.). Она уступила место горизонтальным связям между российскими предприятиями, а также иностранными фирмами. Была проведена либерализация внешней торговли, что позволило устранить исключительный протекционизм по отношению к отечественным производителям. На этой основе были сняты некоторые импортные барьеры, сокращен или даже ликвидирован разрыв между внутренними и внешнеторговыми ценами.

Население стало приспосабливаться к рыночным условиям. Все больше людей стали жить самостоятельно и зарабатывать деньги, не оглядываясь на государство. Именно в эти годы в массовых масштабах проявился своеобразный «челночный» бизнес, когда тысячи людей на свой страх и риск отправились в Турцию, Польшу, Китай и другие страны закупать товары массового спроса, которых так не хватало в России, чтобы потом продать их на вещевых рынках.

Конечно, большинство «челночников» пришли в эту сферу не от хорошей жизни, а чаще всего из-за массовой безработицы, охватившей огромное количество промышленных предприятий, научных учреждений и организаций, связанных, прежде всего с военным производством. Однако «челночная» торговля сыграла важную экономическую роль по наполнению потребительского рынка товарами, она помогла снять социальную напряженность во многих регионах страны. Кроме того, многие из ее участников сумели в короткий срок заработать немалые средства, чтобы заняться позже более серьезным бизнесом.

Одним из самых тяжелых последствий начального этапа реформ можно назвать резкое снижение жизненного уровня населения. Из-за хронического дефицита государственного бюджета происходило постоянное недофинансирование социальных программ, учреждений здравоохранения, науки, образования, других бюджетных организаций, что вело к длительным задержкам заработной платы, пенсий, пособий на детей и инвалидов.

Второй этап развития российской экономики охватывает период с 1995 по август 1998 гг. В это время появились неплохие основания для оптимистических настроений в обществе. Тогда казалось, что еще немного – и начнется экономический рост, на основе которого население сможет почувствовать реальные плоды масштабных преобразований. Тем более что стали проявляться действительные признаки макроэкономической стабилизации: снизились темпы роста потребительских цен и инфляции (до 1% в мес.), заметно подешевели государственные кредиты, повысились курсы акций многих российских компаний (в январе–сентябре 1997 г. их индекс

вырос почти в 3 раза), стабилизировалась динамика курса рубля к доллару, увеличились валютные резервы Центрального банка с 4 млрд долл. (1994 г.) до 20 млрд долл. (июнь 1997 г.), появились признаки оживления в некоторых отраслях (прежде всего в торговле), замедлились темпы роста безработицы и т.д. Ушли в прошлое хронические дефициты на инвестиционные и потребительские товары (удивительно, как быстро забылись огромные очереди и пустые прилавки в магазинах), а также на рабочую силу.

Россия перестала быть крупнейшим мировым импортером зерна. Более того, возникли реальные предпосылки не только для отказа от закупок зерна за границей, но и для возрождения прежнего статуса России как экспортера зерна. Ослабло давление производителя на потребителя. Теперь уже и потребитель своим экономическим поведением мог реально влиять на изменения в структуре производства. В это же время проявились и благоприятные внешние факторы для подъема российской экономики. К их числу можно отнести рост спроса и цен на экспортные товары (правда, по-прежнему всего лишь на сырье), увеличение притока иностранных капиталов, появление возможности для российского правительства получать международные кредиты под весьма умеренные процентные ставки.

Однако, наряду с положительными тенденциями, в экономике России развивались и другие процессы. Так, за 1995 г. потребительские цены выросли в 2,3 раза (и лишь в 1996–1997 гг. прирост индекса цен составил соответственно 22 и 11%). Удручающе выглядели данные об относительной величине реальной заработной платы: в 1997 г. она составляла всего 54–55% от уровня 1990 г. Правда, эти данные нельзя рассматривать в отрыве от такого показателя, как реальный объем розничного товарооборота, который в 1995–1997 гг. составлял 80–90% от уровня 1990 г. Видимо, за это время возросли легальные и нелегальные доходы, не отраженные в официальной статистике.

Следует напомнить, что с 1 января 1998 г. в России была проведена деноминация рубля (в тысячу раз): с денежных купюр исчезли три нуля, но их внешний вид остался прежним, появились новые металлические монеты. Населению в очередной раз приходилось привыкать к новым ценам, прощаясь с миллионами рублей («лимонами») в повседневной жизни.

И в этот момент стало ясно, что потребительские цены в стране выросли по сравнению с 1989–1990 гг. в 7–8 раз, а на некоторые товары и услуги тарифы поднялись на порядок: так, стоимость одной поездки в московском метро увеличилась с 5 коп. до 3 руб., то есть в 60 раз. А государственные пенсии за это же время увеличились не более чем в 3–3,5 раза.

На втором этапе развития реформ одной из самых актуальных и решающих для экономики стала проблема государственного долга. Дело в том, что в отличие от предыдущего периода дефицит бюджета в 1995–1997 гг., достигавший в среднем 10% ВВП, стал покрываться менее инфляционным методом: покупкой Центральным банком и некоторыми другими банками,

а также иностранными инвесторами краткосрочных государственных ценных бумаг, которые выпускались Министерством финансов.

В принципе выпуск ценных бумаг во всем мире считается обычным делом, поскольку это в какой-то мере позволяет укрепить бюджет государства. Но пользоваться этим инструментом следует очень осторожно, поскольку в стране автоматически растет внутренний государственный долг. В России практически вся эмиссия Министерства финансов состояла из государственных казначейских обязательств (ГКО) со сроком погашения три и шесть месяцев и облигаций федерального займа (ОФЗ) со сроком от одного года до трех лет. На долю этих двух видов ценных бумаг приходилось 436 млрд руб. из 506 млрд руб. общей суммы внутреннего рублевого государственного долга (июль 1998 г.).

Вся проблема заключалась в том, что краткосрочные ценные бумаги требовали их постоянного обновления взамен уже погашенных, то есть очень быстро возрастала государственная долговая пирамида. Экономические преобразования в 1990-х гг. финансовая система страны попадала в порочный круг, когда оплата старых долговых обязательств происходила только за счет выпуска новых, на которые следовало устанавливать более высокую процентную ставку.

К тому же осенью 1997 г. разразился финансовый кризис, охвативший весь Азиатско-Тихоокеанский регион. Казалось бы, российской экономике, очень слабо связанной со странами этого региона, данный кризис реально не угрожает. Но на практике все было гораздо сложнее. Под влиянием кризиса во многих странах мира началась паника среди держателей государственных облигаций. И в России иностранные инвесторы бросились в массовых масштабах срочно продавать ГКО–ОФЗ, угрожая подорвать всю систему государственного долга. Центральный банк, спасая валютные резервы, начал повышать процентную ставку рефинансирования, которая к весне 1998 г. достигла 150% годовых. Все это вело к общему росту процентных ставок и загоняло правительство и Центральный банк в кризисную ситуацию. На выплату процентов по государственному долгу в первой половине 1998 г. приходилось тратить до 60% всех налоговых поступлений в бюджет. Страна стремительно двигалась к всеобщему обвалу, который произошел в августе 1998 г.

Одним из заметных явлений второго этапа реформ стало непомерное увеличение количества банков. В начале 1998 г. в стране насчитывалось более 2,5 тыс. зарегистрированных банков, но из них фактически функционировало немногим более 1,6 тыс. У остальных либо отсутствовали лицензии Центрального банка, либо они находились в стадии ликвидации, поскольку некоторые банки создавались не для проведения нормальных операций, а для осуществления всевозможной полулегальной деятельности. У значительной части этих новоявленных банков был невероятно низкий

уровень уставных капиталов и привлеченных средств, что не позволяло им стать полноценными субъектами финансового рынка.

Как правило, многие коммерческие банки занимались не кредитованием предприятий в реальном секторе экономики, а куплей-продажей государственных ценных бумаг и иностранной валюты (хотя лицензий на это они зачастую не имели), переводом в зарубежные банки денег сомнительного происхождения с целью их «отмывания» и т.п. Лишь очень небольшая часть коммерческих банков работала с населением. Но и там почти невозможно было получить кредиты на покупку недвижимости или товаров длительного пользования.

Большое влияние на экономику России в этот период стали оказывать огромные внешние долги. С одной стороны, это были долги Советского Союза, которые приняла на себя Россия после распада СССР. Разумеется, их уже нельзя было просто аннулировать, как в свое время поступила Советская Россия с царскими долгами, а их следовало выплачивать. Но в начале 1990-х гг. у новой России не было средств для этого, поэтому выплаты по долгам откладывались, а тем временем на них постоянно начислялись проценты, и к концу XX в. долги бывшего СССР составляли уже 95 млрд долл.

Но, как известно, Россия вместе с Советскими долгами взяла на себя право взыскания долгов с многочисленных зарубежных заемщиков. В конце 1990-х гг. эти долги оценивались примерно в 130–140 млрд долл., и вернуть их в обозримом будущем вряд ли удастся, поскольку должники – это, как правило, наиболее бедные страны мира (Ангола, Эфиопия, Мозамбик и др.). К тому же до сих пор не определено, по какому курсу им следует рассчитываться.

С другой стороны, за годы реформ у России накопились новые долги, прежде всего перед Международным валютным фондом, Всемирным банком и другими международными организациями. Кроме того, в 1990-х гг. Россия размещала на западных финансовых рынках срочные облигации (евробоны), которые непременно следовало погашать, чтобы не прослыть государством-изгоем среди цивилизованных стран. В целом сумма долгов России, накопленных после 1991 г., составила 55 млрд долл., оказывая на российскую экономику сильное давление и препятствуя преодолению кризиса переходного периода.

Следует подчеркнуть также, что в течение 1990-х гг. российская экономика все больше и больше попадала в сети долларизации, когда всемогущий американский доллар проникал во все сферы хозяйства страны. От соотношения рубля к доллару зависели не только макроэкономические показатели, но и жизненные интересы миллионов простых людей.

Еще на первом этапе реформ ослабление покупательской способности рубля приводило к постоянному снижению его обменного курса. После «черного вторника» обменный курс рубля к доллару был поставлен под

довольно эффективный контроль со стороны Центрального банка. До августа 1998 г. в стране поддерживался валютный коридор, в пределах которого мог колебаться обменный курс. Чтобы этот курс не выходил за пределы коридора, Центральный банк осуществлял валютную интервенцию за счет продажи валюты из своих резервов (если курс доллара приближался к верхнему пределу) или ее покупки (если курс приближался к нижнему пределу).

Такая ситуация сохранялась в основном до середины 1997 г. Вскоре спрос на валюту стал заметно превышать ее предложение, и Центральному банку приходилось лихорадочно выбрасывать на рынок, новые и новые объемы долларов из своего резервного фонда. В итоге резервы ЦБ сократились с 20,4 млрд (конец июня 1997 г.) до 8,2 млрд долл. (в течение августа 1998 г.). Оставалась одна надежда на продажу золотого запаса, который летом 1998 г. составлял 480 т., но это уже был неприкосновенный запас, так что отступить стало некуда.

Положение усугублялось еще и тем, что в этот период на мировых рынках упали цены на нефть до невероятно низкого уровня: за 1 баррель нефти давали менее 10 долл. Российская экономика сразу же ощутила снижение валютных поступлений, поскольку доходы от продажи этого важнейшего экспортного товара занимали очень большое место в государственном бюджете страны.

Начало третьего этапа в развитии российской экономики в 1990-х гг. ознаменовано драматическими событиями августа 1998 г. Эти события были во многом предопределены и перманентным политическим кризисом, связанным с неспособностью главных политических сил в течение нескольких лет прийти к соглашению по поводу решения основных экономических и политических проблем страны. Противостояние исполнительной и законодательной ветвей власти привело к множественным перестановкам в правительстве. В марте 1998 г. было отправлено в отставку правительство во главе с В.С. Черномырдиным. В течение апреля президент настойчиво добивался от Государственной думы утверждения председателем правительства совсем неизвестного до того времени С. Кириенко, которого в результате нескольких туров голосования депутаты все же утвердили на этот пост. Молодой премьер получил в наследство расползающийся на глазах государственный бюджет, огромный внутренний и внешний долг, взаимные неплатежи в экономике и т.д. Правительство в срочном порядке представило в Думу план чрезвычайных мер по спасению положения, но депутаты не поддержали его, и страна стала стремительно приближаться к кризису.

Итак, что же произошло 17 августа 1998 г. и почему эта дата стала в буквальном смысле слова рубежной для России? В этот день правительство объявило о введении следующих мер государственной политики: отказ от поддержки Центральным банком валютного коридора; отказ от договорных

условий погашения краткосрочных государственных обязательств; установление трехмесячного моратория по частным долгам иностранным кредиторам. На практике это означало расширение и полную отмену валютного коридора, что привело к официальному снижению курса рубля на валютном рынке, или его девальвации.

Вероятно, не следовало доводить дело до обвала рубля, а постепенно снижать его курс гораздо раньше. Ведь еще с 1995 г. специалисты отмечали, что курс рубля явно завышен по сравнению с его реальной покупательной способностью. В результате же отмены валютного коридора курс доллара вырос сразу в 2-3 раза, а не на 50%, как предполагало правительство, а потом до конца года – в четыре раза по сравнению с началом августа (примерно с 6 до 24 руб. за долл.).

Отказ правительства от условий погашения ГКО–ОФЗ по существу означал дефолт, или банкротство государства-должника. Такая односторонняя мера привела к огромным потерям у многих внутренних держателей ценных бумаг – Центрального банка, Сбербанка, группы крупных коммерческих банков, а также иностранных держателей, на долю которых приходилось около трети общего количества ГКО–ОФЗ. Это означало крах всей банковской системы: сотни мелких банков мгновенно разорились. Население страны фактически было брошено на произвол судьбы, поскольку закон о страховании банковских вкладов так и не был принят. Вкладчикам коммерческих банков предложили перевести их вклады (в том числе и валютные) в Сбербанк на очень невыгодных условиях. При изъятии вкладов деньги выдавались по весьма низкому курсу, к тому же без начисления процентов и без учета инфляции.

Все это имело тяжелые социально-экономические последствия. Население страны разом потеряло доверие к правительству, политикам, банкирам, крупным предпринимателям. На фоне общего ухудшения состояния экономики вновь обострилась проблема безработицы, снижения жизненного уровня народа. Особенно большие потери понес так называемый средний класс, который только-только перед этим стал укреплять свои позиции в бизнесе. Можно сказать, что незнакомое до сих пор слово «дефолт» стало означать для многих людей крушение всех надежд и компрометацию благих начинаний реформаторов. Решение о дефолте вызвало самые негативные последствия и за рубежом, привело к нежеланию иностранных кредиторов вкладывать капиталы в российскую экономику.

Вслед за этими событиями правительство во главе с С.В. Кириенко было отправлено в отставку. Президент пытался добиться от депутатов согласия на возвращение В.С. Черномырдина, но Дума его кандидатуру не поддержала, и в сентябре 1998 г. премьером был утвержден Е. Примаков. Этот кабинет министров был нужен не для проведения, каких-либо решительных действий, а чтобы как-то стабилизировать ситуацию в стране. Но уже к весне 1999 г. стали появляться признаки заметного «полевения»

правительства, попытки затормозить реформы. В это же время в Государственной думе были предприняты действия по процедуре импичмента президенту Б.Н. Ельцину, но они бесславно провалились. В мае 1999 г. председателем правительства без особых трудностей был утвержден С. Степашин, который оставался на этой должности в течение трех месяцев.

Одной из главных причин последующих перестановок в правительстве в августе 1999 г. стало усиление напряженности на Северном Кавказе, поскольку чеченские сепаратисты нарушили так называемые Хасавюртовские соглашения, которые в 1996 г. помогли установить хрупкое перемирие в этом регионе. Чеченские формирования совершили нападение на соседний Дагестан и федеральному центру пришлось ввести туда войска и начать антитеррористическую операцию. Особую решительность при этом проявил секретарь Совета Безопасности России В. Путин, которого президент очень скоро предложил на должность председателя правительства. Завершающим этапом в этой череде перестановок в исполнительной власти стала неожиданная отставка президента Б.Н. Ельцина, о которой он объявил 31 декабря 1999 г. При этом он своим указом утвердил до проведения досрочных президентских выборов, на должность исполняющего обязанности президента В.В. Путина. На выборах 26 марта 2000 г. В.В. Путин был избран президентом Российской Федерации в первом туре. Все это послужило исходным пунктом формирования более устойчивых политических отношений в обществе как основы экономической стабилизации.

В течение 1999 г. в стране шли поиски путей по выходу из кризисной ситуации, сложившейся после августа 1998 г. Прежде всего, необходимо было извлечь максимальную выгоду из девальвации рубля. Известно, что удешевление национальной валюты ограничивает импорт товаров и, следовательно, способствует подъему отечественного производства, особенно в отраслях, производящих продукцию на экспорт. Следует отметить, что в течение 1999–2000 гг. Россия во многом сумела воспользоваться благоприятными последствиями падения курса рубля.

В этот период заметно активизировался процесс, связанный с урегулированием внешних долгов России. В результате длительных переговоров с Парижским и Лондонским клубами кредиторов часть долгов удалось списать, а часть – реструктурировать с рассрочкой выплат на более отдаленные периоды.

Одновременно на мировом нефтяном рынке начался бурный рост цен, который во многом был спровоцирован позицией стран – членов ОПЕК, выступавших консолидированно за сдерживание добычи и поставок продукции на рынок. В 2000 г. цены на нефть поднялись выше 30 долл. за баррель, но затем постепенно стабилизировались в пределах 26 долл. за баррель. Это было как нельзя, кстати, для российской экономики. Дополнительные валютные поступления в бюджет от экспорта нефти дали

возможность стабилизировать макроэкономические показатели, направить ресурсы на развитие важнейших секторов экономики и в социальную сферу.

По результатам парламентских выборов (декабрь 1999 г.) в Государственной Думе сформировалось центристское большинство, которое дало исполнительной власти возможность проводить необходимые законопроекты, позволило новому президенту осуществлять более решительные шаги по продвижению реформ, снижению политических и финансовых издержек принятия долгожданных законов.

Одним из первых начинаний В.В. Путина стало укрепление вертикали власти. Вся страна была поделена на семь федеральных округов, куда были направлены полномочные представители президента для формирования единого правового пространства. Это означало, что провозглашенному в свое время Б. Н. Ельциным безграничному суверенитету приходит конец. Субъектам Федерации было предложено в кратчайшие сроки привести свои нормативные акты в соответствие с федеральным законодательством. Это, в свою очередь, должно было привести к выравниванию хозяйственных условий во всех регионах, ликвидации всевозможных налоговых льгот и т.д., усилению контроля со стороны государства за финансовой ситуацией в стране. Федеральный центр взял на себя ответственность за выполнение основных социальных программ, чтобы снизить напряженность, вызванную, в частности, несвоевременной выплатой заработной платы работникам бюджетной сферы, пенсий, пособий, стипендий и пр.

С избранием В.В. Путина на пост президента был провозглашен принцип равноудаленности власти от мощных политических и экономических групп. Это был очень важный ход, позволявший президенту стать самостоятельной политической фигурой.

Дело в том, что на протяжении нескольких лет исполнительная власть демонстрировала свою экономическую слабость, например, неспособность сбалансировать государственный бюджет, поэтому ей требовалась постоянная подпитка за счет ресурсов финансового рынка. В этих условиях различные политические институты (партии, объединения) приобретали на нее чрезмерное влияние. Кроме того, судьба государственного бюджета во многом зависела от нескольких владельцев крупных фирм из сферы финансов и бизнеса – так называемых олигархов, которые обрели особую силу в стране. Преднамеренные действия олигархов могли приводить не только к резким колебаниям курса рубля (вплоть до его обвала), но даже к смене Кабинета министров. И чем чаще в стране формировался дефицитный бюджет, тем сильнее становилось влияние олигархов на все ветви власти. Срочно требовалось «развести» власть и собственность по разные стороны. Достижение определенной макроэкономической стабилизации и политической консолидации в обществе позволило наконец российскому руководству заявить о своей независимости, что и было продемонстрировано в 2000–2001 гг.

Итак, можно констатировать, что к концу XX в. в России в основном были реализованы цели, заложенные в программе правительства Е.Т. Гайдара. В стране была проведена либерализация цен и внешнеэкономической деятельности, осуществлена бюджетная и денежная стабилизация, сформировался институт частной собственности. Это позволило приступить к разработке в 2000 г. новой программы социально-экономического развития страны. В ней были заложены главные стратегические задачи, стоящие перед Россией на ближайшую и отдаленную перспективу: проведение полноценной налоговой реформы с радикальным сокращением налогового бремени на бизнес и граждан; дерегулирование хозяйственной деятельности субъектов рынка; снижение барьеров для их вхождения в рыночные структуры; защита института частной собственности при сохранении эффективного государственного сектора; совершенствование кредитной, финансовой, таможенной систем и т.д.

Знаменательный 2000 г. – последний год уходящего XX в. – оказался для российской экономики довольно успешным. После длительного перерыва рост ВВП составил 7%, впервые бюджет был сведен с профицитом, то есть превышением доходов над расходами (без учета выплат по внешнему долгу). Стали оживать предприятия не только в топливно-энергетическом комплексе, но и в машиностроении, где производится импортозамещающая продукция. Постепенно в страну начали притекать иностранные инвестиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социально-экономическая модель, на фоне которой разворачивается сегодня жизнедеятельность общества, сформировалась исторически, необычайно сложна, и ее нельзя игнорировать ни в масштабной общественной или государственной деятельности, ни в индивидуальной социальной практике. Особенностью СССР является то, что его история не уходит в прошлое, а является частью современности, активно влияя на жизнь общества.

На протяжении веков российское общество сложилось как плюралистическое по материальным и духовным ценностям, социальной организации, культуре, традициям, общественным идеалам, образу жизни. Причем, за исключением европейских анклавов, которые входили на определенных этапах истории в состав Российского государства (Прибалтика, Польша, Финляндия), преобладали сообщества с корпоративной (общинной) структурой и значительным влиянием религии на общественное сознание и повседневную жизнь людей. В социально-экономической системе Советской России и СССР в XX в. доминировал русский народ (неколониальный тип империи). Это выражалось прежде всего в том, что народы жили по законам, отражающим русскую традицию. В органах власти высшего и среднего уровня преобладали русские, в сфере управления применялся русский язык. Государство рассматривалось как русское, хотя к началу XX в. русское население составляло менее половины от общей численности страны. Православие имело приоритет и статус государственной религии по сравнению с другими конфессиями. Доминирование русских означало неравноправное по сравнению с ними положение других народов. Экономические реформы, становление гражданского общества, утверждение разделения властей и парламентаризма во второй половине XIX – начале XX в., неизбежно поставили на повестку дня вопрос о переходе в многонациональном государстве от социально-экономической системы, основанной на доминировании одного народа, к демократическому устройству при равноправии всех народов. Эта была задача колоссальной исторической сложности. Ее нерешенность вызвала мощные национальные движения в годы Октябрьской революции и Гражданской войны, которые привели к распаду государства.

В советское время социально-экономическая система, несмотря на официально провозглашенные интернационализм и равноправие, также строилась на доминировании русских, а русификация была более жесткой, чем в дореволюционной России. Масштабная политика советского времени по стиранию социально-экономических и социокультурных различий, утверждению целостности на основе русского языка и культуры породило иллюзии, что все народы России – СССР сблизились и консолидировались. Однако при ослаблении коммунистической системы выявилась

неоднородность социально-экономического развития, и СССР в историческом плане развалился «в одночасье». В России, оставшейся в границах РСФСР, доля русских в составе населения выросла, но общество в целом оставалось неоднородным. Мусульманский анклав по-прежнему значителен: Поволжье и часть Северного Кавказа. Сохранился в прежнем объеме в составе России буддийский анклав (Южная Сибирь и Калмыкия). Идет стремительный процесс восстановления мусульманской и буддийской духовной традиции, осознания народами себя как части больших и коренных цивилизаций России. Возрождается финно-угорская культура. Природные сообщества расселены на огромной территории от Кольского полуострова до Чукотки и Приморья: ненцы и ханты, нивхи и эвины, юкогиры и чукчи, эскимосы и удэгейцы. Малые народы пытаются найти свое место в меняющемся мире.

Советская модернизация привела к тому, что все большие города, особенно столица России, стали многонациональными. Диаспоры сохраняют связь с исторической традицией и с этнической родиной. После распада СССР многонациональной становится российская глубинка, куда устремились потоки беженцев с Кавказа, из Средней Азии и Казахстана. Усилилась тяга к этнической консолидации, которая проявляется во всех сферах жизни: экономической, политической, культурной, духовной. Социокультурная неоднородность России в условиях тяжелых экономических реформ таит угрозу дальнейшего распада, межнациональных конфликтов и напряженности.

Вывод из нашего исторического опыта: необходимо признание социально-экономических различий, уважение их и обязательный учет национальной практики. Очевидно, что времена доминирования русских, или любого другого народа в общественной системе, должны уйти в прошлое, как ушли они в прошлое для многих других стран. Россия никогда не была мононациональным государством и никогда не сможет им быть. Даже для Западной Европы, породившей феномен национального государства, это уже пройденный этап. Важно осознать и мировой опыт. Многие страны сегодня освоили, или осваивают рынок и парламентскую демократию, но это не только не привело к стиранию социокультурных различий, унификации и общему знаменателю, а наоборот, вывело на первый план не сходство, а различие.

Россия вступила в полосу новой, глубокой модернизации, взяла курс на создание демократического правового государства на основе равноправия всех народов и гарантированных прав личности, рыночной экономики и парламентаризма. Этот процесс идет сложно, сопровождается политическими, социальными и межнациональными эксцессами. Трудности возрастают в связи с тем, что в обществе все еще преобладает корпоративность. Большинство подобных образований либо сохраняет жесткую социально-экономическую систему с доминированием одного народа, либо

уже распалось. Опыт перехода к демократии в таких системах очень ограничен. Предоставление особых прав и привилегий субъектам федерации, которые претендуют на роль национальных республик, может рассматриваться лишь как временная мера, не являющаяся демократическим решением проблемы.

Общество должно строиться на принципах равноправия граждан. Все субъекты федерации должны иметь равные социально-экономические права и соответствующие гарантии. Необходима развитая правовая база, охраняющая социокультурный и духовный плюрализм нашего общества, гарантирующая свободу развития, а также государственную и общественную поддержку. Диалог, взаимообмен, взаимоуважение, равноправие и учет различных интересов должны стать главной формой взаимоотношений в нашем сложном государстве. Очевидно, что у страны нет иного пути, как кардинальная модернизация, но ее осуществление требует учета социокультурных особенностей сложного многонационального сообщества, чтобы избежать новых масштабных потрясений и катастроф.

Ключевский В.О. писал: «История – не учительница, а надзирательница, наставница жизни, она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков». Это высказывание звучит крайне актуально в нынешнюю эпоху, когда все человечество, в том числе и Россия, вступило в III тысячелетие. Как никогда остро перед нашим обществом вновь встал вопрос: по какому пути пойдет развитие самобытной и уникальной российской цивилизации.

Ныне обновляющаяся Россия, пройдя сложный и противоречивый этап радикальных рыночных преобразований, испытывая последствия «шоко-терапии» не только в социально-экономической сфере, но и в области государственного развития, находится в переходном периоде своей истории. Именно поэтому поиск ответов на вопрос о будущем нашего Отечества неизбежно приводит к детальному и объективному анализу его богатейшего прошлого.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абалкин, А. К цели через кризис: Спустя год... [Текст] / А. Абалкин. – М., 1992.
2. Абалкин, А. Неиспользованный шанс: Полтора года в правительстве [Текст] / А. Абалкин. – М., 1991.
3. Абдулатипов, Р.Г. Власть и совесть: Политики, люди и народы в лабиринтах смут времени [Текст] / Р.Г. Абдулатипов. – М., 1994.
4. Абрасимов, П. На дипломатическом посту [Текст] / П. Абрасимов. – М., 1987.
5. Аджубей, А. Те десять лет [Текст] / А. Аджубей. – М., 1990.
6. Аксютин, Ю.В. XX съезд КПСС: Новации и догмы [Текст] / Ю.В. Аксютин, О.В. Волобуев. – М., 1991.
7. Александров-Агентов, А.М. От Коллонтай до Горбачева: Воспоминания дипломата, советника А.А. Громыко, помощника Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко и М.С. Горбачева [Текст] / А.М. Александров-Агентов. – М., 1994.
8. Алексеева, Л. История инакомыслия в СССР: Новейший период. [Текст] / Л. Алексеева. – М., 1992.
9. Амальрик, А. Записки диссидента [Текст] / А. Амальрик. – М., 1991.
10. Аникин, А.В. История финансовых потрясений: От Джона Ло до Сергея Кириенко [Текст] / А.В. Аникин. – М., 2000.
11. Арбатов, Г.А. Затянувшееся выздоровление (1953–1985): Свидетельство современника [Текст] / Г.А. Арбатов. – М., 1991.
12. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927 [Текст]. – М., 1990. Т. 1–4.
13. Байбаков, Н.К. Сорок лет в правительстве [Текст] / Н.К. Байбаков. – М., 1993.
14. Бакатин, В. Избавление от КГБ [Текст] / В. Бакатин. – М., 1992.
15. Барсуков, Н. Как был смещен Н.С. Хрущев [Текст] / Н. Барсуков // Трудные вопросы истории. – М., 1991.
16. Бережков, В. Как я стал переводчиком И.В. Сталина [Текст] / В. Бережков. – М., 1993.
17. Берия, С. Мой отец – Лаврентий Берия [Текст] / С. Берия. – М., 1994.
18. Берия: Конец карьеры [Текст]. – М., 1991.
19. Бобков, Ф.Д. КГБ и власть [Текст] / Ф.Д. Бобков. – М., 1995.
20. Болдин, В.И. Крушение пьедестала [Текст] / В.И. Болдин. – М., 1995.
21. Бордюгов, Г.А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории Советского общества [Текст] / Г.А. Бордюгов, В.А. Козлов. – М., 1992.
22. Брандт, В. Воспоминания [Текст] / В. Брандт. – М., 1991.
23. Буковский, В. «...И возвращается ветер»: Письма русского путешественника [Текст] / В. Буковский. – М., 1990.
24. Бунин, И.А. Окаянные дни [Текст] / И.А. Бунин. – М., 1991.

25. Бурлацкий, Ф. Вожди и советники: О Хрущеве, Андропове и не только о них [Текст] / Ф. Бурлацкий. – М., 1990.
26. Бутенко, А.П. Откуда и куда идем: Взгляд философа на историю советского общества: Советское общество после И.В. Сталина (1953–1985) [Текст] / А.П. Бутенко. – Л., 1990. Ч. III.
27. Бухарин, Н.И. Избранные произведения [Текст] / Н.И. Бухарин. – М., 1988.
28. В тисках идеологии: Антология литературно-политических документов. 1917–1927 [Текст]. – М., 1994.
29. Валентинов, Н. (Вольский Н.) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина [Текст] / Н Валентинов.. – М., 1991.
30. Валентинов, Н. Недорисованный портрет... [Текст] / Н. Валентинов. – М., 1993.
31. Валентинов, Н.В. Наследники Ленина [Текст] / Н.В. Валентинов. – М., 1991.
32. Васильева, О.Ю. Русская Православная Церковь в Великой Отечественной войне [Текст] О.Ю. Васильева / // Россия в XX веке. – М., 1984.
33. Великая Отечественная война. 1941–1945: Энциклопедия [Текст]. – М., 1985.
34. Венгрия 1956 года: Очерки истории кризиса [Текст]. – М., 1993.
35. Вернадский, В.И. Дневники. 1917–1921 [Текст] / В.И. Вернадский. – М., 1994.
36. Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия [Текст]. – М., 1995.
37. Война 1939–1945: Два подхода [Текст]. – М., 1995. Ч. 1.
38. Волковинский, В.Н. Махно и его крах [Текст]. – М., 1991.
39. Волкогонов, Д.А. Ленин [Текст] / Д.А. Волкогонов. – М., 1994.
40. Волкогонов, Д.А. Семь кремлевских вождей [Текст] / Д.А. Волкогонов. – М., 1995. Кн. 1.
41. Волкогонов, Д.А. Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина [Текст] / Д.А. Волкогонов. – М., 1989. Кн. 1-2.
42. Волкогонов, Д.А. Троцкий [Текст] / Д.А. Волкогонов. – М., 1993.
43. Воротников, В.И. «А было это так...»: Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС [Текст] / В.И. Воротников. – М., 1995.
44. Восленский, М.С. Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза [Текст] / М.С. Восленский. – М. 1991.
45. Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля [Текст]. – М., 1992. Т.1–2.
46. Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра [Текст]. – М., 1990.
47. Гайдар, Е.Т. Аномалии экономического роста [Текст] / Е.Т. Гайдар. – М., 1997.
48. Гайдар, Е.Т. Гибель империи: Уроки для современной России [Текст] / Е.Т. Гайдар. – М., 2006.

49. Гайдар, Е.Т. Государство и эволюция [Текст] / Е.Т. Гайдар. – М., 1995.
50. Гайдар, Е.Т. Долгое время. Россия в мире: Очерки экономической истории [Текст] / Е.Т. Гайдар. – М., 2005.
51. Геллер, М. Глазами историка: Россия на распутье. 1990–1995 [Текст] / М. Геллер. – М., 1996.
52. Геллер, М. Утопия у власти: История Советского Союза от 1917 года до наших дней [Текст] / М. Геллер, А. Некрич. – М., 1995. – Кн. 1–2.
53. Гимпельсон, Е.Г. Военный коммунизм [Текст] / Е.Г. Гимпельсон. – М., 1973.
54. Гимпельсон, Е.Г. Формирование Советской политической системы [Текст] / Е.Г. Гимпельсон. – М., 1995.
55. Гиренко, Ю.С. Сталин – Тито [Текст] / Ю.С. Гиренко. – М., 1991.
56. Горбачев, М.С. Августовский путч [Текст] / М.С. Горбачев. – М., 1991.
57. Горбачев, М.С. Декабрь–91: Моя позиция [Текст] / М.С. Горбачев. – М., 1992.
58. Горбачев, М.С. Жизнь и реформы [Текст] / М.С. Горбачев. – М., 1995. Т. 1.
59. Горбачев, М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира [Текст] / М.С. Горбачев. – М., 1988.
60. Гордон, А.А. Что это было: Размышления о предпосылках и об итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы [Текст] / А.А. Гордон, Э.В. Клопов. – М., 1989.
61. Горинов, М.М. НЭП: Поиски путей развития [Текст] / М.М. Горинов. – М., 1990.
62. Готовил ли И.В. Сталин наступательную войну против Гитлера? [Текст]. – М., 1995.
63. Гражданская война в России: Перекресток мнений [Текст]. – М., 19–94.
64. Гражданская война в СССР [Текст]. – М., 1986. Т.1–2.
65. Грачев, А. Кремлевская хроника [Текст] / А. Грачев. – М., 1994.
66. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах [Текст]. – М., 1993.
67. Гришин, В.В. От Хрущева до Горбачева. Политические портреты. Мемуары [Текст] / В.В. Гришин. – М., 1996.
68. Громов, Б.В. Ограниченный контингент [Текст] / Б.В. Громов. – М., 1994.
69. Громыко, Л.А. Памятное [Текст] / Л.А. Громыко. – М., 1989. Т.1–2.
70. Даниэль, Ю.М. Говорит Москва: Проза, поэзия, переводы [Текст] / Ю.М. Даниэль. – М., 1991.
71. Дело об «отравлении»: Михаил Зощенко объясняется с начальством [Текст] // Неизвестная Россия: XX век. – М., 1992.
72. Деникин, А.И. Очерки русский смуты [Текст] / А.И. Деникин. – М., 1991.

73. Дойчер, И. Троицкий в изгнании [Текст] / И. Дойчер. – М., 1991.
74. Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. [Текст]. – М., 1989.
75. Другая война. 1939–1945 [Текст]. – М., 1996.
76. Европа между миром и войной. 1918–1939 [Текст]. – М., 1992.
77. Елизаветин, Г.В. Деньги [Текст] / Г.В. Елизаветин. – М., 1970.
78. Европа между миром и войной. 1918–1939 [Текст]. – М., 1992.
79. Ельцин, Б.Н. Записки президента [Текст] / Б.Н. Ельцин. – М., 1994.
80. Ельцин, Б.Н. Исповедь на заданную тему [Текст] / Б.Н. Ельцин. – М., 1990.
81. Жиромская, В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг.: Взгляд в неизвестное [Текст] / В.Б. Жиромская. – М., 2001.
82. Жиромская, В.Б. После революционных бурь: Население России в первой половине 20-х годов [Текст] / В.Б. Жиромская. – М., 1996.
83. Жиромская, В.Б. Советский город в 1921–1925 гг.: Проблемы социальной структуры [Текст] / В.Б. Жиромская. – М., 1988.
84. Жиромская, В.Б. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года [Текст] / В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев, Ю.А. Поляков. – М., 1996.
85. Жискара, Э.В. Власть и жизнь [Текст] / Э.В. Жискара. – М., 1990.
86. Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления [Текст] / Г.К. Жуков. – М., 1992. Т.1–3.
87. Загладин, Я.В. История успехов и неудач советской дипломатии. [Текст] / Я.В. Загладин. – М., 1990.
88. Замойский, Я. «Черная дыра». Сентябрь 1939 – июнь 1941 г.: К вопросу о политике СССР в начальном периоде конфликта [Текст] Я. Замойский // Россия в XX веке: Историки мира спорят. – М., 1994.
89. Замятин, Л.М. Горби и Мэгги: Записки посла о двух известных политиках – Михаиле Горбачеве и Маргарет Тэтчер [Текст] / Л.М. Замятин. – М., 1995.
90. Зиновьев, А. Коммунизм как реальность: Кризис коммунизма [Текст] / А. Зиновьев. – М., 1994.
91. Зубкова, Е.Ю. Общество и реформы. 1945–1964 гг. [Текст] / Е.Ю. Зубкова. – М., 1993.
92. Зубкова, Е.Ю. После войны: Маленков, Хрущев и «оттепель» [Текст] / Е.Ю. Зубкова // История Отечества: Люди, идеи, решения. – М., 1991.
93. Зюганов, Г. Держава [Текст] / Г. Зюганов. – М., 1994.
94. Ильина, И. Припугнуть, чтоб другим неповадно было... К истории одного постановления [Текст] / И. Ильина // Трудные вопросы истории. – М., 1991.
95. Имена из Отечественной истории [Текст] / сост. А.П. Прохоров. – М., 1992. Кн. 1.
96. Иоффе, Г.З. Революция и судьба Романовых [Текст] / Г.З. Иоффе. – М., 1992.

97. Иоффе, Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов [Текст] / Г.З. Иоффе. – М., 1995.
98. История денежных реформ в России: XVI – XX вв. [Текст]. – М., 2002.
99. История мировой экономики [Текст] / под ред. Г.Б. Поляка, А.Н. Марковой. – М., 1999.
100. История Отечества в портретах политических и государственных деятелей [Текст]. – Брянск, 1993. – Вып. 2.
101. История экономики [Текст] / под общ. ред. О.Д. Кузнецовой, И.Н. Шапкина. – М., 2000.
102. Кабанов, В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма» [Текст] / В.В. Кабанов. – М., 1988.
103. Каганович, Л. Памятные записки [Текст] / Л. Каганович. – М., 1996.
104. Казарезов, В.В. Самые знаменитые реформаторы России [Текст] / В.В. Казарезов. – М., 2002.
105. Как снижали цены в конце 40-х – начале 50-х годов и что об этом говорил народ [Текст] // Неизвестная Россия: XX век. – М., 1992. – Т. 2.
106. Какурин, Н.Е. Как сражалась революция [Текст] / Н.Е. Какурин. – М., 1990. – Т.1–2.
107. Калугин, О. Прощай, Лубянка! [Текст] / О. Калугин. – М., 1995.
108. Канун и начало войны: Документы и материалы [Текст]. – Л., 1991.
109. Капица, П.Л. Воспоминания. Письма. Документы [Текст] / П.Л. Капица. – М., 1994.
110. Кара-Мурза, С. После «перестройки»: Интеллигенция на пепелище родной страны [Текст] / С. Кара-Мурза. – М., 1995.
111. Керенский, А.Ф. Россия на историческом повороте [Текст] / А.Ф. Керенский. – М., 1993.
112. Киселев, Л.Ф. Профсоюзы и Советское государство [Текст] / Л.Ф. Киселев. – М., 1990.
113. , Л. Преображение [Текст] / Л. Козырев. – М., 1995.
114. Коэн, С. Бухарин: Политическая биография. 1888–1938 [Текст] / С. Коэн. – М., 1988.
115. Кривицкий, В. «Я был агентом И.В. Сталина» [Текст] / В. Кривицкий. – М., 1991.
116. Кривошеев, Г.Ф. Полвека назад. Великая Отечественная война: Цифры и факты [Текст] / Г.Ф. Кривошеев [и др.]. – М., 1995.
117. Крючков, В. Личное дело [Текст] / В. Крючков. – М., 1996.
118. Кто был кто в Великой Отечественной войне [Текст]: Краткий справочник. – М., 1995.
119. Кудров, В.М. Мировая экономика [Текст] / В.М. Кудров. – М., 1999.
120. Кудров, В.М. Национальная экономика России [Текст] / В.М. Кудров. – М., 2006.

121. Кудров, В.М. Советская экономика в ретроспективе: Опыт переосмысления [Текст] / В.М. Кудров. – М., 1997.
122. Кузнецов, Н.Г. Крутые повороты: Из записок адмирала [Текст] / Н.Г. Кузнецов. – М., 1995.
123. Кулишер, И.М. История русского народного хозяйства [Текст] / И.М. Кулишер. – Челябинск, 2002.
124. Кулишер, И.М. История русской торговли и промышленности [Текст] / И.М. Кулишер. – Челябинск, 2002.
125. Кунаев, Д. О моем времени [Текст] / Д. Кунаев. – Алма-Ата, 1992.
126. Куцылло, В. Записки из Белого дома. 21 сентября – 4 октября 1993 г. [Текст] / В. Куцылло. – М., 1993.
127. Л.И. Брежнев: Материалы к биографии [Текст]. – М., 1991.
128. Ларина (Бухарина), А. Незабываемое [Текст] / А. Ларина. – М., 1989.
129. Лацис, О. Перелом: Опыт прочтения несекретных документов [Текст] / О. Лацис. – М., 1990.
130. Лебедь, А.И. За державу обидно [Текст] / А.И. Лебедь. – М., 1996.
131. Лельчук, В.С. Индустриализация СССР: История, опыт, проблемы [Текст] / В.С. Лельчук. – М., 1984.
132. Ленин, В.И. Большевики должны взять власть [Текст] / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 34.
133. Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции [Текст] / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 31.
134. Лившиц, А.Я. Экономическая реформа в России и ее цена [Текст] / А.Я. Лившиц. – М., 1994.
135. Лигачев, Е.К. Загадка Лигачева [Текст] / Е.К. Лигачев. – М., 1992.
136. Лойберг, М.Я. История экономики [Текст] / М.Я. Лойберг. – М., 2000.
137. Лукьянов, А. Переворот мнимый и настоящий [Текст] / А. Лукьянов. – М., 1993.
138. Людские потери СССР в Великой Отечественной войне [Текст]. – СПб., 1995.
139. Лященко, П.И. История народного хозяйства СССР [Текст] / П.И. Лященко. – 3-е изд. – М., 1952. Т. 1 – 3.
140. Майский, И.М. Воспоминания Советского посла [Текст] / И.М. Майский. – М., 1990.
141. Малафеев, А.Н. История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.) [Текст] / А.Н. Малафеев. – М., 1964.
142. Маленков, А. О моем отце Георгии Маленкове [Текст] / А. Маленков. – М., 1992.
143. Марченко, А. Живи как все [Текст] / А. Марченко. – М., 1993.
144. Мау, В.А. Реформы и догмы: Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма [Текст] / В.А. Мау. – М., 1993.

145. Мау, В.А. Экономика и власть: Политическая история экономической реформы в России 1985–1994 [Текст] / В.А. Мау. – М., 1995.
146. Махно, Н. Воспоминания [Текст] / Н. Махно. – М., 1992.
147. Медведев, В. В команде Горбачева: Взгляд изнутри [Текст] / В. Медведев. – М., 1994.
148. Медведев, В. Человек за спиной [Текст] / В. Медведев. – М., 1994.
149. Медведев, Р. Генсек с Лубянки [Текст] / Р. Медведев. – М., 1993.
150. Медведев, Р. Личность и эпоха: Политический портрет Л.И. Брежнева [Текст] / Р. Медведев. – М., 1991. – Кн. 1.
151. Медведев, Р.А. Н.С. Хрущев: Политическая биография [Текст] / Р.А. Медведев. – М., 1990.
152. Медведев, Р.А. О И.В. Сталине и сталинизме [Текст] / Р.А. Медведев. – М., 1990.
153. Мельгунов, С.П. Красный террор в России [Текст] / С.П. Мельгунов. – М., 1990.
154. Млынарж, З. Мороз ударил из Кремля [Текст] / З. Млынарж. – М., 1992.
155. Москва военная. 1941–1945: Мемуары и архивные документы [Текст]. – М., 1995.
156. Москва. Осень–93: Хроника противостояния [Текст]. – М., 1994.
157. На пороге кризиса: Нарастание застойных явлений в партии и обществе [Текст]. – М., 1990.
158. Назарбаев, Н. Без правых и левых [Текст] / Н. Назарбаев. – М., 1991.
159. Население России в XX веке: Исторические очерки [Текст]. – М., 2000-2012. – Т.1-3.
160. Наше Отечество: Опыт политической истории [Текст]. – М., 1991. – Т. 1 – 2.
161. Не смей командовать! От административно-командных к экономическим методам управления [Текст] / под ред. Н.Я. Петракова. – М., 1990.
162. Некрасов, В. Тринадцать «железных наркомов» [Текст] / В. Некрасов. – М., 1995.
163. Некрич, А. 1941, 22 июня [Текст] / А. Некрич. – М., 1995.
164. Ненашев, М. Последнее правительство СССР [Текст] / М. Ненашев. – М., 1993.
165. Никита Сергеевич Хрущев: Материалы к биографии [Текст]. – М., 1989.
166. Никсон, Р. На арене: Воспоминания о победах, поражениях и возрождении [Текст] / Р. Никсон. – М., 1992.
167. Новодворская, В. По ту сторону отчаяния [Текст] / В. Новодворская. – М., 1993.
168. Нюрнбергский процесс [Текст]: Сборник материалов. – М., 1987–1990. – Т. 1–4.

169. Общественные заявления, письма, интервью [Текст]. – Ярославль, 1996. – Т.1–2.
170. Оглашению подлежит. СССР – Германия. 1939–1941: Документы и материалы [Текст]. – М., 1991.
171. Октябрь 1917 года и большевистский эксперимент в России [Текст]. – М., 1995.
172. Октябрьская революция: Мемуары [Текст]. – М., 1991.
173. Опенкин, А. Оттепель: Как это было (1953–1955 гг.) [Текст] / А. Опенкин. – М., 1991.
174. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне [Текст]: Сборник документов. – М., 1995. Т.1. Кн. 1–2.
175. Орлов, А. Тайная история сталинских преступлений [Текст] / А. Орлов. – М., 1991.
176. Орлов, Ю. Опасные мысли [Текст] / Ю. Орлов. – М., 1991.
177. Ослунд, А. Россия: Рождение рыночной экономики [Текст] / А. Ослунд. – М., 1996.
178. Ослунд, А. Строительство капитализма: Рыночная трансформация стран бывшего советского блока [Текст] / А. Ослунд; под ред. И.М. Осадчей. – М., 2003.
179. Осокина, Е.А. Иерархия потребления: О жизни людей в условиях сталинского снабжения, 1928–1935 гг. [Текст] / Е.А. Осокина.
180. От «Барбароссы» до «Терминала»: Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны [Текст]. – М., 1992.
181. От «оттепели» до «застоя» [Текст]: Сборник воспоминаний бывших партийных и государственных деятелей. – М., 1990.
182. Пайпс, Р. Русская революция [Текст] / Р. Пайпс. – М., 1995. Т.1–2.
183. Панкин, Б. Сто оборванных дней [Текст] / Б. Панкин. – М., 1993.
184. Панов, В.П. Это было: О тружениках тыла в годы Великой Отечественной войны [Текст] / В.П. Панов. – М., 1990.
185. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [Текст]: Сборник документов. – М., 1989. – Т.1–2.
186. Перестройка»: 10 лет спустя. Оценки москвичей [Текст]. – М., 1995.
187. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 [Текст]. – М., 1995.
188. Погружение в трясину: Анатомия «застоя» [Текст]. – М., 1991.
189. Поликарпов, В.Д. Военная контрреволюция в России [Текст] / В.Д. Поликарпов. – М., 1990.
190. Политические партии первой трети XX в.: Энциклопедия [Текст]. – М., 1996.
191. Поляков, Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство [Текст] / Ю.А. Поляков. – М., 1967.

192. Поляков, Ю.А. Советская страна после окончания Гражданской войны: Территория и население [Текст] / Ю.А. Поляков. – М., 1986.
193. Попов, В.П. Крестьянство и государство (1945–1953 гг.) [Текст] / В.П. Попов. – Париж, 1992.
194. Попов, В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953 гг.) [Текст]: Сборник документов / В.П. Попов. – М., 1993.
195. Попцов, О. Хроника времен «царя Бориса» [Текст] / О. Попцов. – М., 1995.
196. Прибытков, В. Аппарат [Текст] / В. Прибытков. – М., 1995.
197. Проэктор, Д.М. Путь агрессии и гибели [Текст] / Д.М. Проэктор. – М., 1989.
198. Путч: Хроника тревожных дней [Текст]. – М., 1991.
199. Пушкарев, С.Г. Обзор русской истории [Текст] / С.Г. Пушкарев. – Ставрополь, 1993.
200. РВС республики [Текст]. – М., 1991.
201. Риббентроп, И. Между Лондоном и Москвой: Воспоминания и последние записи [Текст] / И. Риббентроп. – М., 1996.
202. Роговин, В. Сталинский неонэп [Текст] / В. Роговин. – М., 1994.
203. Розанов, Г.Л. И.В. Сталин – А. Гитлер: Документальный очерк Советско-германских дипломатических отношений. 1939–1941 [Текст] / Г.Л. Розанов. – М., 1991.
204. Российское предпринимательство: История и возрождение [Текст] / гл. ред. Ю.В. Волков. – М., 1997. Т. 1 – 3.
205. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование [Текст]. – М., 2001.
206. Россия. 1917 год: Выбор исторического пути [Текст]. – М., 1989.
207. Рыжков, Н. «Перестройка»: История предательств [Текст] / Н. Рыжков. – М., 1992.
208. Рыжков, Н.И. Десять лет великих потрясений [Текст] / Н.И. Рыжков. – М., 1995.
209. Рынок и реформы в России: Исторические и теоретические предпосылки [Текст]. – М., 1995.
210. Сакс, Д. Рыночная экономика и Россия [Текст] / Д. Сакс. – М., 1995.
211. Самсонов, А.М. Вторая мировая война [Текст] / А.М. Самсонов. – М., 1989.
212. Сахаров, А.Д. Воспоминания [Текст] / А.Д. Сахаров. – М., 1996. – Т. 1.
213. Свергнуть власть несправедливости...»: Сводка донесений местных органов НКВД об антисоветских и хулиганских проявлениях в период подготовки к выборам в Верховный Совет Союза ССР за декабрь 1945 – январь 1946 г. [Текст] // Неизвестная Россия: XX век. – М., 1993. – Т. 4.
214. Свет и тени «великого десятилетия»: Н.С. Хрущев и его время [Текст]. – Л., 1989.

215. Секушин, В.И. Отторжение: Нэп и командно-административная система [Текст] / В.И. Секушин. – Л., 1990.
216. Семеникова, Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций [Текст] / Л.И. Семеникова. – М., 1999.
217. Сенявская, Е.С. 1941–1945. Фронтовое поколение: Историко-психологическое исследование [Текст] / Е.С. Сенявская. – М., 1995.
218. Сенявский, А.С. Российский город в 1960–1980-е гг. [Текст] / А.С. Сенявский. – М., 1995.
219. Симонов, К. Глазами человека моего поколения [Текст] / К. Симонов. – М., 1989.
220. Славко, Т.И. Кулацкая ссылка на Урале. 1930–1936 [Текст] / Т.И. Славко. – М., 1995.
221. Слащов-Крымский, Я.А. «Белый» Крым 1920 г.: Мемуары и документы [Текст] / Я.А. Слащов-Крымский. – М., 1990.
222. Собчак, А. Хождение во власть [Текст] / А. Собчак. – М., 1991.
223. Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985): Новое прочтение [Текст]. – М., 1995.
224. Согрин, В. Политическая история современной России [Текст] / В. Согрин. – М., 1994.
225. Соколов, Б. Цена победы. Великая Отечественная: Неизвестное об известном [Текст] / Б. Соколов. – М., 1991.
226. Сокольников, Г.Я. Новая финансовая политика: На пути к твердой валюте [Текст] / Г.Я. Сокольников. – М., 1995.
227. Солженицын, А.И. Как нам обустроить Россию? [Текст] / А.И. Солженицын. – М., 1990.
228. Солженицын, А.И. Публицистика. Статьи и речи [Текст] / А.И. Солженицын. – Ярославль, 1996.
229. Сорокин, П. Дальняя дорога [Текст] / П. Сорокин. – М., 1992.
230. Союзники в войне: 1941–1945 [Текст]. – М., 1995.
231. СССР и «холодная война» [Текст]. – М., 1995.
232. Сталин, И.В. Вопросы ленинизма [Текст] / И.В. Сталин. – М., 1950.
233. Стародубровская, И.В. Великие революции: От Кромвеля до Путина [Текст] / И.В. Стародубровская, В.А. Мау. – М., 2001.
234. Степун, Ф. Бывшее и несбывшееся [Текст] / Ф. Степун. – М., 1995.
235. Сто сорок бесед с Молотовым. Запись Ф. Чуева [Текст]. – М., 1991.
236. Страна гибнет сегодня: Воспоминания о Февральской революции 1917 года [Текст]. – М., 1991.
237. Судоплатов, П. Разведка и Кремль [Текст] / П. Судоплатов. – М., 1996.
238. Суханов, Н.Н. Записки о революции [Текст] / Н.Н. Суханов. – М., 1991. – Т.1–3.
239. Сушков, В. Заключение по кличке «министр» [Текст] / В. Сушков. – М., 1995.

240. Тайны национальной политики ЦК РКП: Стенографический отчет секретного IV совещания ЦК РКП. 1923 [Текст]. – М., 1992.
241. Так говорил Каганович: Запись Ф. Чуева [Текст]. – М., 1993.
242. Такер, Р. И.В. Сталин: Путь к власти, 1879–1929. История и личность [Текст] / Р. Такер. – М., 1990.
243. Тепцов, Н.В. Аграрная политика: на крутых поворотах 20–30-х годов [Текст] / Н.В. Тепцов. – М., 1990.
244. Терне, А. В царстве Ленина [Текст] / А. Терне. – М., 1991.
245. Типпельскирх, К. История Второй мировой войны [Текст] / К. Типпельскирх. – М., 1995.
246. Толмачева, Р.П. Экономическая история [Текст] / Р.П. Толмачева. – 4-е изд., испр. и доп. – М., 2006.
247. Троцкий, Л.Д. К истории русской революции [Текст] / Л.Д. Троцкий. – М., 1990.
248. Троцкий, Л.Д. Моя жизнь [Текст] / Л.Д. Троцкий. – М., 1992.
249. Фельштинский, Ю. Крушение мировой революции: Брестский мир [Текст] / Ю. Фельштинский. – М., 1992.
250. Хаммер, А. Мой век – двадцатый: Пути и встречи [Текст] / А. Хаммер. – М., 1988.
251. Ханин, Г.И. Динамика экономического развития СССР [Текст] / Г.И. Ханин. – Новосибирск, 1991.
252. Хасбулатов, Р.И. Великая российская трагедия [Текст] / Р.И. Хасбулатов. – М., 1994. – Т.1-2.
253. Хлевнюк, О.В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы [Текст] / О.В. Хлевнюк. – М., 1996.
254. Хоскинг, Д. История Советского Союза: 1917–1991 [Текст] / Д. Хоскинг. – М., 1994.
255. Хрущев, Н.С. Воспоминания [Текст] / Н.С. Хрущев. – М., 1989.
256. Хрущев, Н.С. Высокое призвание литературы и искусства [Текст] / Н.С. Хрущев. – М., 1963.
257. Хрущев, С.Н. Никита Хрущев: Кризисы и ракеты [Текст] / С.Н. Хрущев. – М., 1995. – Т.1–2.
258. Хрущев, С.Н. Пенсионер союзного значения: О Н.С. Хрущеве [Текст] / С.Н. Хрущев. – М., 1991.
259. Хрущевские времена: Непринужденные беседы с политическими деятелями «великого десятилетия» [Текст] // Неизвестная Россия: XX век. – М., 1992. – Кн. 1.
260. Цакунов, С.В. В лабиринте доктрины: Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы [Текст] / С.В. Цакунов. – М., 1994.
261. Церетели, И.Г. Кризис власти [Текст] / И.Г. Церетели. – М., 1992.
262. Чазов, Е. Здоровье и власть [Текст] / Е. Чазов. – М., 1992.
263. Черняев, А.С. Шесть лет с Горбачевым [Текст] / А.С. Черняев. – М., 1993.

264. Черчилль, У. Вторая мировая война [Текст] / У. Черчилль. – М., 1991. – Т.1–3.
265. Чуковский, К. Дневник. 1930–1969 [Текст] / К. Чуковский. – М., 1994.
266. Чурбанов, Ю. «Я расскажу все, как было...» [Текст] / Ю. Чурбанов. – М., 1993.
267. Шапошников, Е. Выбор: Записки главнокомандующего [Текст] / Е. Шапошников. – М., 1993.
268. Шебаршин, Л.В. Из жизни начальника разведки [Текст] / Л.В. Шебаршин. – М., 1994.
269. Шеварднадзе, Э. Мой выбор в защиту демократии и свободы [Текст] / Э. Шеварднадзе. – М., 1991.
270. Шевяков, А.А. Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупационных зонах государств антигитлеровской коалиции [Текст] / А.А. Шевяков. – М., 1994.
271. Шелест, П.Е. «...Да не судимы будете» [Текст] / П.Е. Шелест. – М., 1995.
272. Шелленберг, В. Мемуары [Текст] / В. Шелленберг. – М., 1991.
273. Шик, О. Весеннее возрождение – иллюзии и действительность [Текст] / О. Шик. – М., 1991.
274. Ширер, У. Взлет и падение Третьего рейха [Текст] / У. Ширер. – М., 1991. – Т.1–2.
275. Шляпников, А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год [Текст] / А.Г. Шляпников. – М., 1992–1994.- Т.1–3.
276. Шмелев, Г.И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке [Текст] / Г.И. Шмелев. – М., 2000.
277. Шмелев, Н.П. На переломе: Экономическая перестройка в СССР [Текст] / Н.П. Шмелев, В.В. Попов. – М., 1989.
278. Шпиц, И.И. Дневник «Великого перелома» (март 1928 – август 1931) [Текст] / И.И. Шпиц. – Париж, 1991.
279. Шульгин, В.В. Дни. 1920 [Текст] / В.В. Шульгин. – М., 1989.
280. Шульгин, В.В. Три столицы [Текст] / В.В. Шульгин. – М., 1991.
281. Щаранский, Н. Не убоюсь зла [Текст] / Н. Щаранский. – М., 1991.
282. Экономическая история СССР и зарубежных стран [Текст] / под ред. И.Н. Шемякина [и др.]. – М., 1978.
283. Юровский, Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927) [Текст] / Л.Н. Юровский. – М., 1996.
284. Яковлев, А.Н. Горькая чаша: Большевизм и реформация России [Текст] / А.Н. Яковлев. – Ярославль, 1994.
285. Яковлев, А.Н. Муки прочтения бытия [Текст] / А.Н. Яковлев. – М., 1992.
286. Янсен, М. Суд без суда. 1922 год: Показательный процесс социалистов-революционеров [Текст] / М. Янсен. – М., 1993.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. «ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ» В СОВЕТСКОЙ РОССИИ	5
1.1. Становление Советской власти и первые экономические мероприятия	5
1.2. Политика «военного коммунизма»	15
2. «СОВЕТСКИЙ КАПИТАЛИЗМ»: РОССИЯ В ГОДЫ НЭПА.....	22
2.1. Кризис 1921 г. Экономическое развитие страны.....	22
2.2. Денежная и кредитно-финансовая сфера.....	30
2.3. Кризисные явления в экономике	36
3. «СОВЕТСКИЙ СОЦИАЛИЗМ»: ЭКОНОМИКА ВЛАСТИ	39
3.1. Формирование командно-административной системы. Коллективизация сельского хозяйства	39
3.2. Первые пятилетние планы.....	46
3.3. Индустриализация в СССР.....	52
3.4. «Страна победившего социализма»: Социально-экономическая сущность	57
4. ЭКОНОМИКА СССР: ИСПЫТАНИЕ ВОЙНОЙ. ПОСЛЕВОЕННОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ	61
4.1. Экономика СССР накануне войны.....	61
4.2. Советская экономика в годы войны	66
4.3. Послевоенное развитие народного хозяйства	73
5. «ОТТЕПЕЛЬ»: ПОПЫТКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ КОМАНДНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ	81
5.1. Страна накануне реформ	81
5.2. Реформирование советской экономической системы	82
5.3. Преобразования в социальной сфере	93
5.4. Итоги номенклатурной «либерализации»	97
6. ЭПОХА «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА» И «ПЕРЕСТРОЙКА».....	99
6.1. Реформа 1965 г.: Сущность и последствия.....	99
6.2. Нарастание кризисных явлений в советской экономике	107
6.3. «Перестройка» и ее итоги.....	119
7. СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ	130
7.1. Состояние экономики в конце 1991 г.....	130
7.2. Начало экономических реформ	131
7.3. Развитие реформ в 1990-х гг.	135
7.4. Проведение массовой приватизации	138
7.5. Российская экономика на рубеже XX–XXI вв.	145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	156
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	159

Научное издание

Морозов Сергей Дмитриевич

РЕФОРМЫ И РЕФОРМАТОРЫ РОССИИ:
ОТ В.И. ЛЕНИНА ДО В.В. ПУТИНА
Монография

В авторской редакции
Верстка Н.В. Кучина

Подписано в печать 23.03.16. Формат 60x84/16.
Бумага офисная «Снегурочка». Печать на ризографе.
Усл.печ.л. 10,0. Уч.-изд.л. 10,75. Тираж 500 экз. 1-й завод 100 экз.
Заказ № 179.

Издательство ПГУАС.
440028, г. Пенза, ул. Германа Титова, 28.